ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

ИНСТИТУТЫ
И ОБЩЕСТВО

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И УСПЕШНОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕФОРМ

РЭШ
ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МНОГООБРАЗИЯ ОБЩЕСТВА

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

pwc

ЦЕНТР
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК

ИНСТИТУТЫ
И ОБЩЕСТВО

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И УСПЕШНОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕФОРМ

РЭШ
ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МНОГООБРАЗИЯ ОБЩЕСТВА

ИНСТИТУТ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ

pwc

МОСКВА
СЕНТЯБРЬ 2017

АВТОРЫ

Александр Александрович **АУЗАН**, д. э. н., профессор, декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики, научный руководитель Института национальных проектов.

Марина Анатольевна **АВДИЕНКОВА**, налоговый консультант, менеджер PwC в отделе по оказанию услуг государственным органам и компаниям государственного сектора.

Дарья Алексеевна **АНДРЕЕВА**, налоговый консультант PwC в отделе по оказанию услуг государственным органам и компаниям государственного сектора.

Асия Инсуровна **БАХТИГАРАЕВА**, ведущий специалист научно-методического отдела Института национальных проектов.

Виктор Аркадьевич **БРЫЗГАЛИН**, специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов.

Кристина Олеговна **БУТАЕВА**, младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы (ЛИСОМО РЭШ), младший научный сотрудник международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Шломо **ВЕБЕР**, PhD, ректор РЭШ, научный руководитель ЛИСОМО РЭШ, профессор экономики Южного методистского университета (США), ведущий научный сотрудник кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Денис Витальевич **ДАВЫДОВ**, д. э. н., доцент, ведущий научный сотрудник ЛИСОМО РЭШ; ведущий научный сотрудник международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Антон Владимирович **ЗОЛОТОВ**, руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов, член правления Ассоциации независимых центров экономического анализа.

Кирилл Михайлович **НИКИТИН**, партнер PwC в России, руководитель практики по оказанию услуг государственным органам и компаниям государственного сектора, директор центра налоговой политики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Елена Николаевна **НИКИШИНА**, к. э. н., генеральный директор Института национальных проектов, научный сотрудник международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Надежда Анатольевна **ПРИПУЗОВА**, специалист отдела прикладных исследований Института национальных проектов.

Александра Александровна **СТАВИНСКАЯ**, к. э. н., руководитель научно-методического отдела Института национальных проектов, доцент кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

СОДЕРЖАНИЕ

9 ВЛИЯНИЕ НА РЕФОРМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ
10 1.1. Постановка проблемы
13 1.2. Социокультурные факторы

19 СИТУАЦИЯ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ
23 2.1. Социокультурные характеристики по Хофстеде
30 2.2. Социальный капитал
37 2.3. Социокультурное разнообразие

41 ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ И ГРУППЫ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ
42 3.1. Отношение к реформам
47 3.2. Социально-демографический разрез
53 3.3. Региональный разрез

61 ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РЕФОРМ
64 4.1. Особенности реализации реформ в России с учетом социокультурной специфики: развилки
69 4.2. Рекомендации по развитию способствующих реформам социокультурных характеристик
86 4.3. Рекомендации по усилению и распространению способствующих реформам социокультурных характеристик
93 4.4. Рекомендации по формированию промежуточных институтов

105 ПРИЛОЖЕНИЯ

106 ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Определения используемых социокультурных характеристик

108 ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Обзор исследований о связи социокультурных факторов с инновационным развитием и имплементацией реформ

124 ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Исходные классификации регионов, полученные на основе анализа отдельных факторов социокультурного разнообразия

134 ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Схемы социокультурных профилей регионов

149 ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Доверие и нормы гражданской кооперации

152 ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Предложения по стимулированию инновационного развития и предпринимательства

159 ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Описательная статистика групп поддержки и групп критического отношения к институциональным преобразованиям

164 ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Отношение к реформам разных групп населения

174 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

При подготовке данного отчета использованы результаты нескольких полевых исследований, проведенных специально по заказу ЦСР:

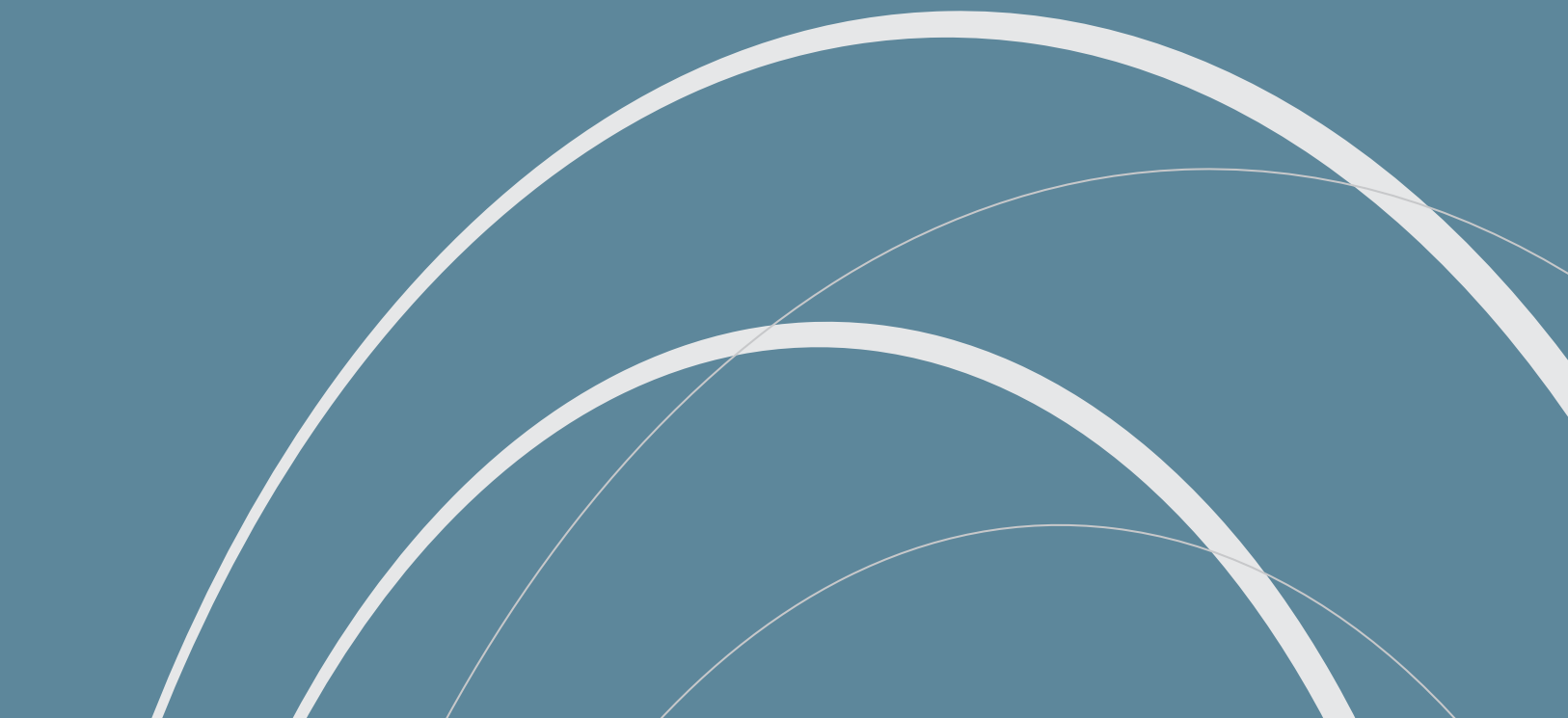
- **Социологический опрос «Мнения россиян о реформах, направленных на достижение долгосрочных целей развития России»,** проведенный Институтом фонда «Общественное мнение» (ООО «инФОМ») с 24 марта по 3 апреля 2017 г. Общий объем выборки – 2 000 респондентов.
  Далее в тексте обозначается как опрос «Мнения россиян о реформах».

- **Социологический опрос «Готовность к переменам»,** проведенный АНО «Левада-центр» в декабре 2016 г. Общий объем выборки – 6 000 респондентов.
  Далее в тексте обозначается как опрос «Готовность к переменам».

- **Социологический опрос по методике Гирта Хофстеде,** проведенный Институтом национальных проектов в 2016–2017 гг. по гомогенной выборке из 1 325 сотрудников организации, осуществляющей свою деятельность в финансовой сфере. Опрос проводился в 13 регионах России.
  Далее в тексте обозначается как «Опрос по методике Хофстеде».

1.

ВЛИЯНИЕ НА РЕФОРМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ



1.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о **причинах экономического развития разных стран** мира является одним из основных в экономической теории и в прикладном экономическом анализе. В разное время к **детерминантам экономического развития** относили географические, ресурсные, технологические, человеческие, институциональные факторы — как по отдельности, так и в различных комбинациях.

В последние десятилетия активно обсуждается роль **социокультурных факторов** (которые нередко обозначают словом «культура»[1]), включающих в себя многообразие неформальных институтов, связанных с ценностями и поведенческими установками (т. н. социокультурными характеристиками, или особенностями), разделяемыми определенным обществом и медленно меняющимися во времени. Отдельное внимание уделяется фактору социокультурного разнообразия — прежде всего этнического, лингвистического и религиозного, — под которым понимается как относительная численность и состав групп населения, выделяемых по указанным признакам, так и особенности взаимной коммуникации представителей разных групп[2].

В настоящее время выявлено существование связей между социокультурной спецификой общества и эффективностью работы формальных институтов [Alesina, Giuliano, 2015], качеством государственного управления [Licht et al., 2007], инновационным развитием [Shane, 1992; 1995], интенсивностью межстрановой торговли и уровнем прямых иностранных инвестиций [Ghemawat, 2001; Tang, 2012; Tadesse, White, 2010], эффективностью различных систем корпоративного управления [Hofstede, 2001; Trompenaars, 2012], экономическим ростом [Guiso et al., 2006; Gorodnichenko, Roland, 2011b], успешностью модернизаций [Berger, Hsiao, 1988].

---

[1] Значение слова «культура» в данном случае шире его общеупотребимой «отраслевой» интерпретации, т. е. сферы функционирования учреждений культуры.

[2] Одним из способов количественной оценки степени разнообразия общества может служить вероятность случайной встречи представителя одной из групп с членом какой-либо другой группы.

Несмотря на сравнительную молодость социокультурного подхода (он активно развивается начиная с 1980-х гг.), результатов проведенных эмпирических исследований, накопленных данных, опыта их практического применения достаточно, чтобы утверждать следующее:

- Социокультурные особенности общества (в силу их инертности) значимо ограничивают возможности по проведению институциональных преобразований, воздействуя как на скорость их осуществления, так и на саму возможность их реализации. Отдельные преобразования могут блокироваться / не восприниматься населением в силу существующих социокультурных особенностей.

- Знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять «тонкую настройку» реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления «институциональных ловушек», решения «проблемы колеи»[3] и вывода экономики на устойчивую траекторию развития.

- Учет влияния социокультурных особенностей населения и социокультурного разнообразия на экономическое развитие и процесс имплементации реформ особенно важен при проведении преобразований в многонациональных странах, а также в странах с существенными различиями в уровне развития территорий. Принятие во внимание социокультурной специфики позволяет оценить перспективность и приоритетность тех или иных реформ, необходимость и степень их адаптации к конкретному региону, характер отношения к ним населения.

- Если реформы проводятся «сверху» и особенно если они направлены на формирование/укрепление институтов, способствующих инновационному экономическому развитию (то есть предполагают значительные изменения в самых разных сферах жизни), то принятие во внимание фактора культуры позволяет избежать «социокультурного раскола» («разрыва»). Имеется в виду ситуация, когда ценностные установки реформаторов (выражающиеся как в предлагаемых ими реформах, так и в стилистике коммуникации с обществом по их поводу) вступают в конфликт с ценностями более широких общественных групп.

- Стратегия реформ, равно как и последовательность их реализации, должна учитывать существующие социокультурные особенности населения и социокультурное разнообразие, опираться на текущие ценности и поведенческие установки людей в среднесрочном периоде (для обеспечения приятия реформ населением) и способствовать желаемому ценностному сдвигу в долгосрочном периоде (для поддержания целевого вектора развития).

[3] «Институциональная ловушка» – неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер. «Проблема колеи» заключается в том, что в каждый момент времени в экономике могут произойти не любые (произвольные) институциональные изменения, а лишь те, которые оказываются осуществимыми в сложившихся условиях.

- В силу сложности и комплексности процессов имплементации реформ необходимо выстраивание механизмов обратной связи, с одной стороны, учитывающих совокупность выявленных социокультурных факторов, а с другой — позволяющих контролировать особенности восприятия населением каждой отдельной реформы в динамике по мере ее имплементации.

Исходя из вышеуказанных фактов, в рамках подготовки документов стратегического развития России представляется важным:

- определить социокультурные факторы, способствующие (или препятствующие) инновационному экономическому развитию России и имплементации необходимых для этого реформ;

- определить регионы, в которых социокультурные факторы будут скорее способствовать (или скорее препятствовать) такого рода развитию и реализации соответствующих реформ;

- сформировать рекомендации по проектированию реформ с учетом социокультурной специфики населения России.

1.2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

Социокультурные факторы, определяемые **ценностями и поведенческими установками людей,** а также разнообразием этнических, лингвистических и религиозных групп, могут оказывать влияние на социально-экономические процессы как на микроуровне (например, в пределах одного предприятия), так и на мезо- и макроуровнях (регион и вся страна в целом). И это влияние может как поддерживать инновационное экономическое развитие, так и препятствовать ему.

Примеры влияния социокультурных факторов

Определения выделенных курсивом социокультурных факторов приведены в Приложении 1

Микроуровень

Лорен Грэхэм приводит исторический пример еще из XIX в. о влиянии социокультурных факторов на инновационное развитие и конкуренцию двух американских государственных заводов по производству оружия в Харперс-Ферри (Западная Виргиния) и в Спрингфилде (Массачусетс) [Грэхэм, 2014]. Столкнувшись с расширением спроса на свою продукцию и одновременно с более высокими требованиями к качеству, оба завода запустили модернизацию оборудования и внутриорганизационных процессов. И если в Спрингфилде новые технологии воспринимались «без малейших колебаний или беспокойства», а сотрудники «были по-деловому агрессивными и ориентированными на технический прогресс», то в Харперс-Ферри работники сопротивлялись происходящим изменениям.

Причины, по мнению Грэхэма, коренились в разном историческом прошлом: в Западной Виргинии было рабство, а в Массачусетсе нет, к тому же среди жителей последнего была широко распространена пуританская этика

со свойственными ей бережливостью, трудолюбием, практичностью и аскетичным отношением к удовлетворению своих потребностей. Соответственно, для сотрудников завода в Спрингфилде была характерна нацеленность на будущее, их не страшила неопределенность, связанная с техническим прогрессом и сменой привычного режима работы. Работники же завода в Харперс-Ферри (особенно квалифицированные мастера) скорее ценили сложившуюся социальную иерархию и оберегали закрытые цеховые принципы работы (корпоративизм), что заставляло их, с одной стороны, «гордиться своим особым статусом „оружейников-мастеров"», а с другой — «изо всех сил сопротивляться механизации производства, унификации и контролю за рабочим временем».

В результате особенности отношения работников к неопределенности, к будущему, к иерархии и к деятельности в целом, а также специфика межгрупповых взаимодействий стали одним из факторов различий в эффективности работы двух предприятий.

Мезоуровень

Один из классических примеров влияния социокультурных факторов на мезоуровне — реформа местного самоуправления в Италии в 1970–1980 гг., описываемая в работе Роберта Патнэма [Патнэм, 1996]. В ходе преобразований региональным властям был передан больший объем полномочий, что привело к совершенно разным результатам на севере и юге страны — южные регионы заметно проигрывали в эффективности местного самоуправления. По мнению Патнэма, ключевой причиной этого были именно социокультурные факторы.

Исторически обусловленный высокий уровень *бриджингового социального капитала* в северных и центральных регионах страны способствовал росту гражданской кооперации между людьми, не являющимися членами одной семьи или близкими друзьями, и выражался в большей способности к коллективным действиям в отстаивании своих интересов. Это позволяло усиливать давление на местные органы власти, получившие в результате реформы бóльшие полномочия, и постепенно повышать эффективность ее работы.

Южные регионы, напротив, характеризовались высоким уровнем *бондингового социального капитала*, который обеспечивал сплоченность и устойчивость семей или узкокорпоративных групп, но затруднял их взаимодействие друг с другом в силу низкого доверия и сосредоточенности на узких внутригрупповых интересах. Все вместе это приводило к тому, что, во-первых, группа, получавшая власть в том или ином регионе, стремилась расставить на ключевые посты своих членов и сохранить свое присутствие максимально возможное время. А во-вторых, другие группы/граждане проявляли пассивность и не могли объединиться для отстаивания коллективных интересов и смены власти на очередных выборах.

Макроуровень

Успешный модернизационный рывок Японии и «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) в немалой степени объясняется социокультурными особенностями жителей этих стран, в частности, *долгосрочной ориентацией*, особенностями конфуцианской культуры [Hofstede, 2001], на которые опирались проводимые социально-экономические и политические преобразования. Упорство и настойчивость в достижении целей (в т. ч. отложенных во времени) вместе с трудолюбием стали одной из опорных точек для быстрого развития этих стран. Наряду с технологическими и экономическими изменениями росли ценности *индивидуализма*, снижалась *дистанция власти* (промодернизационные сдвиги) [Аузан и др., 2011].

Важность учета **социокультурных факторов** подтверждается также выводами многих международных междисциплинарных исследований о влиянии социально-экономических и культурных характеристик на экономическое развитие (см. Приложение 2).

Существует множество подходов к описанию социокультурных характеристик и их последующему использованию. Эти системы характеристик могут оперировать как агрегированными сущностями (т. е. применяться к обществу в целом), так и индивидуализированными (т. е. применяться к конкретному человеку); опираться на системы как количественных, так и качественных показателей; иметь уклон в сторону как психологических особенностей поведения человека, так и менеджеристских особенностей функционирования организаций или больших, сравнительно гомогенных групп.

Для формулирования предложений по проектированию реформ с позиции социокультурных ограничений и возможностей России прежде всего необходимы такие системы социокультурных показателей, которые позволяют **количественно оценить социокультурные характеристики** той или иной группы населения. Одним из наиболее распространенных здесь является подход **Гирта Хофстеде** [Hofstede, 2001], который оперирует социокультурными характеристиками, приложимыми к коллективному субъекту — населению страны или региона.

Помимо ценностных установок (в данном случае Хофстеде), возможности и ограничения для имплементации реформ определяются такой социокультурной характеристикой, как **социальный капитал**, под которым понимается распространенность норм честности, доверия и кооперации, принятых в обществе/группе/организации.

Перечень используемых для последующего анализа социокультурных характеристик приводится ниже, их определения — в Приложении 1.

	Ценности по Хофстеде	Социальный капитал
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	• **долгосрочная ориентация** (long term orientation); • **избегание неопределенности** (uncertainty avoidance); • **индивидуализм** (individualism); • **дистанция власти** (power distance); • **маскулинность** (masculinity)	• **бондинговый социальный капитал**; • **бриджинговый социальный капитал***

Также при проектировании реформ следует принимать во внимание фактор **социокультурного разнообразия**, определяемый размером территории России, численностью ее населения и сопутствующей неоднородностью географических, климатических, социально-экономических и культурных факторов.

Особенности географической протяженности территории, исторических детерминант расселения, а также современного федеративного устройства позволяют уверенно говорить о наличии региональной специфики. При этом пространственные, демографические и социально-экономические особенности территорий далее не рассматриваются – они достаточно хорошо изучены и учитываются в управленческих практиках федеральных и региональных органов власти. Все внимание будет сосредоточено на факторах социокультурного разнообразия: этнической, лингвистической и религиозной неоднородности населения регионов России.

Важным условием корректного учета социокультурных факторов при проведении реформ является правильное сопоставление временны́х масштабов влияния отдельных факторов и применяемых управленческих воздействий. Как с теоретической, так и с практической (эмпирической) точки зрения в анализе влияния социокультурных факторов на социальное и экономическое развитие существует определенный дисбаланс временно́й координаты. По сравнению со стандартными социально-экономическими показателями, для которых условная мера на временной шкале – это год или квартал, социокультурные факторы, даже в условиях проведения активных реформ, могут оставаться достаточно устойчивыми (в предельном случае – неизменными) на протяжении более длительных периодов времени (условная мера – десятилетия).

* Для оценки бриджингового социального капитала, как правило, используется показатель обобщенного (межличностного) доверия.

Таким образом, **в контексте разработки предложений для реформ с учетом социокультурных факторов необходимо контролировать горизонт планирования преобразований и сроки ожидаемой отдачи от них:**

- В краткосрочном периоде (до 3 лет) можно лишь учитывать влияние социокультурных факторов, которые в данном случае необходимо рассматривать как неизменные («константные»), адаптируя формат, характер, сроки и способы имплементации реформ в зависимости от тех или иных выявленных социокультурных особенностей.

- В среднесрочном периоде (3–5 лет) можно предполагать небольшую вариативность отдельных социокультурных факторов, в том числе под воздействием инструментов социально-экономической политики, таких, например, как миграция, налоги и бюджетный федерализм.

- В долгосрочном периоде (от 5 лет) можно рассчитывать на успех в решении «обратной задачи»: совокупного влияния комплексных реформ на основные социокультурные факторы. Это может происходить за счет формирования ценностей, способствующих приятию реформ населением и их полноценной имплементации (см. п. 4.3). Такие ценности, в свою очередь, могут последовательно «взращиваться» системой согласованных промежуточных институтов (подробнее об этом см. п. 4.4).

Социокультурные факторы часто не имеют определяющего влияния на социально-экономическое развитие. Несмотря на это, многочисленные эмпирические исследования подтверждают факт статистически значимого влияния различных социокультурных факторов на показатели социально-экономического развития на уровне стран, отдельных регионов или даже городов, в том числе в отношении развития технологий и инноваций. Социокультурные факторы влияют на направление и характер экономического развития, набор доступных альтернатив и решений для выработки самых разных видов политик, на абрис социально-экономической системы в целом.

Таким образом, недостаточное внимание к социокультурным факторам, а тем более их игнорирование может приводить к ошибкам при принятии управленческих решений и неучету будущих последствий — как позитивных, так и негативных — реализуемых преобразований. Социокультурные факторы — своего рода маленькая гиря на весах, способная склонить чашу в одну или другую сторону, и неиспользование этой «гири», т. е. неучет социокультурных факторов, ведет к неэффективности и потерям общественного благосостояния.

2.

СИТУАЦИЯ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Анализ влияния социокультурных факторов применительно к России проводится в региональном разрезе на тех данных, которые имеются в открытом доступе, а также на собственных данных, собранных в ходе полевого количественного исследования в рамках совместного проекта Центра стратегических разработок, Института национальных проектов и компании «РВК» (см. таблицу 1). Кроме того, имеющиеся данные о языковом, этническом, религиозном разнообразии населения России, исторические особенности развития отдельных регионов и данные по электоральному поведению граждан позволили сформировать комплексную классификацию регионов России с точки зрения факторов социокультурного разнообразия, состоящую из четырех групп со своими характерными чертами.

Таблица 1. Источники данных для анализа социокультурных особенностей регионов России

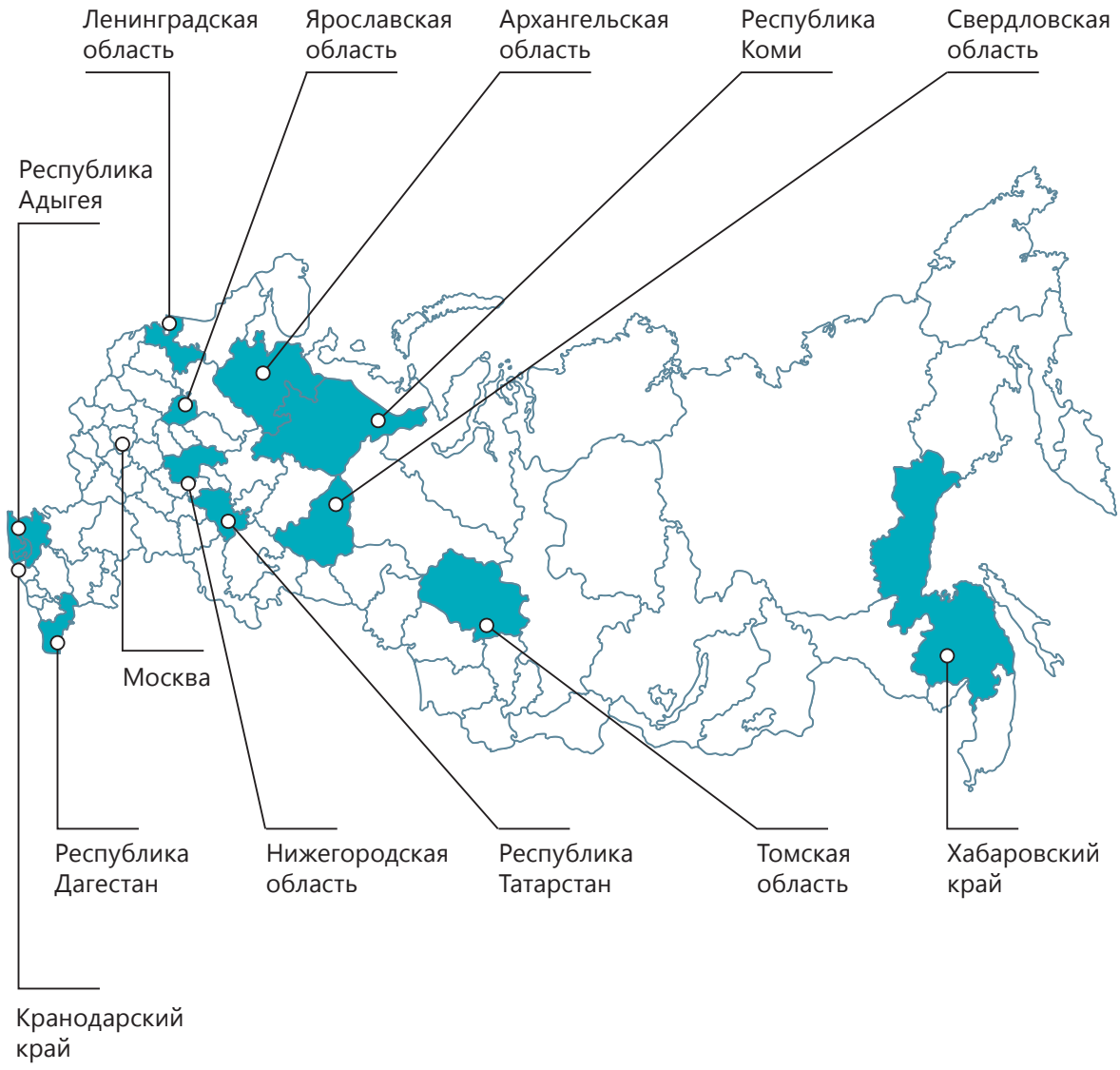
Источник	**Год**	**Социокультурные факторы**	**Регионы**
Собственные данные, собранные по гомогенной выборке	2016–2017	Ценности по Хофстеде	13 регионов
«Евробарометр»	2016	Социальный капитал	10 регионов
Всемирное исследование ценностей	2011	Социальный капитал	6 федеральных округов, а также Москва
Научные работы Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы	2013–2016	Социокультурное разнообразие	Все регионы России*

* За исключением Севастополя и Республики Крым из-за отсутствия данных. Подробнее о классификациях см. в п. 2.3 и Приложении 3.

Информационная база

Собственное исследование представляло собой социологический опрос по методике Г. Хофстеде, проведенный по гомогенной выборке из 1325 сотрудников организации, осуществляющей свою деятельность в финансовой сфере[4]. География опроса представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. География опроса в рамках собственного исследования Института национальных проектов



[4] Представляемые далее выводы сделаны на основании анализа 1256 корректно заполненных анкет.

Проект «Евробарометр в России» основан на методологии «Евробарометр» (проводится в странах ЕС с 1974 г., в России — с 2012 г.) и содержит вопросы, позволяющие оценить различные аспекты доверия и социального капитала. Регионы, охваченные опросом в рамках собственного исследования и «Евробарометра», представлены в таблице 2.

Всемирное исследование ценностей (World Value Survey, WVS) проводится примерно раз в пять лет и содержит вопросы, позволяющие оценить специфику социального капитала по шести федеральным округам и Москве.

Используемые научные работы Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы (ЛИСОМО РЭШ) основаны на результатах, полученных научным коллективом по двум научно-исследовательским проектам, поддержанным грантом Правительства РФ (проект № 14.U04.31.0002) и Российским научным фондом (проект № 15-18-00098). Научный руководитель грантов — PhD, профессор Ш. Вебер.

Таблица 2. Регионы[5], участвовавшие в собственном исследовании и в исследовании «Евробарометра»

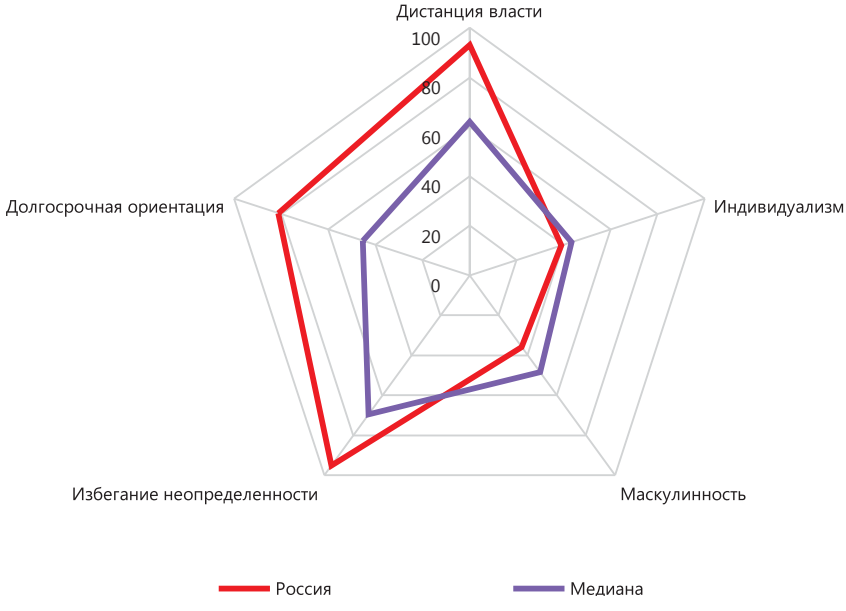
Гомогенная выборка (собственное исследование Института национальных проектов)	**Репрезентативная выборка («Евробарометр в России»)**
Город Москва	Город Москва
Архангельская область	–
Краснодарский край	Краснодарский край
Ленинградская область	Ленинградская область
Нижегородская область	Нижегородская область
Республика Адыгея	–
Республика Дагестан	Республика Дагестан
Республика Коми	–
Республика Татарстан	Республика Татарстан
Свердловская область	Свердловская область
Томская область	Томская область
Хабаровский край	Хабаровский край
Ярославская область	Ярославская область

[5] Опрос проводился в населенных пунктах с наибольшей численностью населения; по два города участвовали в опросе в Ленинградской области (Гатчина, Выборг) и в Республике Адыгея (Майкоп, п. Тульский) — в этих регионах не удалось набрать необходимое число респондентов из одного города.

2.1. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПО ХОФСТЕДЕ

Согласно данным Г. Хофстеде [Hofstede, 2001], в целом для России свойственны относительно высокие дистанция власти, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация (которая может существенно снижаться в условиях низкого качества формальной институциональной среды), относительно низкая маскулинность и индивидуализм на уровне медианного значения (см. рисунок 2). Такой социокультурный профиль может обусловливать наличие у населения патерналистских настроений и опасливое отношение к каким-либо изменениям[6].

Рисунок 2. Социокультурный профиль России



Источник: https://geert-hofstede.com

[6] Подробнее о других исследованиях, проведенных по методике Г. Хофстеде в России, см. в Приложении 4.

Методика Хофстеде предполагает проведение опроса по гомогенной выборке, позволяющей нивелировать влияние прочих факторов — в частности, пола, возраста, специфики полученного образования и профессии, устанавливаемых компанией организационной структуры и корпоративной культуры и т. д. — и осуществлять сравнение сообществ, отличающихся только страной/регионом. В силу этого ключевой результат исследований по Г. Хофстеде состоит не в непосредственном выявлении абсолютных значений социокультурных характеристик, а в определении относительного положения стран/регионов по каждой характеристике [Hofstede, 2001].

В рамках собственного исследования для обеспечения максимально корректных сравнений регионов опрос проводился среди сотрудников, занимающих сходные позиции в одной из финансовых организаций, имеющей филиалы во многих регионах России. При описании относительного положения региона по каждой из характеристик использовались результаты регрессионного анализа, контролирующего эффект пола, дохода, образования, совпадения региона проведения опроса и места рождения респондента. Для удобства восприятия информации для каждого региона в Приложении 4 приведены схемы социокультурного профиля региона на фоне медианного значения по результатам исследования.

Результаты проведенного полевого исследования свидетельствуют, что в целом вариация показателей Хофстеде в исследуемых регионах не настолько велика (не более 10 пунктов из 100[7], максимальная — для показателей избегания неопределенности и дистанции власти, минимальная — для долгосрочной ориентации), чтобы можно было говорить о принципиальных различиях в ценностях и поведенческих установках населения, проживающего в разных регионах России. Напротив, **результаты исследования позволяют говорить, что даже при существующем этническом, религиозном, социально-экономическом разнообразии общего у представителей разных регионов больше, чем различий**[8].

Тем не менее наличие статистически значимых различий в выраженности социокультурных характеристик в разных регионах позволяет осуществлять более тонкую настройку дизайна институциональных изменений и специфики их внедрения в разных регионах, что дает возможность повысить эффективность проводимых преобразований. Для каждого из показателей можно выделить крайние случаи — регионы, для которых данная ценность выражена в большей или меньшей степени (см. таблицу 3). При этом нужно учитывать, что в данном случае можно говорить о той или иной выраженности характеристики лишь относительно других исследованных регионов.

Так, среди исследованных регионов наиболее высокий уровень **дистанции власти** наблюдается в Республике Коми, Архангельской области и Хабаровском крае, наиболее

[7] При расчете показателей Г. Хофстеде значения были пронормированы по шкале от 0 до 100.

[8] В страте образованных, проживающих в крупных городах, работающих в относительно престижном секторе экономики жителей регионов России (составляющих основу нации).

низкий – в Республике Дагестан. С одной стороны, это свидетельствует о низкой вероятности реформ «снизу» в более патерналистских **Республике Коми, Архангельской области** и **Хабаровском крае** и относительно высокой – в регионе с более низким показателем дистанции власти – **Республике Дагестан**, где можно ожидать большего неприятия реформ, проводимых «сверху». С другой стороны, наиболее благоприятной средой для такого рода реформ могут оказаться как раз Республика Коми, Архангельская область и Хабаровский край, жители которых, вероятно, при прочих равных условиях будут в большей степени склонны подчиняться спущенным сверху директивам.

Наиболее высокий уровень **избегания неопределенности** характерен для **Архангельской области, Нижегородской области** и **Республики Коми**. Иначе говоря, можно ожидать, что население этих регионов при прочих равных условиях будет более негативно относиться к каким-либо изменениям и не принимать проводимые реформы, но в силу низкого социального капитала и слабо развитых норм гражданской кооперации (см. далее для Нижегородской области) – и, соответственно, низкой склонности к коллективным действиям – это неприятие, вероятно, будет носить пассивный характер. Относительно высокий уровень избегания неопределенности в этих регионах актуализирует необходимость проведения массированных информационных кампаний, разъясняющих населению выгоды и перспективы, открывающиеся в случае успешной реализации преобразований. Напротив, можно ожидать, что жители **Республики Дагестан** (наименьший показатель избегания неопределенности) – региона со значительным социокультурным разнообразием – при прочих равных условиях в большей степени готовы к изменениям; однако и вероятность блокировки изменения, к которому население не готово, выше в связи с низким уровнем индивидуализма (высоким уровнем коллективизма).

По показателю **индивидуализма** лидируют **Нижегородская область, Республика Коми** и **Краснодарский край**; в свою очередь, наиболее коллективистский регион – **Республика Дагестан**. Относительно высокий индивидуализм в Нижегородской области, Республике Коми и Краснодарском крае указывает на промодернизационность ценностных установок жителей данных регионов: они в большей степени нацелены на самореализацию, независимость, в т. ч. материальную, инновационную деятельность. Относительно высокий коллективизм в Республике Дагестан, наоборот, может обусловливать бóльшую вероятность коллективного бойкотирования (возможно, неявного) внедряемых изменений (в том случае, если население по каким-то причинам их не воспримет). Здесь в наибольшей степени актуализируется разработка системы специальных компенсирующих мер для групп, потенциально проигрывающих в процессе преобразований.

Что касается **маскулинности**, то в наибольшей степени она проявлена в **Республике Дагестан, Архангельской области, Свердловской области** и **Республике Адыгея**, в наименьшей – **в Ленинградской области** и **Республике Татарстан** (для этих регионов могут потребоваться дополнительные стимулы для реализации институциональных изменений с отложенными результатами).

По **долгосрочной ориентации** первые позиции занимают **Свердловская** и **Томская области**, последнюю — Республика Адыгея (хотя в целом разброс по данному показателю невелик — статистически значимые на 10% уровне различия наблюдаются только для этих трех регионов). Таким образом, в Свердловской и Томской областях можно рассчитывать на сравнительно бóльшую эффективность (по сравнению с другими регионами) реформ, не дающих немедленного результата: здесь население будет в большей степени готово ждать отложенных результатов, чем жители Адыгеи. Более того, в силу относительно высокой маскулинности при прочих равных условиях население Свердловской области будет в большей степени готово идти на ряд ограничений ради достижения заявленных целей. Между тем в Адыгее также, с учетом относительно высокой маскулинности, могут быть успешно реализованы краткосрочные «рывки» на основе мобилизационных усилий.

При этом стоит отдельно отметить, что в Республике Дагестан четыре показателя (кроме долгосрочной ориентации) принимают крайние значения: дистанция власти[9], избегание неопределенности и индивидуализм являются самыми низкими, а маскулинность — самой высокой среди всех исследованных регионов. Все вместе это может обусловливать необходимость проведения в данном регионе особой политики, учитывающей социокультурные особенности его населения. Полные результаты относительного положения регионов, построенного на основе регрессионного анализа, приведены в таблице 3.

[9] Низкая дистанция власти в Дагестане может объясняться наличием межпоколенческого конфликта, который, по мнению И.В. Стародубровской, стал следствием аномии, возникшей на Северном Кавказе, «когда традиционные для сельской местности регуляторы разрушились, а новые, городские, еще не сформировались» [Стародубровская, 2015].

Таблица 3. Регионы, проранжированные по степени выраженности показателей Хофстеде (от большей к меньшей)[10]

	Дистанция власти	Долгосрочная ориентация	Избегание неопределенности	Индивидуализм	Маскулинность
1	Республика Коми (6/4)	Свердловская область (1/0)	Архангельская область (6/5)	Нижегородская область (5/3)	Республика Дагестан (2/2)
2	Архангельская область (4/4)	Томская область (1/0)	Нижегородская область (6/5)	Республика Коми (3/2)	Архангельская область (2/0)
3	Хабаровский край (4/4)	Хабаровский край (0)	Республика Коми (5/4)	Краснодарский край (2/1)	Свердловская область (2/2)
4	Краснодарский край (4/1)	Краснодарский край (0)	Ленинградская область (3/1)	Ленинградская область (2/0)	Республика Адыгея (2/1)
5	Ярославская область (4/3)	Нижегородская область (0)	Республика Адыгея (2/1)	Архангельская область (1/0)	Томская область (2/2)
6	Республика Татарстан (1/0)	Республика Коми (0)	Республика Татарстан (2/1)	Свердловская область (0)	Ярославская область (2/1)
7	Москва (1/0)	Архангельская область (0)	Хабаровский край (1/0)	Республика Татарстан (0)	Республика Коми (0)
8	Нижегородская область (1/0)	Республика Татарстан (0)	Свердловская область (2/0)	Ярославская область (0)	Москва (0)
9	Свердловская область (1/0)	Ярославская область (0)	Ярославская область (3/2)	Томская область (1/0)	Краснодарский край (0)
10	Республика Адыгея (5/3)	Ленинградская область (0)	Краснодарский край (3/3)	Хабаровский край (1/0)	Хабаровский край (0)
11	Томская область (5/4)	Москва (0)	Москва (4/3)	Москва (2/1)	Нижегородская область (0)
12	Ленинградская область (5/4)	Республика Дагестан (0)	Томская область (6/3)	Республика Адыгея (4/2)	Республика Татарстан (6/3)
13	Республика Дагестан (7/5)	Республика Адыгея (2/0)	Республика Дагестан (7/6)	Республика Дагестан (5/3)	Ленинградская область (6/5)

Примечание: в скобках указано, от какого количества регионов статистически значимо (на 10% / 5% уровне) отличается данный регион.

[10] Опрос проводился в населенных пунктах с наибольшей численностью населения; по два города участвовали в опросе в Ленинградской области (Гатчина, Выборг) и Республики Адыгея (Майкоп, п. Тульский). Ранжировка регионов произведена на основе регрессионного анализа при контроле на пол, доход, образование, совпадение региона проведения опроса и региона рождения респондента.

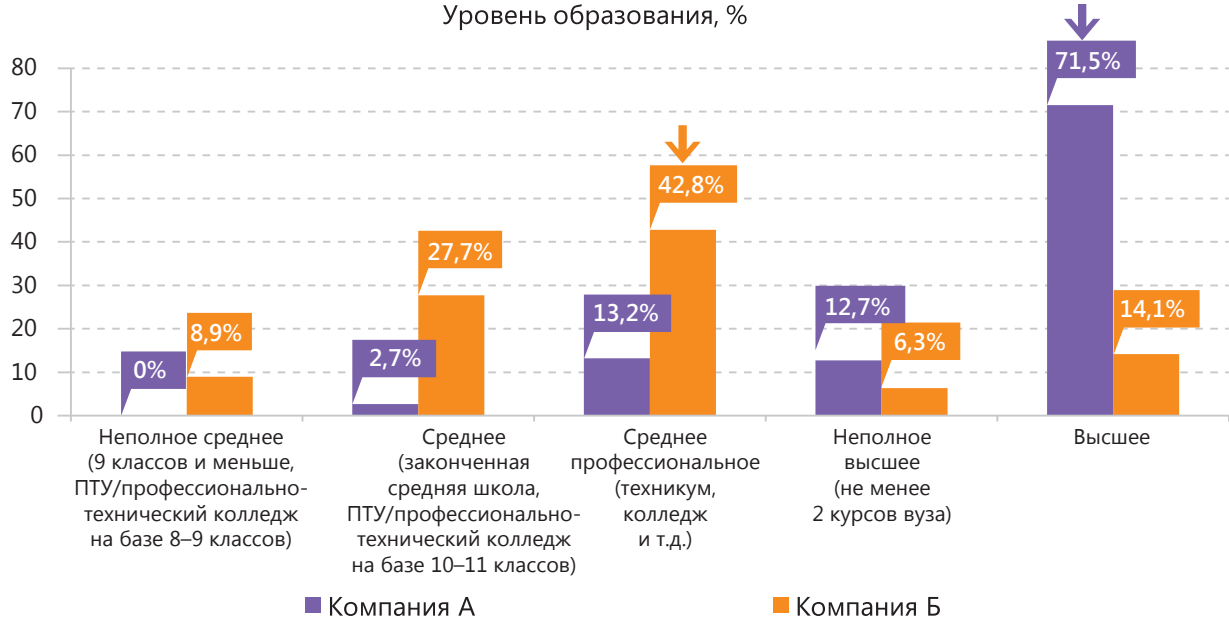
Социокультурные характеристики населения: секторальный разрез

При определении социокультурных характеристик населения отдельный содержательный вопрос состоит в выявлении не только региональных, но и секторальных социокультурных различий.

В отличие от анализа региональных особенностей, анализ секторальных различий позволяет определить близость и разрывы в социокультурных профилях людей, проживающих в одном регионе, но обладающих отличающимися социокультурными характеристиками в силу характера образования, профессиональной специфики, корпоративной культуры и т. д.

Исследование, проведенное в рамках совместного проекта Центра стратегических разработок, Института национальных проектов и компании «РВК», позволяет косвенно оценить различия в ценностях по Г. Хофстеде у сотрудников, работающих в одном регионе, но в разных сферах. В ходе исследования опрашивались сотрудники, работающие в двух компаниях: представляющей финансовый сектор и сферу розничной торговли. Как видно из рисунка 3, подавляющая доля респондентов, работающих в финансовой сфере, получили высшее образование, в то время как опрошенные, работающие в сфере розничной торговли, как правило, не имеют высшего образования.

Рисунок 3. Уровень образования респондентов в компании А (финансовая сфера) и компании Б (сфера розничной торговли)



Источник: по данным собственного исследования и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов

В силу значительных социально-демографических различий в выборках респондентов из двух компаний (пол, возраст, доход, образование), сравнение непосредственно численных показателей Г. Хофстеде является некорректным. Для очистки результатов от этих эффектов был проведен регрессионный анализ, учитывающий пол, возраст, доход, образование, а также совпадение региона рождения и региона работы респондента.

Результаты такого анализа показали существование статистически значимых различий по двум характеристикам. Так, при прочих равных условиях у респондентов, работающих в финансовой сфере, выше показатели маскулинности и избегания неопределенности по Г. Хофстеде. По остальным характеристикам Г. Хофстеде статистически значимые различия между представителями разных компаний не обнаружены.

Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов.

- Отсутствуют значимые различия по медленно изменяющимся показателям дистанции власти, индивидуализма и долгосрочной ориентации [Hofstede et al., 1991; Fernandez et al., 1997; Minkov, 2011].

- Можно предположить сравнительную важность компании/сферы, в которой работает респондент, причем здесь речь может идти как о самоотборе (в определенную компанию/сферу идут люди с определенными склонностями и социокультурными характеристиками), так и об эффекте корпоративной культуры, меняющей и прививающей те или иные ценности. В частности:

  I Более высокая маскулинность респондентов, работающих в финансовой компании, может объясняться как персональными качествами людей, выбирающих работу в финансовой сфере (нацеленность на материальное благополучие и конкуренцию, а не на обеспечение определенного качества жизни, кооперацию), так и сравнительно более развитыми корпоративными стандартами, системами KPI, требующими значительной напористости и нацеленности на результат.

  II Более высокое избегание неопределенности респондентов, работающих в финансовой сфере, можно объяснить более развитой системой стандартов и инструкций, регулирующих более сложные и разнообразные рабочие функции и требующих (для выполнения KPI) их соблюдения.

Все вместе это позволяет сделать предположение, что для сравнительно легко изменяемых характеристик специфика сферы / корпоративной культуры может оказывать значимое влияние на социокультурные характеристики работников. При этом для корректировки более глубинных характеристик (например, дистанции власти, индивидуализма) требуется применение специальных мер и инструментов (пример см. в кейсе об активизации политической функции налоговой системы в п. 4.4).

2.2. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Социальный капитал традиционно оценивается через три компоненты: уровень доверия, нормы гражданской кооперации и участие в добровольных ассоциациях [Knack, Keefer, 1997; Putnam, 2000]. Поскольку имеющиеся данные по последнему показателю не годятся для оценки социального капитала в России (качество статистики низкое, невозможно оценить интенсивность участия в добровольных организациях), то дальнейший анализ проводится только по первым двум.

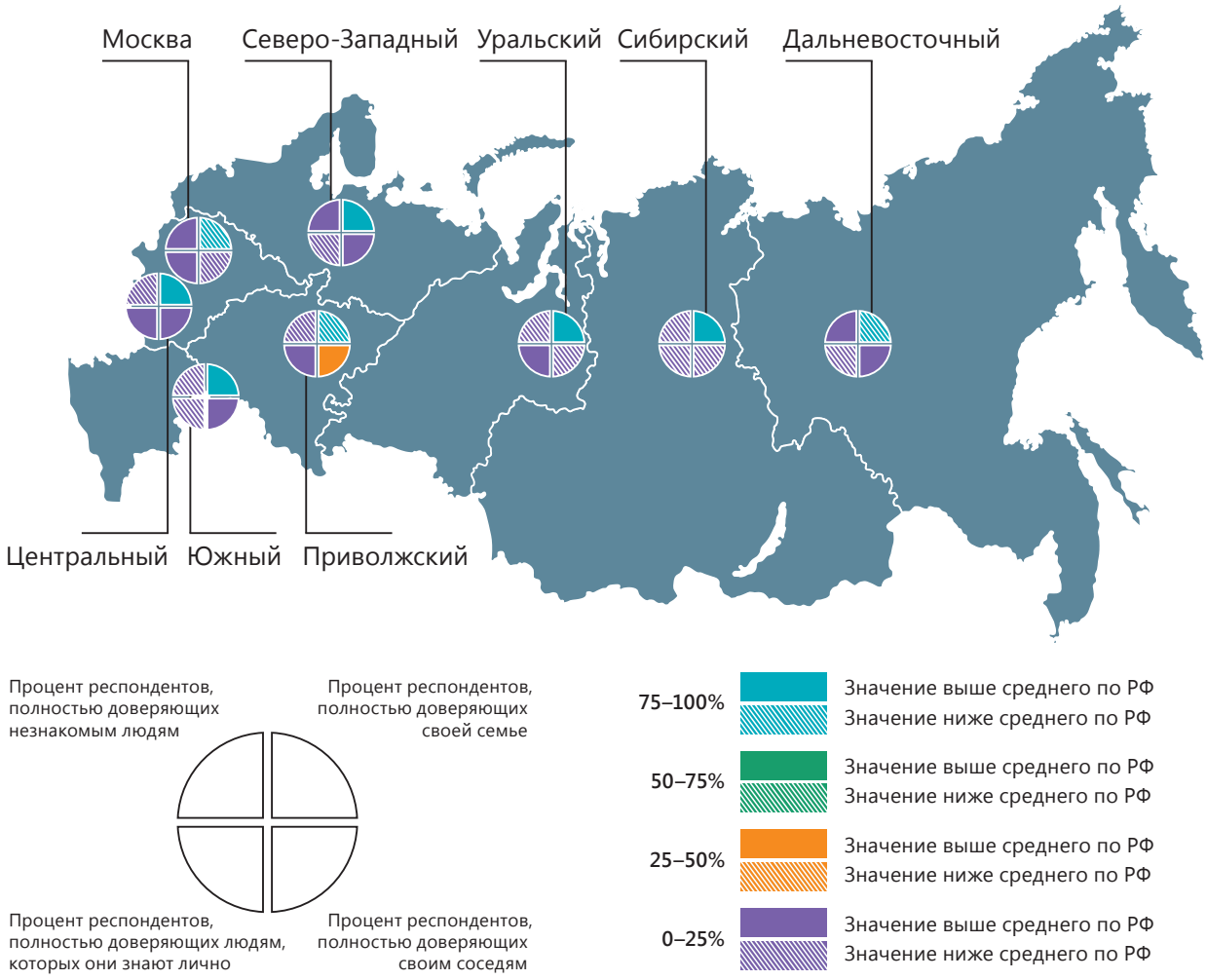
На рисунке 4 изображена специфика доверия для семи федеральных округов и Москвы. Каждому из секторов соответствует определенный вопрос из WVS, позволяющий оценить радиус доверия респондента (цвет заливки показывает, какая доля респондентов в регионе полностью согласна с соответствующим утверждением) (подробнее об уровне доверия в федеральных округах см. в Приложении 5).

Для рассматриваемых округов в целом характерен низкий радиус доверия: относительно высокий бондинговый социальный капитал при дефиците бриджингового социального капитала. Видно, что респонденты практически полностью доверяют своим семьям, но проявляют крайне низкое доверие как к соседям и людям, которых они знают лично, так и к незнакомым. Это свидетельствует, во-первых, о дополнительных трансакционных издержках, которые вынуждено нести население при осуществлении любых экономических взаимодействий, чтобы компенсировать дефицит доверия и предотвратить риск недобросовестного поведения со стороны контрагентов. Во-вторых, о сравнительно низкой склонности к кооперации. В-третьих, о сравнительно высокой инертности общества: бондинговые связи, эффективные непосредственно для членов группы, могут создавать отрицательные эффекты для общества в целом, если подобные сообщества начинают преследовать собственные интересы в ущерб интересам тех, кто в эту группу не входит.

При этом бондинговый социальный капитал (оцениваемый через вопрос о доверии в семье) в наибольшей степени проявляется в Южном, Центральном, Уральском, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах и в сравнительно

меньшей степени характерен для Приволжского и Дальневосточного федеральных округов, а также для Москвы. Бриджинговый социальный капитал (оцениваемый через вопрос о доверии незнакомым людям) в наименьшей степени развит в Южном, Сибирском, Уральском, Центральном и Приволжском федеральных округах.

Рисунок 4. Особенности радиуса доверия в федеральных округах, 2011 г.

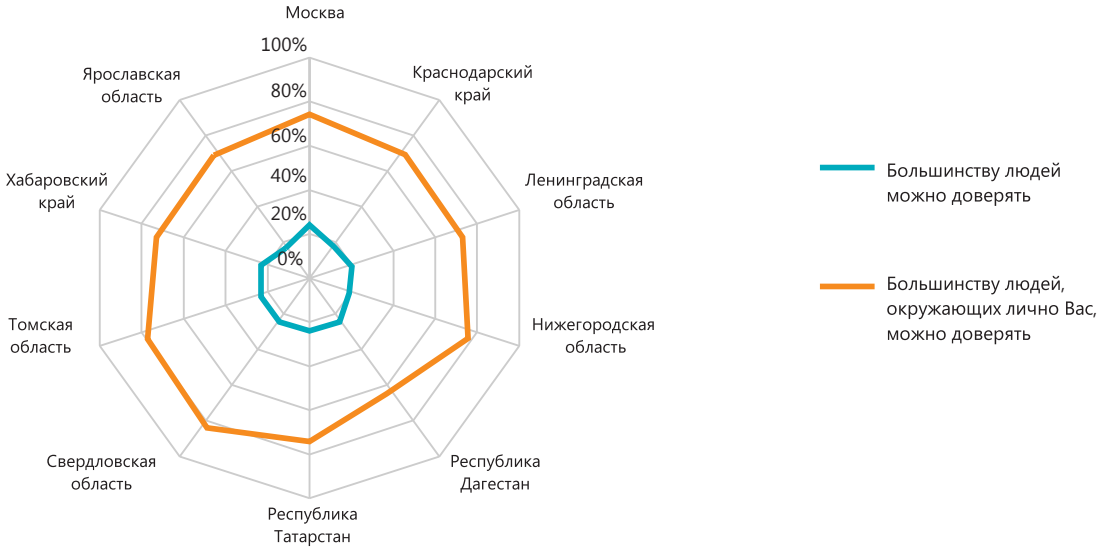


Источник: www.worldvaluessurvey.org

Исследование, проведенное в рамках проекта «Евробарометр в России», позволило описать уровень бриджингового и бондингового социального капитала в регионах России. На рисунке 5 изображено процентное распределение респондентов, согласных с утверждением «Большинству людей можно доверять» (характеризует уровень бриджингового социального капитала) и «Большинству людей, окружающих лично Вас, можно доверять» (характеризует уровень бондингового социального капитала) (подробнее об уровне бриджингового и бондингового социального капитала в регионах см. в Приложении 5).

Рисунок 5 подтверждает вывод о том, что в целом для России характерен относительно низкий уровень бриджингового социального капитала. Так, 22% респондентов в среднем по выборке согласны, что большинству людей можно доверять (для сравнения: в США так считают 34,8% респондентов, в Германии – 44,6%, в Швеции – 60,1%, в Южной Корее – 26,5%, в Турции – 11,6% [WVS, 2010-2014]) при относительно высоком уровне бондингового социального капитала.

Рисунок 5. Бриджинговый и бондинговый социальный капитал: региональный разрез[11]



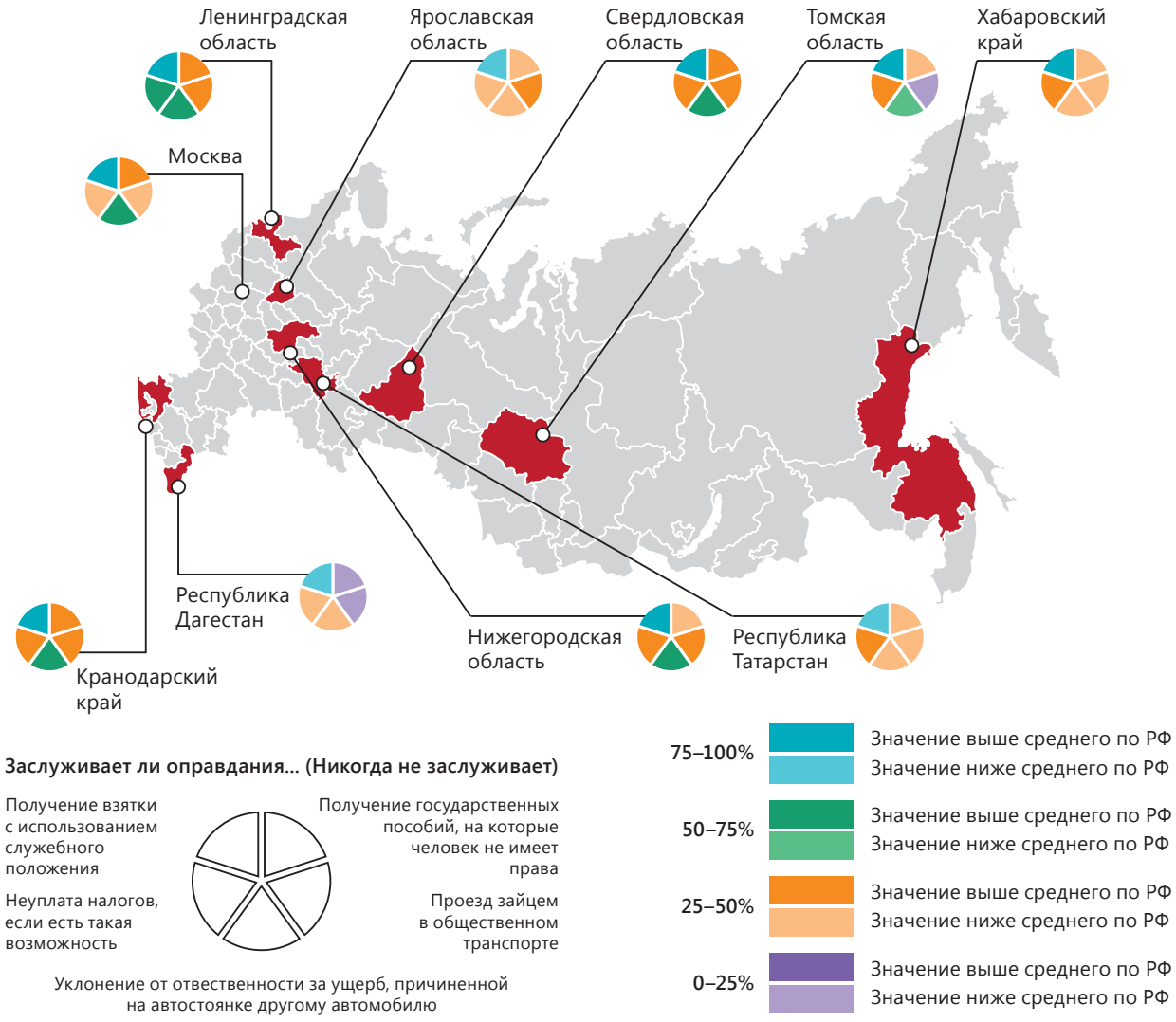
Источник: по данным исследования «Евробарометр в России» (www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra) и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов (выборка репрезентативна на уровне регионов).

Такого рода результаты важны при внедрении мер, которые могут затрагивать интересы бондинговых групп в широком смысле. В регионах с распространенным бондинговым социальным капиталом, где высока вероятность блокировки институциональных преобразований со стороны узких групп специальных интересов, требуется уделять дополнительное внимание информированию заинтересованных сторон о выгодах планируемых реформ (для расширения числа стейкхолдеров, готовых поддержать изменения), а также проработке компенсационных сделок (материальных, статусных и др.) для проигрывающих сторон (для снижения эффекта блокировки).

[11] На основе полученных данных можно говорить об относительно низком уровне бриджингового социального капитала в целом во всех регионах и его малом разбросе между регионами – выводы об относительном положении регионов по уровню социального капитала делать нельзя.

На рисунке 6 проиллюстрировано распределение ответов респондентов на вопросы, касающиеся норм гражданской кооперации (получения взятки, неуплаты налогов и т. д.) (подробнее о нормах гражданской кооперации см. в Приложении 5).

Рисунок 6. Нормы гражданской кооперации в регионах России, 2016



Источник: по данным исследования «Евробарометр в России» (www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra) и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов (выборка репрезентативна на уровне регионов)

На рисунке отражена схема визуализации секторов круга в зависимости от доли респондентов, согласившихся с тем или иным утверждением. Так, во всех регионах более 70% респондентов считают, что получение взятки с использованием служебного

положения никогда не оправдано. Однако это единственное нарушение, отрицательно воспринимаемое представителями всех регионов. Процент людей, считающих, что уклонение от ответственности за ущерб, причиненный на автостоянке другому автомобилю, никогда не заслуживает оправдания, колеблется от 39% в Республике Дагестан до 59% в Ленинградской области, а неуплату налогов порицают от 31% жителей в Республике Дагестан до 51% — в Ленинградской области.

Самыми же безобидными видами нарушений, с точки зрения респондентов, являются проезд зайцем в общественном транспорте и получение государственных пособий, на которые человек не имеет права (никогда не заслуживающим оправдания считают соответственно менее 30% и менее 34% жителей во всех регионах). Таким образом, в целом для исследованных регионов характерна довольно слабая развитость норм гражданской кооперации, при этом наиболее низкий уровень — у жителей Республики Дагестан, наиболее высокий — у жителей Ленинградской области.

Интересно, что наиболее негативно респонденты относятся к нарушениям, которые, по-видимому, проецируют не на себя, а на власть предержащих (получение взятки). В тех же случаях, когда они могут с легкостью представить себя в качестве нарушителя, их представления «о плохом» становятся не столь категоричны. Кроме того, респонденты гораздо охотнее обманывают обезличенное государство (неуплата налогов, проезд зайцем, получение государственных пособий без права на них), чем своих сограждан (уклонение от ответственности за ущерб, причиненный другому автомобилю).

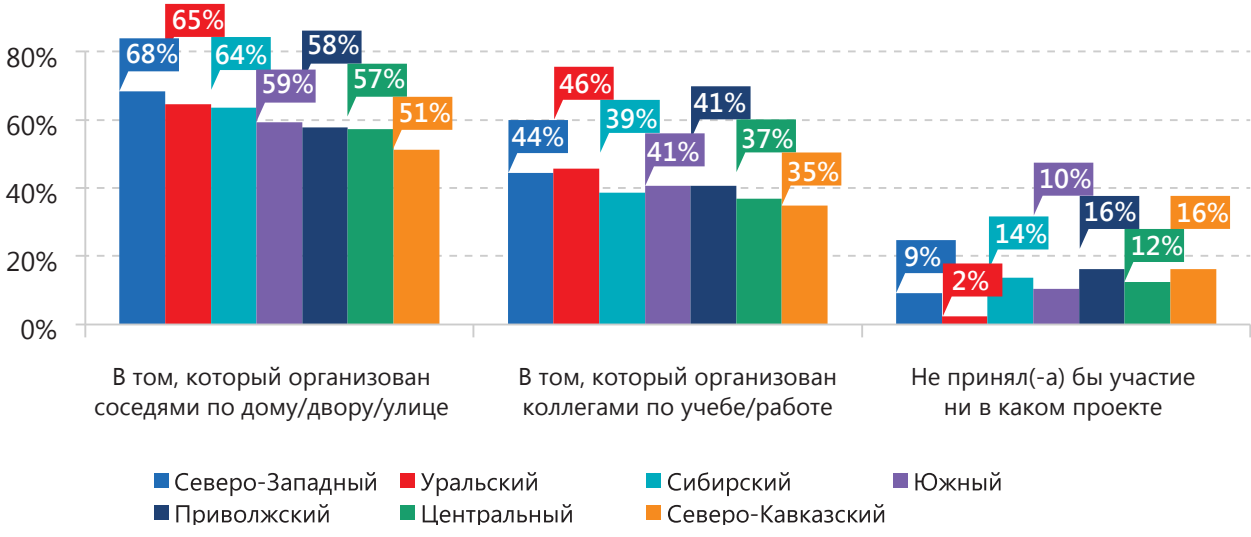
Что касается кооперации с целью создания общественных благ, то, по результатам опроса «Готовность к переменам», в наименьшей степени среди всех округов к ней склонно население Северо-Кавказского округа: в течение года, предшествовавшего опросу, 45,7% не принимали участие ни в одном из 22 перечисленных видов общественной деятельности (участие в субботниках, собраниях жильцов, акциях помощи нуждающимся, акциях протеста и пр.) при среднем значении по России 34,3% (см. рисунок 7). То же относится к волонтерской деятельности: 83,8% жителей Северо-Кавказского округа не принимали в ней участие в течение года, предшествовавшего опросу (в среднем по России — 73,7%).

Обращает на себя внимание то, что, согласно данным опроса «Мнения россиян о реформах», вероятнее всего россияне приняли бы участие в общественном благотворительном проекте, организованном соседями по дому/двору/улице (от 51% в Северо-Кавказском округе до 68% в Северо-Западном) и коллегами по учебе/работе (от 35% в Северо-Кавказском округе до 46% в Уральском) (см. рисунок 8). Готовность принять участие в общественных благотворительных проектах, организованных кем-то другим, во всех округах ниже 30%. При этом от 2% в Уральском округе до 16% в Северо-Кавказском и Приволжском округах ни при каких условиях не приняли бы участие в общественных благотворительных проектах. Такие результаты свидетельствуют о наличии потенциала к кооперации прежде всего на основе бондинговых, а не бриджинговых связей.

Рисунок 7. Участие населения в общественной и волонтерской деятельности по федеральным округам, 2016

Источник: опрос «Готовность к переменам»

Рисунок 8. Участие населения в общественных благотворительных проектах в зависимости от организаторов, по федеральным округам, 2016



Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

Дифференциация регионов по данным показателям может использоваться при принятии решений относительно внедрения мер, предполагающих «презумпцию добросовестности» граждан и бизнеса, в том числе связанных с радикальным снижением административных барьеров и т. д., а также при проектировании реформ, опирающихся на гражданскую активность и инициативность населения.

2.3. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

На основании имеющихся данных о языковом, этническом, религиозном разнообразии населения России, исторических особенностях развития территорий, данных по электоральному поведению граждан сформирована комплексная классификация регионов России с точки зрения факторов социокультурного разнообразия (подробнее см. в Приложении 3) с выделением характерных черт каждой группы регионов[12].

ГРУППА 1. В регионах данной группы родным языком большей части населения является русский, при этом население демонстрирует сравнительно более высокую готовность к реформам, выраженную его большей самостоятельностью и активностью, готовностью к предпринимательской/инновационной деятельности, и меньшую приверженность патерналистским ценностям.

Регионы, отнесенные в группу 1: Республика Карелия, Республика Коми, Приморский край, Амурская область, Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Ивановская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Красноярский край, Ленинградская область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Новгородская область, Пермский край, Псковская область, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Челябинская область, Забайкальский край, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий АО.

Среди перечисленных регионов, исходя из проведенных сравнительных исследований, наиболее характерными представителями группы 1 являются: Республика Карелия, Республика Коми, Вологодская область, Новгородская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский

[12] Рекомендации по усилению и распространению способствующих реформам социокультурных характеристик, а также стимулированию инновационного развития и предпринимательства для каждой группы регионов приведены в подпункте 4.3.2 и Приложении 6.

автономный округ, Ямало-Ненецкий АО. Причины внесения данных регионов в перечень характерных представителей группы 1 различны и связаны среди прочего с уровнем доходов на душу населения, структурой перераспределения доходов между регионом и федеральным центром.

Одним из важных дополнительных факторов, способных влиять на вариативность социокультурного разнообразия в среднесрочном периоде (3–5 лет), является межрегиональная или международная миграция. В силу особенностей рынка труда такое влияние стоит отдельно рассматривать для крупных мегаполисов (в заданном контексте это Москва и Санкт-Петербург), прежде всего исходя из имеющихся результатов анализа влияния разнообразия на экономическое развитие на муниципальном уровне.

ГРУППА 2. В регионах данной группы родным языком большей части жителей является русский, при этом население в существенной степени демонстрирует приверженность патерналистским ценностям, занимает более консервативную позицию, что говорит об их меньшей готовности к реформам и меньшей склонности к инновационной активности и предпринимательской деятельности в целом.

Перечень регионов группы 2: Алтайский край, Республика Хакасия, Краснодарский край, Хабаровский край, Белгородская область, Брянская область, Волгоградская область, Воронежская область, Иркутская область, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Ростовская область, Рязанская область, Саратовская область, Смоленская область, Ставропольский край, Ульяновская область, Ярославская область, Еврейская автономная область.

Наиболее характерными представителями группы 2 являются: Иркутская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область. Напротив, Краснодарский край и Хабаровский край имеют наименее выраженные характеристики в рамках выделенной группы. В некоторой степени можно считать, что оба региона занимают пограничное положение между группой 1 и группой 2.

ГРУППА 3. В регионах данной группы существенную долю населения составляют люди с одним и тем же родным языком, отличным от русского. Практически для всех представителей группы характерен республиканский статус. Структура социокультурного разнообразия определяет риски возможной поляризации внутри региона, что обычно сглаживается существующей трансфертной политикой федерального центра. Помимо традиционных факторов разнообразия (этнического, лингвистического, религиозного), которые здесь имеют высокую парную корреляцию, необходимо учитывать более общее условие культурной идентичности населения данных регионов. Вопросы имплементации и адаптации реформ здесь носят более сложный, комплексный характер.

Перечень регионов группы 3: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Астраханская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Республика Бурятия, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва.

Наиболее характерным представителем группы 3 можно назвать Республику Татарстан. При этом республики Марий Эл, Мордовия, Алтай и Тыва демонстрируют менее выраженные признаки принадлежности группе 3.

ГРУППА 4. В регионах данной группы присутствует большое число различных этнических групп, языки которых также, соответственно, различны. Все регионы данной группы имеют республиканский статус и близкое географическое расположение (Северный Кавказ). Структура социокультурного разнообразия демонстрирует высокий уровень фракционализации внутри каждого из регионов. Регионы данной группы также характеризуются особой трансфертной политикой федерального центра. Отдельные группы населения в рассматриваемых регионах имеют традиционный (иногда — архаический) социокультурный уклад, что требует особого и аккуратного подхода к выработке, имплементации и адаптации реформ, что отражено более подробно в перечне рекомендаций.

Перечень регионов группы 4: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика. Наиболее характерным представителем группы 4, демонстрирующим максимальную степень фракционализации, является Республика Дагестан.

В предложенную классификацию регионов не вошли субъекты федерации Севастополь и Республика Крым в силу отсутствия достаточного объема сопоставимых данных. Вопрос о включении данных регионов в одну из перечисленных групп может быть решен только после проведения дополнительных исследований.

3.

ГРУППЫ ПОДДЕРЖКИ И ГРУППЫ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

3.1. ОТНОШЕНИЕ К РЕФОРМАМ

Результаты опроса «Мнения россиян о реформах» ожидаемо показывают, что отношение к реформам — их целям, содержанию, способам проведения — в России неоднородно и варьируется в разных группах населения и регионах. Однако в целом среди первоочередных задач, которые необходимо реализовать в стране в ближайшие 10-15 лет, респонденты называют снижение уровня коррупции (43%)[13], повышение темпов экономического роста (42%), повышение комфорта и удобства проживания в городах и селах (40%), снижение уровня преступности (38%) и снижение уровня социального неравенства (37%) (см. рисунок 9). Причем ради достижения этих целей респонденты готовы отложить проведение реформ, направленных на повышение престижа страны в мире (25%), вовлечение граждан в процесс принятия государственных решений (23%), усиление технологического лидерства страны (20%) и сплочение граждан страны вокруг общих целей и идеалов (19%) (см. рисунок 10).

Хорошо видно, что респонденты значительно менее единогласны в том, решение каких задач следует отложить. Кроме того, более 20% опрошенных затруднились с ответом, что можно интерпретировать следующим образом: люди в целом могут назвать приоритетные задачи развития, однако в меньшей степени понимают, какие из них можно было бы при этом отложить. В их сознании первостепенная реализация той или иной задачи не является одной из альтернатив в условиях ограниченных ресурсов, а должна осуществляться наряду с реализацией других задач.

Предпочтения респондентов относительно наиболее и наименее приоритетных задач развития можно интерпретировать в категориях «разменов»: для этого в подвыборке респондентов, отметивших первоочередные задачи (рисунок 9), выявлялись наименее приоритетные задачи (рисунок 10), набравшие максимальное число «голосов» (иными словами, для каждой пары «приоритетная задача — неприоритетная задача» определялось количество респондентов,

[13] Поскольку опрос был проведен сразу после антикоррупционных митингов 26 марта 2017 г., выход на первое место сюжета с уровнем коррупции может объясняться именно этим обстоятельством.

выбравших данную связку). Именно такая ситуация рассматривается в качестве своего рода «размена»: от чего прежде всего готов отказаться условный респондент, чтобы максимально повысить шансы на реализацию самой приоритетной для него задачи.

Рисунок 9. Какие задачи нужно осуществить в России в ближайшие 10–15 лет (в %)?

Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

Результаты весьма показательны. Самыми популярными формулами «размена» являются следующие: ради «снижения уровня коррупции» 12,8% респондентов готовы поступиться амбициями по «повышению престижа страны в мире»; ради «повышения темпов экономического роста» 12% могут отказаться от «вовлечения граждан в процесс принятия государственных решений»; ради «повышения комфорта и удобства проживания в городах и селах» 11,6% также готовы отложить «повышение престижа страны в мире».

Нетрудно заметить, что внутренняя повестка по значимости существенно превосходит внешнюю, перестающую считаться «отвлекающим фактором» от повседневных проблем, с которыми сталкивается человек. Также заметна патерналистская установка опрошенных: задачи повышения экономического роста, наведения порядка в стране, цивилизованного благоустройства городов являются крайне важными, но от процесса их реализации граждане предпочли бы устраниться.

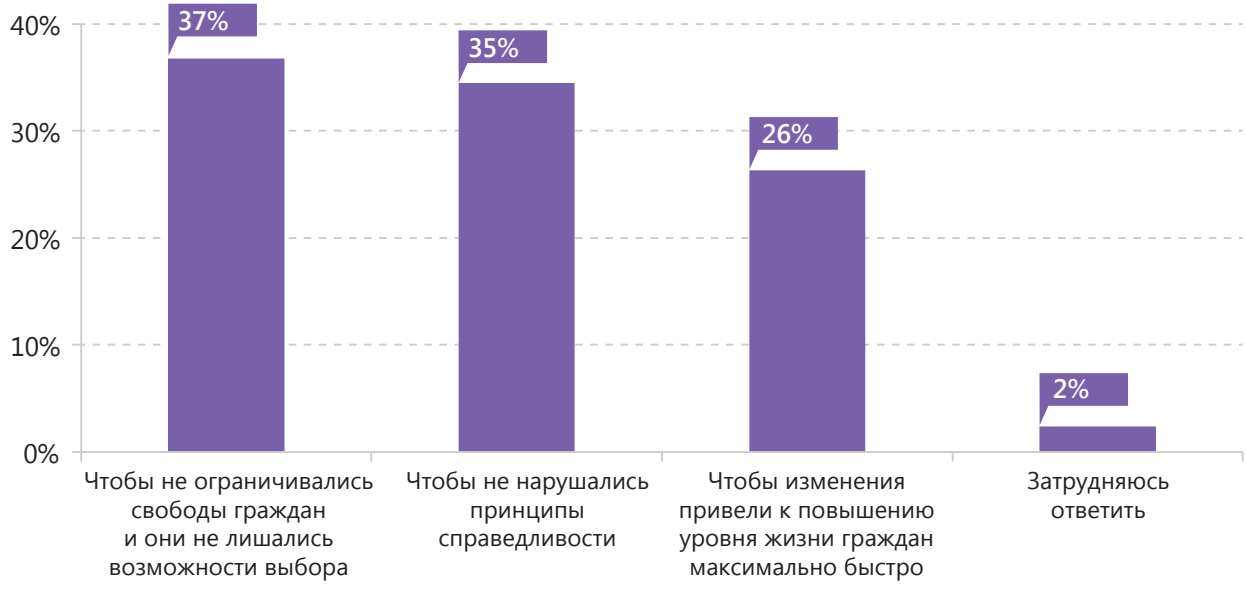
Рисунок 10. Решение каких задач не является сейчас первоочередным, что из перечисленного можно отложить (в %)?

Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

Респондентов также спрашивали, как должны расставляться приоритеты при проведении реформ, что должно быть на первом месте, что на втором и на третьем: свобода, эффективность или справедливость?[14] Результаты отчасти удивительны, в том числе с учетом «разменов», описанных в предыдущем абзаце. Так, **на первое место респонденты ставят свободу и справедливость**: 37% считают наиболее важным, чтобы «при изменениях, направленных на повышение уровня жизни, не ограничивались свободы граждан, чтобы они не лишались возможности выбора», а для 35% наиболее важно, чтобы при осуществлении упомянутых изменений «не нарушались принципы справедливости» (см. рисунок 11). Эффективность не является приоритетом: 26% респондентов считают важным, чтобы реформы приводили к «повышению уровня жизни граждан максимально быстро».

[14] Таким образом воспроизводилась «невозможная трилемма» — теоретическая конструкция, предложенная Джоном Мейнардом Кейнсом и заключающаяся в необходимости «сочетания трех вещей: экономической эффективности, социальной справедливости и индивидуальной свободы» [Keynes, 1932].

Рисунок 11. Чем следует руководствоваться в первую очередь при проведении изменений, направленных на повышение уровня жизни россиян; какое из перечисленных условий, по Вашему мнению, важнее всего?

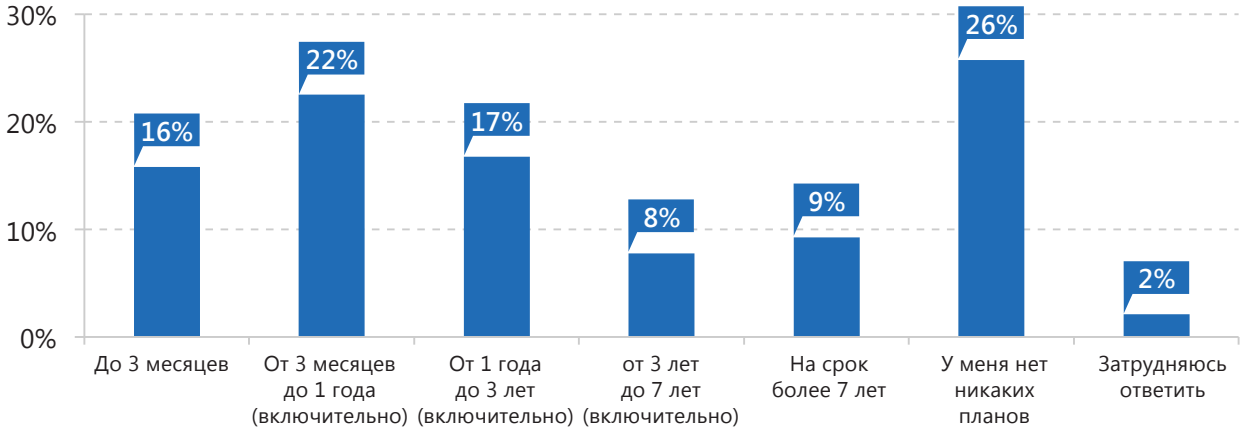


Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

Помимо указанных условий, примирить респондентов с возможными неудобствами при проведении реформ могут уверенность в улучшениях, которые произойдут в результате изменений, пусть это случится и не очень скоро (не ранее, чем через три года) (43%), и уверенность в том, что в результате изменений будущие поколения будут жить в лучших условиях (42%). Оба варианта отражают высокую долгосрочную ориентацию, характерную для населения России и мотивирующую идти на некоторые самоограничения ради достижения результатов в будущем. Остальные варианты (уверенность в объективной необходимости изменений; наличие небольших, но наблюдаемых положительных эффектов, возникающих по мере реализации изменений почти сразу после их начала; вовлеченность простых граждан в процесс принятия государственных решений в связи с изменениями; доверие команде, занимающейся преобразованиями; наличие авторитетного лидера и его постоянная включенность в процесс изменений) набрали не более 20% голосов каждый, что говорит об относительно меньшей значимости данных факторов по сравнению с потребностью в лучшем будущем для себя и последующих поколений.

Между тем при наличии высокой долгосрочной ориентации россиянам свойствен короткий горизонт планирования (см. рисунок 12): большинство не имеют никаких планов (26%) либо планируют на срок от трех месяцев до одного года (23%), 17% — от одного года до трех лет, 16% — до трех месяцев. На срок от трех до семи лет планируют 8%, на срок более 7 лет — 9%.

Рисунок 12. На какой максимальный срок у Вас есть какие-либо планы?



Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

3.2. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЕЗ

При проведении институциональных преобразований важно учитывать численность, а также социально-демографическую структуру потенциальных групп поддержки реформ и групп критического отношения к реформам. Для анализа были выбраны четыре характеристики, значимые для проектирования и имплементации институциональных преобразований (взятые из результатов опроса «Мнения россиян о реформах», см. также Приложение 7):

- **Склонность к изменениям** оценивалась через согласие респондента с суждением «При принятии решений, связанных с серьезными переменами, надо действовать смело, решительно».

- **Отношение к труду и связям для достижения успеха** оценивалось через согласие респондента с суждением «В конечном итоге усердная работа вознаграждается. Удача и связи играют второстепенную роль».

- **Склонность к гражданской активности** оценивалась на основе следующих параметров:

  I готовность принимать участие в общественных благотворительных проектах;

  II готовность принимать участие в распределении части местного бюджета (партиципаторном бюджетировании);

  III готовность направлять часть уплачиваемых налогов на социально значимые цели;

  IV готовность участвовать в государственной налоговой лотерее, выиграв в которой, можно распределить часть выигрыша между разными статьями бюджета.

- **Институциональное доверие**[15] государству оценивалось через специфику доверия к главе города, региона, страны.

Выбор данных характеристик обусловлен двумя причинами. Во-первых, их содержательной значимостью для прогнозирования проактивного или пассивного отношения к реформам, склонности к поддержке реформ «сверху» или «снизу», готовности включаться в процесс изменений. Во-вторых, наличием статистически значимых различий по данным характеристикам для разных социально-демографических групп, что позволяет предполагать явно выраженную группировку мнений респондентов по этим вопросам.

Кластерный анализ, проведенный по данным характеристикам, позволил выявить три группы респондентов (см. подробнее в таблице 4, выводы статистически значимы на 1% уровне значимости):

1. **Группа критического отношения** к реформам (28% опрошенных): ее члены характеризуются осторожным отношением к переменам, низким институциональным доверием государству, сравнительно низкой гражданской активностью и убежденностью, что ключевые факторы успеха — удача и связи, а не усердный труд.

   В этой группе больше доля людей в возрасте 45–60 лет и людей с низким уровнем дохода, а также жителей средних городов.

2. **Группа поддержки реформ «снизу»** (эффективность реализации которых подразумевает активное участие граждан) (24% опрошенных): ее члены характеризуются наибольшей склонностью к переменам, умеренным институциональным доверием государству, высокой гражданской активностью и убежденностью, что ключевой фактор успеха не удача и связи, а усердный труд.

   В этой группе больше людей в возрасте до 45 лет; граждан с высоким доходом и жителей крупных городов-миллионников[16].

3. **Группа поддержки реформ «сверху»** (эффективность реализации которых подразумевает наличие высокого институционального доверия государству) (47% опрошенных): ее члены характеризуются скорее осторожным отношением к переменам, умеренной гражданской активностью, крайне высоким институциональным доверием государству и незначительно преобладающим мнением, что усердный труд важнее удачи и связей.

[15] Институциональное доверие характеризует степень, в которой люди доверяют разного рода институтам, в частности, правительству, парламенту, региональным властям, судам, полиции, банкам и т. д.

[16] Москва была исключена из анализа в силу наличия у нее отличительных особенностей от других представителей группы городов-миллионников, в частности, высокой численности населения, сосредоточения в ней крупных финансовых и миграционных потоков, а также более высокого уровня дохода у респондентов, чем в среднем по России.

В этой группе больше людей старше 60 лет, людей со средним доходом и жителей сельских поселений.

Таблица 4. Процентное распределение респондентов по отдельным параметрам и вопросам в выделенных группах поддержки и группах критического отношения к реформам

	Вера в свои силы	**Отношение к переменам**	**Гражданская активность**				**Институциональное доверие государству**		
	Труд важнее удачи и связей	**При переменах надо действовать смело и решительно**	**Готовы участвовать в общественных благотворительных проектах**	**Готовы участвовать в партиципаторном бюджетировании**	**Готовы направлять часть налогов на социально значимые цели**	**Готовы участвовать в налоговой лотерее**	**Доверяют главе города**	**Доверяют главе региона**	**Доверяют президенту**
Группа критического отношения к реформам (28%)	14%	28%	83%	58%	16%	42%	8%	18%	64%
Группа поддержки реформ «снизу» (24%)	82%	57%	97%	89%	61%	74%	8%	32%	80%
Группа поддержки реформ «сверху» (47%)	61%	38%	85%	61%	30%	49%	98%	98%	97%

Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

Таблица 5. Группы поддержки и критического отношения к институциональным преобразованиям в социально-демографическом разрезе

		Вера в свои силы	**Отношение к переменам**	**Гражданская активность**
		Труд важнее удачи и связей	При переменах надо действовать смело и решительно	Готовы участвовать в общественных благотворительных проектах
ВОЗРАСТ	18–30 лет	**61%**	**46%**	**89%**
	31–45 лет	**52%**	**40%**	**89%**
	46–60 лет	**46%**	**38%**	**88%**
	старше 60 лет	**52%**	**31%**	**83%**
ДОХОД	Денег не хватает на питание	**43%**	**35%**	**78%**
	На питание хватает, на одежду — нет	**49%**	**37%**	**81%**
	На одежду хватает, на крупную бытовую технику — нет	**52%**	**38%**	**88%**
	На бытовую технику хватает, на автомобиль — нет	**56%**	**39%**	**93%**
	На автомобиль хватает	**61%**	**54%**	**93%**
НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ	Города с 1 млн жителей и более	**49%**	**39%**	**94%**
	Города с количеством жителей от 250 тыс. до 1 млн	**51%**	**37%**	**94%**
	Города с количеством жителей от 50 до 250 тыс.	**50%**	**36%**	**83%**
	Города с количеством жителей менее 50 тыс., ПГТ	**52%**	**39%**	**87%**
	Села	**57%**	**44%**	**86%**

Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах». Градиентная заливка от зеленого к красному применялась отдельно для каждой характеристики (зеленый — относительно высокая доля согласных с соответствующим утверждением; красный — относительно низкая доля)

Гражданская активность			**Институциональное доверие государству**		
Готовы участвовать в налоговой лотерее	Готовы участвовать в партиципаторном бюджетировании	Готовы направлять часть налогов на социально значимые цели	Доверяют главе города	Доверяют главе региона	Доверяют президенту
62%	70%	41%	53%	59%	81%
57%	69%	35%	50%	58%	81%
48%	67%	29%	48%	59%	85%
42%	61%	30%	57%	67%	90%
41%	55%	31%	48%	57%	79%
48%	61%	27%	48%	56%	81%
53%	66%	32%	53%	62%	86%
59%	73%	43%	55%	63%	86%
58%	77%	39%	50%	58%	80%
56%	80%	41%	48%	56%	81%
52%	73%	35%	49%	59%	81%
59%	64%	39%	46%	52%	83%
50%	64%	28%	48%	60%	85%
54%	65%	32%	60%	68%	85%

Несмотря на существование отдельных различий, в целом социально-демографическая структура кластеров достаточно схожа (подробное описание приведено в Приложении 7); что говорит о сравнительной равномерности распределения групп поддержки и групп критического отношения к реформам в различных социально-демографических стратах. Актуализируется задача по реализации комплексной программы мер, которые были бы направлены на развитие ценностей, ориентированных на инновационное развитие и поддержку реформ.

В таблице 5 представлены группы поддержки и группы критического отношения к институциональным преобразованиям для отдельных социально-демографических страт. Для удобства восприятия внутри каждой характеристики использовалась градиентная заливка – от зеленого (относительно высокая доля согласных с соответствующим утверждением) до красного (относительно низкая доля).

Из таблицы 5 видно, что одни и те же группы населения одновременно демонстрируют относительно высокие показатели по одним характеристикам и низкие – по другим, что определяет неоднозначность в восприятии реформ. Например, высокодоходные группы верят в собственные силы, выступают за решительные изменения и склонны к гражданской активности, но в то же время обладают невысоким институциональным доверием государству, что создает спрос на использование посредников в виде неправительственных институтов, способных вовлечь рассматриваемые группы в процесс институциональных изменений. Анализ отношения разных групп населения к реформам приведен в Приложении 8.

3.3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Разная степень поддержки преобразований в регионах может быть обусловлена в том числе социокультурными особенностями их жителей: с одной стороны, степенью социокультурного разнообразия и, с другой стороны, спецификой ценностей населения. Представленный здесь анализ групп поддержки и групп критического отношения к институциональным преобразованиям в региональном разрезе получен в результате сведения классификации регионов на основе факторов социокультурного разнообразия (п. 2.3) и опроса по методике Хофстеде, проведенного в 13 регионах РФ (п. 2.1) (а также исследования «Евробарометр в России»).

Важно подчеркнуть, что «рейтинг» регионов с точки зрения перспективности реализации мер социально-экономической политики определяется множеством факторов, таких как качество институциональной среды и делового климата, социально-демографические характеристики населения, наделенность природными ресурсами и пр. Социокультурные факторы влияют на сравнительную перспективность реализации мер социально-экономической политики, но не детерминируют ее.

В ГРУППУ 1 входят шесть из тринадцати регионов, в которых проводилось полевое исследование по методике Хофстеде: **Архангельская, Ленинградская, Свердловская и Томская области**, а также **Республика Коми и г. Москва.**

Согласно классификации регионов с точки зрения социокультурного разнообразия, их население демонстрирует сравнительно более высокую готовность к реформам. С учетом этого для данной группы регионов рекомендуется:

- использование регионов как пилотных для проверки качества проработки конкретных реформ;

- поощрение к формированию региональных законодательных актов, направленных на создание ценностей, стимулирующих развитие; использование таких региональных наработок, как основы федеральных реформ;

- поощрение к созданию особых экономических зон, территорий опережающего развития и т. п. при условии четкой проработки их инвестиционного и финансового планирования на региональном уровне.

При этом, если учитывать конкретные социокультурные характеристики и уровень социального капитала, внутри этой группы можно ввести дополнительную дифференциацию, согласно которой необходимо учитывать следующую специфику каждого из регионов:

- **В Свердловской и Томской областях** возможно проведение реформ, не дающих немедленного результата.

  При прочих равных условиях население этих регионов в большей степени готово к получению не только сиюминутных, но и отложенных во времени выгод. Более того, оно в сравнительно большей степени склонно к изменениям и готово идти на ряд ограничений ради достижения в будущем заявленных целей.

  Согласно результатам исследования, это объясняется относительно высокими показателями маскулинности и долгосрочной ориентации в сочетании с относительно невысоким значением показателя избегания неопределенности (особенно в Томской области).

- Население **Москвы** сравнительно более склонно к изменениям (по причине низкого избегания неопределенности).

- Социокультурный профиль населения **Ленинградской области**, с одной стороны, может стимулировать появление инициатив «снизу», с другой стороны, определяет сравнительно больший спрос на механизмы подотчетности власти.

  Реформы «сверху» могут быть приняты только в случае, если они воспринимаются населением как справедливые и осуществляемые по разумным причинам (в силу сочетания относительно низких показателей дистанции власти и маскулинности при относительно высоком избегании неопределенности).

  При этом в Ленинградской области можно ожидать сравнительно меньшей результативности масштабных изменений, предполагающих отложенные эффекты. По этой причине крайне желательно при разработке любых программ преобразований, с одной стороны, включать население в процесс обсуждения институциональных изменений, а с другой — разбивать преобразования на сравнительно короткие промежуточные этапы с наличием «низковисящих плодов» по результатам каждого из них.

Дополнительной предпосылкой к более активному включению населения в процесс институциональных преобразований могут служить сравнительно более высокие показатели норм гражданской кооперации в этом регионе.

- **В Республике Коми, Архангельской области** будут сравнительно более эффективны реформы «сверху» (из-за высокого уровня дистанции власти). Кроме того, для этих регионов актуализируется потребность в проведении массированных информационных кампаний, разъясняющих населению выгоды и перспективы, открывающиеся в случае успешной реализации преобразований (по причине относительно высокого уровня избегания неопределенности).

  При этом в Республике Коми при прочих равных условиях ниже вероятность блокировки изменений со стороны групп специальных интересов (в силу сравнительно более высокого показателя индивидуализма) и, соответственно, ниже потребность в разработке специальной системы компенсирующих мер группам, проигрывающим в процессе преобразований.

В ГРУППУ 2 входят четыре из тринадцати регионов, в которых проводилось полевое исследование: **Краснодарский и Хабаровский края**, а также **Нижегородская и Ярославская области.**

Согласно классификации регионов с точки зрения социокультурного разнообразия, население регионов, входящих в данную группу, в существенной степени демонстрирует патерналистские настроения. В связи с этим в части адаптации реформ для этой группы рекомендуется:

- Создание межрегионального агентства продвижения реформ, обращаться в которое могут представители исполнительной власти любого из регионов (за поддержкой, консультациями, разъяснениями и т. п.).

  При этом данное агентство должно быть наделено функцией экспертного контроля за процедурой и эффективностью реализации реформы в отдельных регионах без функций «наказания», но с функцией публичного обсуждения недостатков имплементации реформы, выявленных в ходе экспертной проверки. Тем самым будет обеспечиваться патерналистская функция со стороны агентства по отношению к региональной (исполнительной) власти.

- Допущение в данных регионах регулирования скорости и сроков начала имплементации реформ со стороны региональной исполнительной власти.

  Если региональные отсрочки старта или увеличения сроков проведения невозможны, допущение частичного игнорирования содержательной составляющей при формальном следовании нормативной составляющей в краткосрочном периоде. Другими словами: если реформа не носит повсеместного характера (не затрагивает весь перечень регионов), то регионам может быть предоставлена возможность самостоятельно выбирать время вступления в реформу. Например, регион может использовать отсрочку на 1–3

года, чтобы перенять опыт других регионов, запустивших процесс изменений с самого начала.

При этом, если учитывать конкретные социокультурные характеристики и уровень социального капитала, внутри этой группы, так же как и в предыдущем случае, можно ввести дополнительную дифференциацию:

- Для жителей **Нижегородской области и Краснодарского края** характерно наличие ценностей, способствующих развитию: они в большей степени нацелены на самореализацию, независимость, в т. ч. материальную, инновационную деятельность (в силу относительно высокого индивидуализма).

  При этом для Нижегородской области существует потребность в проведении массированных информационных кампаний, сопровождающих институциональные изменения (из-за сравнительно более высокого показателя избегания неопределенности).

  В Краснодарском крае может наблюдаться сравнительно бóльшая готовность к институциональным преобразованиям, реализуемым «сверху» (по причине сравнительно высокого показателя дистанции власти).

- **Ярославская область** при прочих равных условиях может быть хорошей площадкой для проведения пилотных преобразований в этой группе регионов. Это связано с тем, что почти по всем характеристикам Хофстеде Ярославская область близка к медианному значению по 13 регионам при несколько более высоком показателе дистанции власти и сравнительно более низком избегании неопределенности.

- Для **Хабаровского края** (как и для **Республики Коми, Архангельской области** – см. группу 1) будут сравнительно более эффективны реформы «сверху» (благодаря сравнительно высокому показателю дистанции власти).

В ГРУППУ 3 входят два из тринадцати регионов, в которых проводилось полевое исследование: **Республика Адыгея и Республика Татарстан**.

Согласно классификации с точки зрения социокультурного разнообразия, для регионов, входящих в данную группу, вопросы имплементации и адаптации реформ носят более сложный, комплексный характер, требующий дополнительного учета их национальной специфики:

- При реализации каждой реформы необходимо подчеркивать, что ее реализация не затрагивает культурных и религиозных основ, специфических для данного региона, а нацелена в большей степени на преодоление негативного влияния «экзогенных» (географических, климатических и т. д.) факторов.

- Учет возможного неприятия по отношению к отдельной реформе, которое может возникать в силу следующих основных (потенциальных) причин:

  I «потенциальной угрозы» нарушения самобытности / сложившихся устоев – здесь адаптация реформы заключается в нахождении компромисса между устоями и ожидаемым эффектом реформы, адаптация должна проводиться во взаимодействии с региональным представительным органом власти;

  II опоры реформы на несвойственные ценности – здесь можно рекомендовать поэтапное внедрение реформы одновременно с формированием среднесрочных планов по формированию новых или замещающих ценностей и реализацией этих планов;

  III отсутствия у общероссийской реформы «регионального обоснования» – здесь требуется подробный анализ последствий (выгод/издержек) данной реформы для каждого региона и разъяснительная работа на уровне региональных СМИ.

Если учитывать конкретные социокультурные характеристики и уровень социального капитала, внутри этой группы можно ввести дополнительную дифференциацию регионов, согласно которой необходимо принимать во внимание следующую специфику каждого из них:

- В **Республике Адыгея** могут быть сравнительно более успешно реализованы краткосрочные «рывки» на основе мобилизационных усилий (с учетом относительно высокой маскулинности и коллективизма и относительно низкой долгосрочной ориентации).

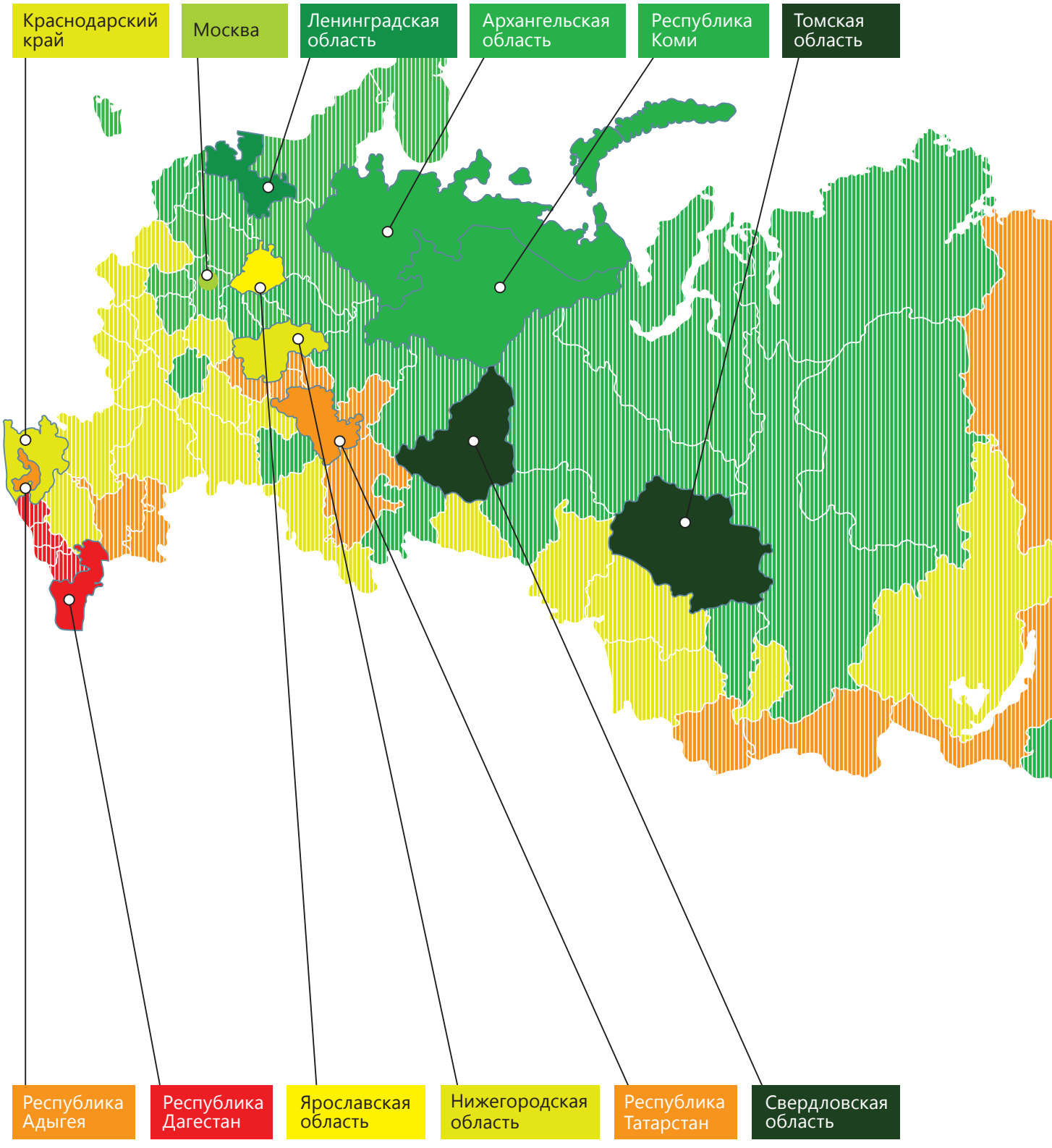
- При прочих равных условиях можно предположить, что институциональные изменения в **Республике Татарстан** будут требовать сравнительно большего внимания к информированию населения относительно связанных с реализацией данных реформ преимуществ в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах (так как республике свойствен сравнительно низкий показатель маскулинности при умеренно высоком показателе избегания неопределенности).

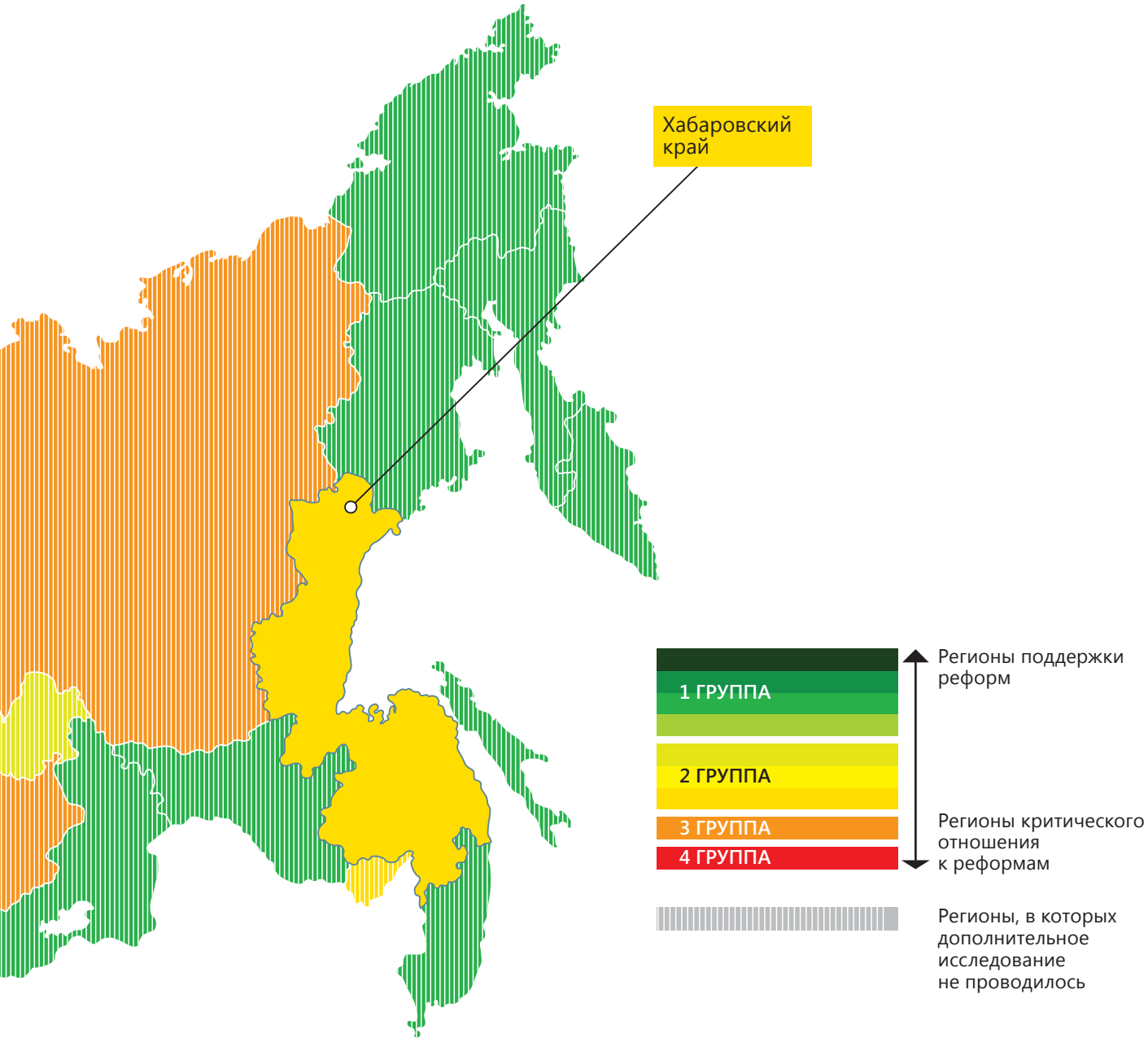
В ГРУППУ 4 входит один из тринадцати регионов, в которых проводилось полевое исследование по методике Хофстеде: **Республика Дагестан**.

Согласно классификации регионов с точки зрения социокультурного разнообразия, отдельные слои населения в рассматриваемой группе имеют традиционный (иногда архаический) социокультурный уклад, что требует особого и аккуратного подхода к выработке, имплементации и адаптации реформ, который может заключаться в следующем:

- Аккуратное и подробное донесение содержания реформ через СМИ: выпуск печатных версий федеральных СМИ на локальных языках (или в смешанном формате – одновременно на двух языках в одном и том же источнике).

Рисунок 13. «Карта» восприимчивости регионов к проводимым институциональным изменениям с точки зрения социокультурных характеристик





Как уже отмечалось выше, на положение региона в рейтинге перспективности реализации мер социально-экономической политики оказывают влияние множество факторов, прежде всего качество институциональной среды и делового климата, социально-демографические характеристики населения, наделенность природными ресурсами и пр. Однако учет всего многообразия факторов выходит за рамки проведенного исследования.

Представленный список регионов поддержки реформ и регионов критического отношения к реформам показывает, в каких регионах (при прочих равных условиях) социокультурные особенности населения более или менее благоприятны для реализации институциональных преобразований.

- Конкретизация реформ, позволяющая четко и недвусмысленно выделить выигрыши каждого конкретного субъекта и объяснить, что от реформы нет явных (а в идеале – и неявных) проигрышей.

- Допущение возможности поэтапного внедрения реформ через согласование на местном уровне. Например, разрешить обсуждение и одобрение реформы либо отказ на ограниченный срок, например, на один год, с последующим повторным обсуждением, ограничив возможность модифицировать суть реформы. Другими словами, разрешить только принятие решений «Да» либо «Нет на ограниченное время».

Социокультурный профиль населения **Республики Дагестан** при прочих равных условиях может свидетельствовать о потенциальной готовности к реализации взвешенных поэтапных институциональных изменений (так как для него характерны одновременно самые низкие показатели дистанции власти, индивидуализма и избегания неопределенности при самом высоком показателе маскулинности).

При этом для этой республики в сравнительно большей степени, чем для других российских регионов, актуальна проблема блокировки изменений со стороны групп специальных интересов (по причине относительно высокого уровня коллективизма), вследствие чего любая программа преобразований должна сопровождаться разработкой системы специальных компенсирующих мер для групп, потенциально проигрывающих в результате институциональных изменений.

4.
ПРЕДЛОЖЕНИЯ **ДЛЯ РЕФОРМ**

При целенаправленном институциональном проектировании реформ, способствующих инновационному развитию и экономическому росту, актуализируются риски «социокультурного раскола», когда ценностные установки группы реформаторов вступают в конфликт с ценностями более широких общественных групп.

Для минимизации такого рода рисков требуется **учет социокультурных факторов**, выделение тех из них, которые способны ограничивать экономическое/инновационное развитие разных регионов и препятствовать имплементации реформ, а также тех, которые являются факторами конкурентоспособности, и могут рассматриваться как точки опоры при реформировании. Учет социокультурного профиля населения и региональных различий позволяет оценить **перспективность и приоритетность** институциональных преобразований, **степень их адаптируемости** к конкретному региону, **характер отношения к ним населения** и тем самым обеспечить приятие реформ и их легитимность в глазах граждан.

Важно учитывать, что социокультурная специфика и, в частности, связанные с ней ограничения для развития не являются приговором для страны. Некоторые социокультурные характеристики могут быть изменены в течение 15–20 лет [Alesina, Giuilliano, 2013; Hofstede, 2001; Guiso et al., 2006; Инглхарт, Вельцель, 2011], что подтверждает опыт Японии и «азиатских тигров», осуществивших модернизационный рывок во второй половине XX в.

Это означает, что при проектировании реформ необходимо одновременно решать «систему из двух уравнений»: во-первых, для обеспечения приятия реформ населением в среднесрочном периоде следует **опираться на текущие ценности и поведенческие установки**; а во-вторых, для перехода на целевую траекторию развития в долгосрочном периоде следует предусмотреть систему мер, способствующих желаемому ценностному сдвигу.

Нижеследующие рекомендации будут разделены на четыре части. **Первая, исходя из текущих ценностей и поведенческих установок**, будет посвящена прохождению развилок по типам реформ. Во второй будут предложены рекомендации по развитию ценностей, ориентированных на инновационное разви-

тие[17] и поддержку реформ. В третьей будут сделаны предложения по усилению и распространению способствующих реформам социокультурных характеристик. В четвертой будут представлены рекомендации для проектирования национально-специфических промежуточных институтов, направленных на сдвиг социокультурных характеристик населения для стимулирования инновационного развития и экономического роста.

[17] Более подробно о способах стимулирования инновационного развития и предпринимательства, а также о возможных способах ускорения региональных реформ см. Приложение 6.

4.1. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМ В РОССИИ С УЧЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ: РАЗВИЛКИ

Шоковые или градуалистские реформы?

При высоком показателе **долгосрочной ориентации** в России более эффективными могут оказаться градуалистские реформы, предполагающие реализацию процедуры согласования интересов различных стейкхолдеров, учет долгосрочных выгод, даже если вводимые преобразования в краткосрочном периоде могут быть сопряжены с временными издержками[18].

При высоком показателе избегания неопределенности более эффективными в реализации могут оказаться шоковые реформы. Однако такого рода реформы в большинстве своем приводят к радикальному снижению институционального доверия, что может полностью элиминировать положительный эффект от проведенного преобразования. Соответственно, для повышения вероятности успешной реализации градуалистской реформы при высоком уровне избегания неопределенности необходимы подробные публичные разъяснения долгосрочных выгод и положительных эффектов от реализуемой реформы. Также важно помнить, что при проведении градуалистских реформ повышаются риски консолидации групп специальных интересов, которые способны заблокировать проводимые преобразования.

Следовательно, в обществах с высоким уровнем избегания неопределенности проведение градуалистских реформ должно в обязательном порядке сопровождаться:

- масштабной информационной кампанией, разъясняющей населению выгоды проводимой реформы, для обеспечения общественного признания важности реформы и ее легитимности;

[18] Важно подчеркнуть, что долгосрочная ориентация по Хофстеде не тождественна длинному горизонту планирования. Первое понятие характеризует готовность людей адаптировать прошлый опыт к вызовам будущего, прикладывать долгосрочные усилия для достижения цели; второе же понятие характеризует период, на который такие цели ставятся. Для российского общества характерна долгосрочная ориентация по Хофстеде при коротком горизонте планирования.

Таблица 6. Прохождение развилок при реализации реформ с учетом текущих ценностей и поведенческих установок населения России.

Развилка	**Шоковые реформы**	**Градуалистские реформы**
Содействующие социокультурные характеристики	Высокое избегание неопределенности	Высокая долгосрочная ориентация
Риски и ограничения	Радикальное снижение институционального доверия	Неприятие реформ вследствие высокого избегания неопределенности; консолидация групп специальных интересов, способных заблокировать проводимые преобразования

Развилка	**Запуск реформы «снизу»**	**Запуск реформы «сверху»**
Содействующие социокультурные характеристики	–	Высокая дистанция власти
Риски и ограничения	Высокая дистанция власти Низкий уровень бриджингового социального капитала	Ограниченный потенциал: далеко не всегда реформы принимаются обществом и естественным образом развиваются в отсутствие явных усилий со стороны реформаторов

Развилка	**Позитивные стимулы**	**Антистимулы**
Содействующие социокультурные характеристики	–	–
Риски и ограничения	Высокие затраты, если реформа предусматривает участие и вовлечение широких общественных групп	Риск снижения институционального доверия

Развилка	**Проектный подход**	**Институциональный подход**
Содействующие социокультурные характеристики	Высокая дистанция власти Высокое избегание неопределенности	–
Риски и ограничения	Неумение действовать в рамках заданных программ (особенно в условиях невысокого качества институциональной среды) в течение длительного периода вследствие низкой маскулинности	Невысокое качество институциональной среды

- разработкой специальных компенсационных сделок для групп специальных интересов, проигрывающих от проектируемых изменений, что снизит вероятность противодействия со стороны групп, имеющих для этого достаточное количество ресурсов.

Запуск реформы «снизу» или «сверху»?

При высокой **дистанции власти** эффективно проведение реформ «сверху». Это связано с тем, что в странах с высокой дистанцией власти патерналистски настроенное население, как правило, более инертно и пассивно. Как следствие, от него не стоит ожидать массовых инициатив по реформированию. Одновременно с этим высокая дистанция власти (проявляющаяся в том числе в высокой иерархичности общества) способствует высокой адаптивности и терпимости населения к действиям властей, сплоченности вокруг лидера и принятию почти любых институциональных преобразований, запущенных «сверху». Следует тем не менее помнить об ограниченном потенциале такого рода реформ. Далеко не всегда, несмотря на апатию и пассивность общества, они им принимаются и естественным образом развиваются в отсутствие явных усилий со стороны реформаторов.

Низкий уровень **бриджингового социального капитала** актуализирует проблему субъектности, то есть отсутствия коллективного субъекта, представляющего интересы той или иной общественной группы и способного принимать участие как в кооперационном и конкурентном процессе проектирования реформ, так и в контроле за их реализацией, что также существенно снижает вероятность массовой реализации реформ «снизу».

«Кнут» или «пряник»?

Одним из ключевых принципов институционального проектирования является принцип достаточного разнообразия стимулов [Тамбовцев, 2008]. Суть его заключается в необходимости учета множества мотивов и стимулов разных стейкхолдеров, и задача реформаторов состоит в создании максимально возможного набора стимулов и антистимулов для общественного признания реализуемой реформы. Таким образом, несколько огрубляя, вопрос ставится так: как стимулировать население — открывающимися позитивными перспективами в случае проведения реформы или угрозами неблагоприятного развития ситуации в случае сохранения статус-кво?

Высокий уровень **избегания неопределенности,** как было упомянуто выше, актуализирует необходимость проведения масштабной общественной информационной кампании, разъясняющей населению выгоды и перспективы, открывающиеся в случае успешной реализации реформы. Но если проектируемая реформа предусматривает участие и вовлечение широких общественных групп, то для преодоления патернализма, обусловленного высокой **дистанцией власти**, может потребоваться подключение антистимулов, в том числе за счет угроз (кризиса/нищеты и т. д.) при сохранении статус-кво, что может приводить к снижению институционального доверия.

Проектный или институциональный подход?

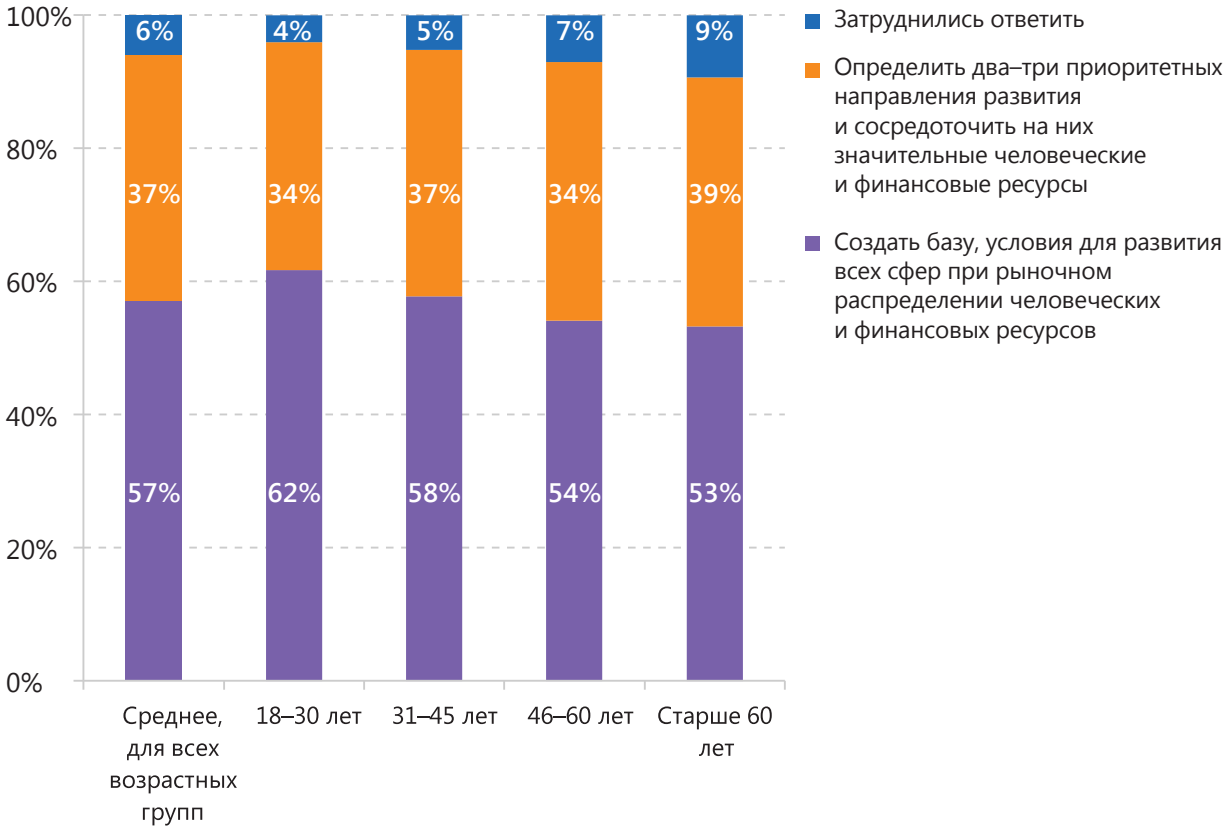
Высокие показатели **дистанции власти** и **избегания неопределенности**, свойственные российскому населению, обусловливают эффективность ручного управления, использования проектного подхода. Вместе с тем другой характерной особенностью российского общества является высокая склонность к краткосрочным мобилизационным усилиям, «рывкам» и отсутствие способности действовать в рамках заданных программ (в особенности в условиях невысокого качества институциональной среды) в течение длительного периода, что является следствием низкой маскулинности.

Соответственно, **в российских условиях любые программы развития, реализуемые в рамках проектного подхода, как правило, довольно активно стартуют и дают определенные краткосрочные результаты, но через два–три года затухают, происходит откат и срыв реформ.** Таким образом, нынешний социокультурный профиль российского общества дает возможности для реализации проектного подхода, но не создает условия для перевода проектов в «автоматический» режим функционирования и получения устойчивых высоких результатов в течение длительного времени.

При этом, по результатам опроса «Мнения россиян о реформах», 57% респондентов считают, что при проведении преобразований, направленных на повышение уровня жизни россиян и рассчитанных на долгосрочную перспективу, необходимо создавать базу, условия для развития всех сфер при рыночном распределении человеческих и финансовых ресурсов (см. рисунок 14). А 37% отметили, что необходимо определить два-три приоритетных направления развития, на которых следует сосредоточить значительные финансовые и человеческие ресурсы. Другими словами, по мнению опрошенных, институциональный подход к проведению преобразований предпочтительнее проектного. Наибольшей поддержкой институциональный подход пользуется у респондентов в возрасте с 18 до 30 лет (62%).

Таким образом, **требуется разработка специальной системы мер, национально-специфических промежуточных институтов, способствующих ценностному сдвигу (о чем пойдет речь далее) с постепенным переключением от проектного к институциональному подходу.**

Рисунок 14. Распределение ответов о необходимости проектного/институционального подхода при проведении реформ в разных возрастных группах



Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

4.2. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ СПОСОБСТВУЮЩИХ РЕФОРМАМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Общие рекомендации по изменению социокультурных характеристик населения

Для успешной имплементации реформ и обеспечения долгосрочного позитивного эффекта от институциональных преобразований необходимо целенаправленное изменение социокультурного профиля (ценностей) российского общества для того, чтобы он поддерживал проводимые преобразования, а не блокировал их. При этом следует учитывать ряд ограничений, сопряженных с изменением социокультурных характеристик (ценностей).

1. Риски, связанные с **резким изменением ценностей:**

- Риск **утраты национальной идентичности**, когда население в целом или отдельные его группы перестают отождествлять себя со страной проживания, с гражданской нацией.

  Для сохранения национальной идентичности следует начинать с корректировок отдельных социокультурных характеристик — так, чтобы бо льшая часть ценностного профиля оставалась неизменной.

- Риск **отторжения прививаемых ценностей**, когда текущий ценностный профиль вступает в противоречие с новыми ценностями, создавая тем самым барьер для их распространения.

  Для «приживаемости» новых ценностей целенаправленный ценностный сдвиг должен осуществляться постепенно, с учетом исторического прошлого, текущего символического пространства, устоявшихся ценностных представлений людей.

- Риск **атомизации общества**, когда возникновение непримиримых ценностных противоречий между отдельными индивидами или группами индивидов резко снижает уровень межличностного и/или институционального доверия, сильно затрудняет коллективные действия и не дает гражданам возможности осуществлять успешное социальное взаимодействие. Речь может идти о крайне широком наборе линий напряженности, «социокультурных расколов» («разрывов»): поколенческих, религиозных, межрегиональных, профессиональных, социальных, этнических и т. д.

  Для снижения риска атомизации процесс изменения ценностей должен учитывать динамику уровня доверия в обществе, обеспечивать его повышение, но при этом максимально полно (насколько это возможно) учитывать специфику отдельных групп населения, чтобы не приводить к обострению ценностных разрывов.

2. Социокультурные характеристики зачастую **работают в связке**, т. е. при проектировании изменения ценностей необходимо учитывать влияние социокультурных характеристик как по отдельности, так и в комплексе.

3. **Ценности обладают высокой инертностью.** Зачастую для сдвига социокультурных показателей необходима многолетняя целенаправленная политика по трансформации ценностей [Харрисон, 2014]. Ценности также могут трансформироваться в результате различных «шоков»: геополитических изменений [Whitt, Wilson, 2007; Bauer et al., 2011], макроэкономических потрясений [Giuliano, Spilimbergo, 2014], рывков научно-технического прогресса [North, 1990], реформ в образовании [Cantoni et al., 2014].

Для сохранения национальной идентичности, снижения риска отторжения прививаемых ценностей, а также риска атомизации общества при проектировании реформ рекомендуется **учитывать** следующие характеристики[19], свойственные российскому социокультурному профилю, но **не подвергать их** «принудительной» корректировке:

- **Феминность** может выступать социокультурным преимуществом при развитии инноваций, например, связанных с глобальной тенденцией кастомизации (индивидуализации) предоставляемых услуг и предлагаемых потребителям товаров, перевода наиболее трудоемких/вредных секторов экономики на технологии, не требующие участия человека.

  Распространение инноваций, связанных с персонализацией товаров и услуг, с их подстраиванием под нужды и предпочтения конкретного потребителя, может опираться на высокую адаптивность, обусловленную феминностью российского общества. В этом отношении Россия находится в общемировом тренде: исследователи отмечают снижение маскулинности во многих странах, в том числе в США, Германии, Японии. Этот процесс связывается с изменениями внутри производственного сектора (сокращение трудоемких

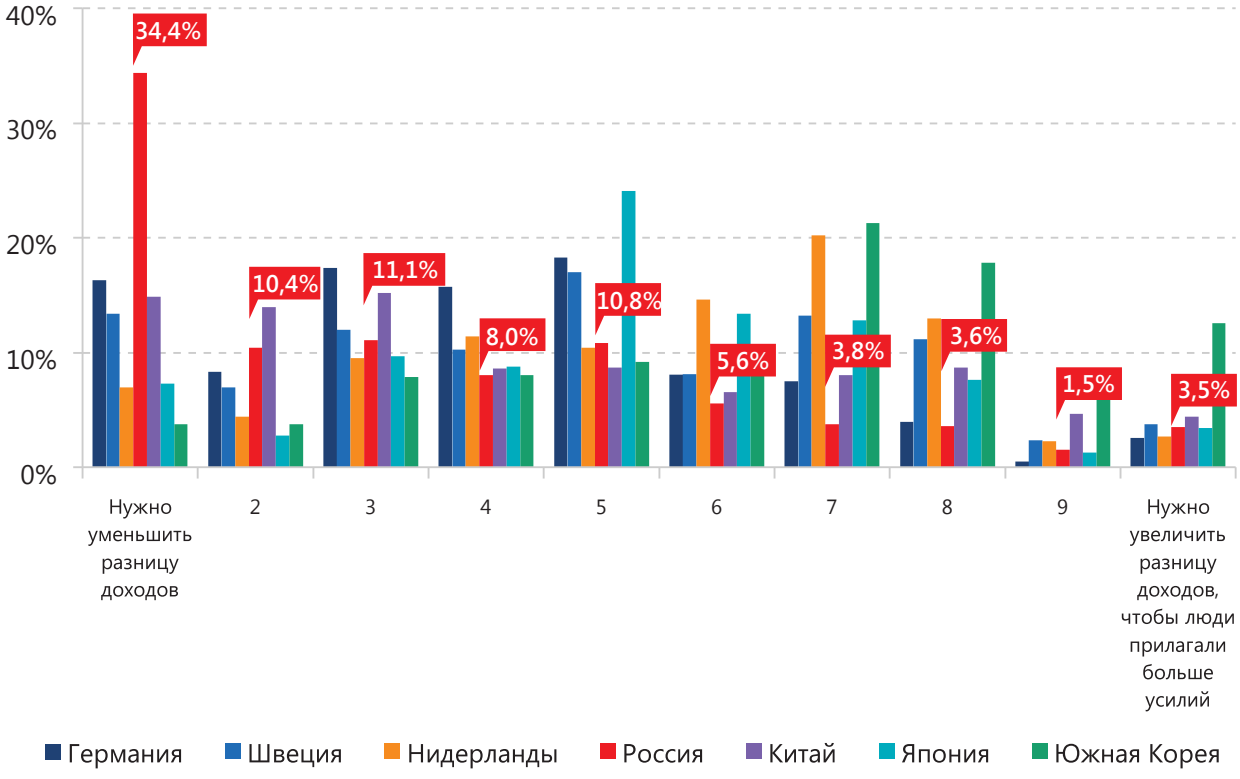
[19] Полный перечень используемых в данном отчете социокультурных характеристик с определениями приведен в Приложении 1.

производств либо за счет автоматизации, либо за счет переноса в третьи страны) и с трансформацией структуры рынка труда [Fernandez, 1997; Yamamura et al., 2003].

- **Коллективизм** является одной из наиболее инертных социокультурных характеристик, поскольку напрямую связан с историческими истоками национальной культуры [Hofstede et al., 1991].

  Для общества, где высокий коллективизм сочетается с феминностью, как правило, важным вопросом является снижение неравенства, в том числе имущественного. Согласно результатам World Values Survey, в России люди в значительно большей степени ценят социальное равенство, чем в западных (Германии, Швеции) и восточных (Китае, Японии, Южной Корее) странах [World Value Survey, 2011] (см. рисунок 15).

Рисунок 15. Отношение к неравенству по доходам: доли респондентов, придерживающихся разных мнений о разнице доходов



Источник: World Values Survey, 2011. 1 = полностью согласен с мнением, расположенным слева («Нужно уменьшить разницу доходов»), 10 = полностью согласен с мнением, расположенным справа («Нужно увеличить разницу доходов, чтобы люди прилагали больше усилий»)

Заложенное на ценностном уровне стремление к снижению неравенства может использоваться при имплементации соответствующих реформ, но, главное, может **стать предпосылкой для развития по пути «милого», или «мягкого», (cuddly) капитализма**. Подобный тип социально-экономической системы присущ, например, скандинавским странам; он ориентирован на нужды и комфорт населения; его целью является социальное равенство и социальная стабильность. В противоположность ему модель «беспощадного», «жесткого» (cutthroat), капитализма (например, в США) ориентирована прежде всего на радикальное снижение административных барьеров, конкуренцию и развитие бизнеса [Acemoglu et al., 2012].

- **Долгосрочная ориентация**, присущая российскому обществу, в целом способствует гибкой адаптации прошлого опыта к вызовам настоящего и будущего, а также готовности прилагать усилия для достижения отложенных по времени результатов.

  Но поскольку долгосрочная ориентация и горизонт планирования, которым оперируют люди, не обязательно являются связанными переменными, то короткий горизонт планирования россиян не позволяет использовать долгосрочную ориентацию как конкурентное преимущество. Короткий горизонт планирования в российском случае может быть следствием низкого качества институциональной среды и высокого уровня избегания неопределенности. В этих условиях потенциальные положительные эффекты долгосрочной ориентации заблокированы.

Для того чтобы раскрыть конкурентный потенциал, заложенный в присущих России высоких уровнях феминности, коллективизма и долгосрочной ориентации, необходимо создать соответствующие институциональные условия: снизить общую неопределенность, повысить качество функционирования формальных институтов, реализовать принцип верховенства права (правила едины и действуют для всех, в том числе для элит).

Иные же социокультурные характеристики являются существенным барьером для инновационного развития и проведения реформ. По этой причине необходимы промодернизационные сдвиги социокультурного профиля, на что и будут направлены нижеследующие рекомендации. Для развития ценностей, ориентированных на инновационное развитие и поддержку реформ, необходимо повышать институциональное доверие, наращивать бриджинговый социальный капитал, снижать избегание неопределенности и дистанцию власти.

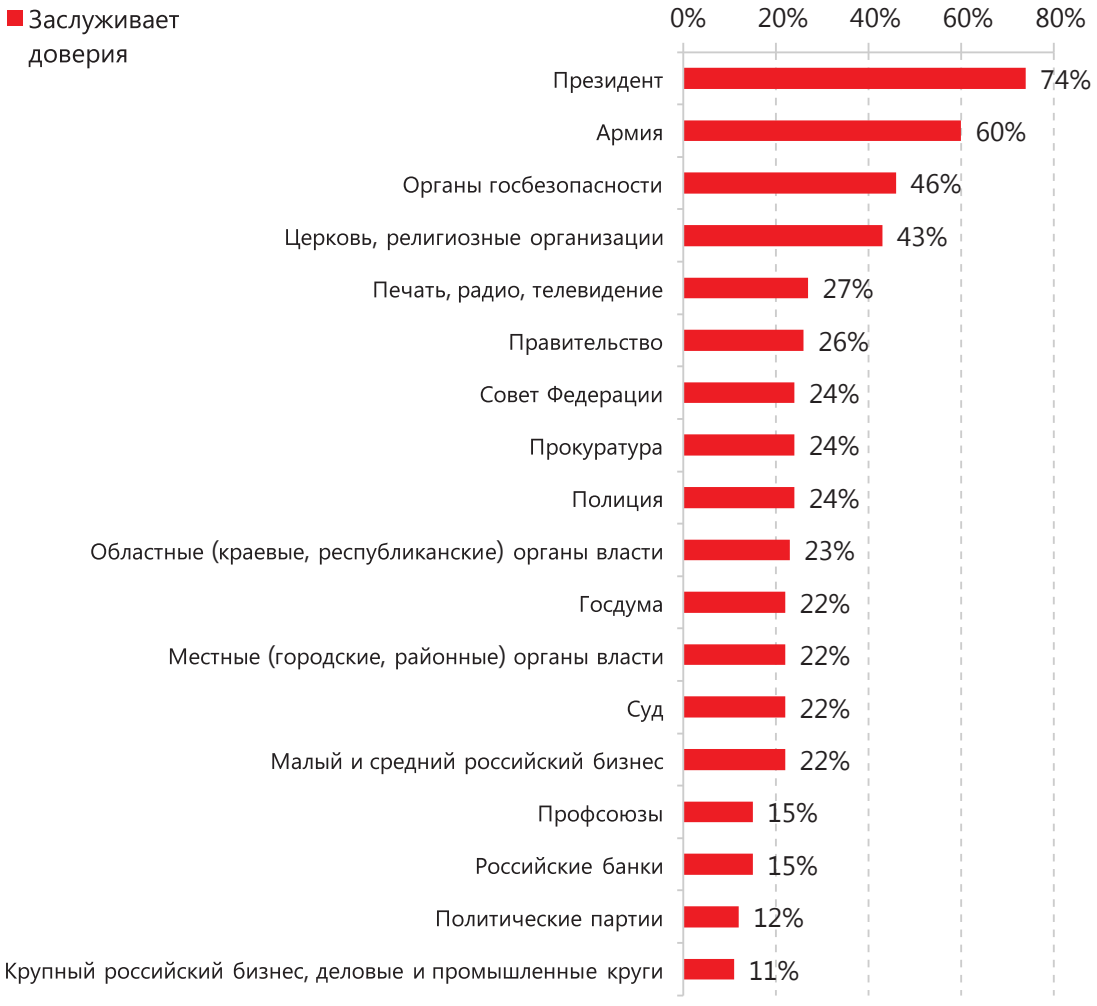
Меры по развитию ценностей должны быть комплексными, внутренне скоординированными и могут быть дифференцированы в соответствии с временным лагом, после которого появляются эффекты от их реализации. Согласно имеющимся данным, институциональное доверие и социальный капитал поддаются изменениям в краткосрочном периоде [Park, Chull Shin, 2006; Jennings, Stoker, 2004; Rohner et al., 2013]; избегание неопределенности – в

среднесрочном [Hofstede et al., 1992; Fernandez, 1997], а дистанция власти, самая инертная характеристика, — только в долгосрочном периоде [Hofstede et al., 1992; Fernandez, 1997].

Меры по повышению институционального доверия

Согласно данным «Левада-центра», во второй половине 2016 г. лидерами по институциональному доверию в российском обществе были президент (74%), армия (60%), органы госбезопасности (46%) и церковь (43%)[20]. При этом правительство как основной инициатор реформ заслужило доверие только 26% населения, а региональные органы власти –23%.

Рисунок 16. Уровень доверия россиян институтам



Источник: «Левада-центр», 2016

[20] Пресс-выпуск «Институциональное доверие» (2016): *http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/*

По результатам проведенного ФОМ опроса «Мнения россиян о реформах», президенту доверяют 80% населения, главе области — 52%, главе города — 44%. Среди невластных институтов наибольшего доверия, по мнению респондентов, заслуживают университеты и научно-исследовательские институты (36%), малый и средний бизнес (32%). Таким образом, остро стоит задача повышения доверия невластным институтам, способным выступать основными субъектами реформирования.

Повышение институционального доверия возможно посредством следующих механизмов:

- **Повышение качества предоставления государственных услуг** [Bouckaert, Van de Walle, 2003; Kampen et al., 2006; Yang, 2007].

  Получение государственных услуг — один из основных способов взаимодействия граждан и власти; степень удовлетворенности населения государственными услугами влияет на уровень доверия власти. При этом важно, что негативный опыт оказывает гораздо более сильное влияние на доверие, чем положительный. В этой связи при оценке деятельности государственных органов важно уделять больше внимания т. н. мягким индикаторам (soft indicators) — удовлетворенности населения получаемыми услугами, степенью согласия с направлениями бюджетных расходов, — а также использовать механизмы обратной связи [Bouckaert, Van de Walle, 2003].

- **Развитие механизмов саморегуляции внутри государственной службы**, снижающих необходимость контроля за действиями властей со стороны общества и увеличивающих уровень доверия к ней за счет того, что оппортунистическое поведение госслужащих становится теперь очевидно менее выгодным им самим. К механизмам саморегуляции, пресекающей попытки оппортунизма, можно отнести:

  I репутационные механизмы, опирающиеся на нормы профессионального сообщества, в том числе сотрудников органов государственной службы;

  II прозрачные процедуры рассмотрения жалоб и судебных разбирательств [Levi, 1998].

- **Обеспечение достоверности обязательств** за счет следования органами власти следующим принципам [Levi, 1998]:

  I *Принуждение:* если граждане видят, что условные «безбилетники» (например, те, кто не платит налоги) наказываются, то люди больше доверяют государству как органу, способному работать эффективно.

  II *Универсализм:* если государство при найме на работу, в своей повседневной работе и при принятии решений руководствуется критериями равенства, то люди больше доверяют государству как честному агенту.

III *Равные для всех институты:* если люди воспринимают функционирующие правила, установленные государством, как одинаково справедливые и честные для всех, это увеличивает уровень доверия.

IV *Участие:* если государство привлекает людей к процессу принятия решений, это также повышает уровень доверия [Dyck, 2009].

64% опрошенных готовы принимать участие в распределении части местного бюджета. При этом для 11% возможность самим предлагать направления расходования средств, а не действовать только в рамках заданного государством набора является главным условием участия в подобном партиципаторном бюджетировании при наличии такой возможности.

- **Развитие прямых каналов связи**, в частности, электронного правительства.

  Важно, чтобы взаимодействие было эффективным, поскольку само наличие электронного правительства не обязательно ведет к росту доверия [Welch et al., 2005; Parent et al., 2005]. Эффективное взаимодействие с помощью такого механизма подразумевает не только предоставление информации с помощью интернет-ресурсов, обеспечивающее прозрачность деятельности государственных органов, но и интерактивность сайтов: удобный интерфейс и активное реагирование на запросы пользователей.

- **Вовлечение в процесс реформирования неправительственных организаций, которым в наибольшей степени доверяют люди.** Организации, пользующиеся относительно высоким доверием общества (в настоящее время это университеты и научно-исследовательские институты, а также малый и средний бизнес), могут быть использованы как трансляторы информации о реформах.

Меры по наращиванию бриджингового социального капитала

Понятие социального капитала характеризует распространенность норм честности, доверия и кооперации, принятых в обществе/группе/организации [Putnam, 1995]. Соответственно, бриджинговый социальный капитал отражает наличие связей между людьми, «непохожими друг на друга» [Gittell, Vidal, 1998], распространение норм честности, доверия и кооперации на всех людей, в том числе не входящих в постоянный круг общения.

Важную роль в накоплении бриджингового социального капитала на **микроуровне** играет институт **семьи**: именно в семье формируются основные социальные навыки ребенка [Halpern, 2005; Avvisati, Gurgand, Guyon, & Maurin, 2014].

Далее на развитие социального капитала может влиять **образовательный процесс**

(в частности, через кооперативные навыки, приобретаемые детьми в школе). Акцент на групповых методах ведения занятий (работа в группах при изучении материала и при обсуждениях на уроках) положительно сказывается на уровне межличностного доверия, а также на склонности школьников к кооперации друг с другом и с учителем. В свою очередь, вертикальные формы преподавания (лекционное изложение материала с необходимостью конспектировать тезисы преподавателя без возможности дискуссий) оказывают отрицательное влияние на доверие школьников [Algan, Cahuc, & Shleifer, 2013]. Социальный капитал также может накапливаться в результате проведения **менторских программ**, которые представляют собой одну из форм развития навыков кооперации [Halpern, 2005].

Развитие **волонтерских программ** с максимально широким спектром направленности, особенно среди детей, подростков и молодых людей, также способствует накоплению социального капитала. Помимо эффекта повышения навыков коммуникации и кооперации непосредственно для членов волонтерских организаций, деятельность волонтеров обеспечивает производство благ в общественном секторе. Не менее важно поддержание и развитие международных волонтерских программ, направленных на общение между детьми и подростками разных национальностей в разной культурной среде [Halpern, 2005].

На мезоуровне накопление бриджингового социального капитала между разными организациями может быть обеспечено путем развития **профессиональных связей** между ними. Исследования показывают, что наличие сильных многочисленных профсоюзов оказывает положительное влияние на качество трудовых отношений между работниками и работодателями, обеспечивает постоянное взаимодействие между ними, что в итоге приводит к взаимному доверию [Aghion, Algan, & Cahuc, 2007].

Широкие межотраслевые ассоциации способствуют принятию игроками интересов друг друга, благодаря чему их члены демонстрируют склонность к проведению политики, выгодной широкому кругу игроков [Pyle & Solanko, 2013]. Положительный эффект могут дать программы, направленные на установление связей между технологическими предприятиями малого и среднего бизнеса[21]. Развитие социального капитала между фирмами привело к повышению их инновационности и улучшению бизнес-результатов, при этом наиболее эффективными оказались программы по стимулированию международного сотрудничества [Cooke & Wills, 1999].

Создание городских **общественных пространств**, способствующих установлению контакта с другими жителями и формированию атмосферы кооперации, также является одним из способов обеспечить повышение социального капитала [Halpern, 2005; Wood et al.,

[21] Например, подобные программы существуют в ЕС: European Union Science and Technology Programmes, Cooperative Research Action for Technology и Strategic Programme for Innovation and Technology Transfer.

2008]. Так, наличие «тупиковых улиц»[22] способствует формированию социальных связей и доверия между жителями «карманов», благодаря отсутствию на этих территориях «чужих» людей — лиц, не проживающих в данном районе [Halpern, 2005; Wood et al., 2008]. Наличие парков и зеленых зон создает возможность для случайных, незапланированных взаимодействий между людьми (в первую очередь между жителями одного района), а также обеспечивает территорию для организации совместных мероприятий между сообществами [Park People, 2017; Leyden, 2003].

Предоставление **социального жилья** в благополучных районах малообеспеченным группам также может способствовать установлению связей между представителями низкодоходных слоев населения и средним классом, приводя к накоплению бриджингового социального капитала, а также [Halpern, 2005] облегчая поиск работы для первых [Granovetter, 1973]. Это в конечном счете может привести не только к укреплению доверия в обществе, но и выходу жителей из т. н. «ловушки бедности»[23]. Кроме того, точечное переселение в благополучные районы позволяет предотвратить превращение социального жилья в гетто.

Одним из способов формирования бриджингового социального капитала **на макроуровне** являются **программы гражданского обучения** в школах и университетах [Putnam, 1995; Agostino, 2006]. Подобные программы действуют на общенациональном уровне в Нидерландах, Бельгии, Франции, а также на уровне отдельных колледжей и университетов (например, CASE program of Rutgers University) и направлены на объяснение молодым людям базовых представлений о гражданских правах, взаимодействии в обществе, кооперации.

Развитие **бонусных программ**, предусматривающих возможность накопления баллов **за общественную деятельность**, которые можно обменять на услуги из определенного перечня, также способствует формированию и накоплению социального капитала. Преимущество данного механизма над оплачиваемой общественной работой заключается, во-первых, в возможности внешнего стимулирования людей к просоциальной активности без сильного размывания альтруистических стимулов [Bénabou, Tirole, 2006]; во-вторых, в формировании у людей представления «Я обществу — общество мне», способствующего повышению общественной кооперации и институционального доверия.

Примерами такого рода инициатив (хоть и несовершенными с точки зрения стимулирования подобного поведения) в России могут служить такие платформы, как «Активный гражданин» и «Наш город». Участие в голосованиях «Активного гражданина» позволяет обменивать накопленные баллы на транспортные карты, парковочные часы, билеты в парки, театры и т. д., в то время как более затратный с точки зрения времени и сил общественный контроль

[22] «Тупиковая улица» — улица, имеющая заезд/выезд только с одного конца. Позволяет ограничить автомобильное и пешеходное движение.

[23] Ловушка бедности — равновесное самовоспроизводимое состояние низкого дохода домохозяйства, преодоление которого оказывается зачастую невозможным без внешних положительных изменений в окружающей среде [Ravallion, 2012].

за порядком в городе на портале «Наш город» позволяет приобрести лишь условный статус «стража порядка» или «градоначальника», неконвертируемый в какие-либо блага.

Закономерным образом, недостаточное внимание к вопросам доверия в обществе может негативно сказаться на успешности реализации той или иной государственной политики. С одной стороны, это может приводить к снижению эффективности проводимых мер, с другой – к размыванию «запасов» социального капитала. И то, и другое ведет к долгосрочным отрицательным последствиям для уровня благосостояния и удовлетворенности жизнью граждан. Некоторые страны (например, Ирландия) уже сейчас внедряют требования к оценке влияния мер государственной политики на социальный капитал. В отдельных случаях разрушение старых социальных связей (например, криминальных, коррупционных сетей) может быть полезно для развития, что еще раз подчеркивает необходимость анализа каждого конкретного случая.

Примеры недоучета специфики социального капитала при имплементации мер социально-экономической политики

Кейс сноса трущоб (slum clearance programs)

В США и Европе широко применялись программы массового сноса трущоб и масштабного переселения их жителей в новое жилье. Проводимые исследования показали психологический шок и продолжительную депрессию у людей, попавших под действие программы, вызванные разрушением социальных связей с друзьями, соседями и знакомыми [Halpern, 2005]. Данный опыт довольно актуален в свете программы по сносу пятиэтажных домов в Москве, что нельзя игнорировать при проектировании градостроительных проектов.

Строительство социального жилья

Классическим примером является строительство жилого комплекса «Пруитт-Айгоу» (Pruitt-Igoe) в Сент-Луисе (Миссури, США), предназначенного для переселения малообеспеченных семей [Halpern, 2005]. Масштабный проект, в рамках которого были построены 33 одиннадцатиэтажных здания, закончился превращением микрорайона в неблагополучное гетто с высоким уровнем преступности. Через 20 лет после постройки комплекс был полностью расселен и снесен из-за невозможности поддержания в нем порядка и функционирования социальных служб.

Во многом описанная ситуация стала результатом недостаточного внимания к установлению связей между представителями разных социальных групп и «замыкания» неблагополучного сообщества на самом себе. Это привело к воспроизводству деструктивных норм поведения.

Данный пример (как и предыдущий) свидетельствует о необходимости учета эффектов, оказываемых на уровень и специфику социального капитала, при разработке и реализации мер жилищной и социальной политики.

Меры, которые могут быть приняты для накопления бриджингового социального капитала, будут рассмотрены — в зависимости от характера их воздействия — на микро-, мезо- и макроуровне.

Микроуровень

- **Распространение программ по развитию коммуникаций родителей с детьми и детей с окружающим миром,** в т. ч. по развитию родительских объединений, направленных на обмен опытом между семьями, обучающих программ для молодых и будущих родителей и т. д.

- **Замещение вертикальных практик обучения в школах горизонтальными** посредством распространения таких форматов, как работа в группах, открытые обсуждения и другие формы горизонтального взаимодействия.

На данный момент мнение россиян по поводу желательности вертикальных или горизонтальных форм преподавания разделилось практически поровну: по результатам опроса «Мнение россиян о реформах», 41% считает, что ученик не должен подвергать сомнению слова учителя, спорить с ним; по мнению 55% респондентов, ученик может это делать.

- **Развитие менторских программ для школьников,** например:

  I по модели «взрослые — дети»: взрослый человек (например, предприниматель или общественный деятель) становится ментором класса в школе и курирует его (рассказывает о своем опыте решения тех или иных проблем, потенциальных ошибках, подсказывает алгоритм действий, помогает связями и т. д.) до момента выпуска школьников и их поступления в вузы, обеспечивая передачу опыта, знаний и поддерживая инициативы своих подопечных.

  II по модели «дети — дети» или «молодежь — дети»: курирование учащимися старших классов и студентами вузов школьников младших и средних классов. Преимущество

подобных программ заключается в том, что навыки кооперации, взаимопомощи и доверия развиваются не только у членов курируемых классов, но и у молодых кураторов.

- **Развитие волонтерских программ и необходимой инфраструктуры,** а именно:

I развитие и распространение программ, объединяющих информацию о волонтерских организациях и проводимых ими мероприятиях в единую базу, позволяющую человеку найти интересующий его вид деятельности в одном месте;

II развитие международных волонтерских программ, направленных на общение между детьми и подростками разных национальностей в разной культурной среде;

III распространение нематериальных стимулов: учет волонтерской деятельности при поступлении в высшие учебные заведения; учет волонтерской деятельности по специальности в качестве научной или производственной практики в вузах; выдача сертификатов, грамот и благодарностей, учитываемых при устройстве на работу.

Рисунок 17. В каком из перечисленных проектов вы бы скорее приняли участие? (%)

Источник: опрос «Мнения россиян о реформах»

По данным опроса «Готовность к переменам», 74% россиян не участвовали в волонтерской деятельности за прошедший год. При этом, согласно результатам опроса «Мнения россиян о реформах», люди в большей степени готовы участвовать в общественных благотворительных проектах, организованных соседями по дому/двору/улице (60%) и коллегами по учебе/работе (40%) (см. рисунок 17).

Мезоуровень

- **Стимулирование обмена опытом между разными организациями** (в том числе на уровне работников), в частности:

  I поддержка деятельности профсоюзов;

  II развитие широких межотраслевых ассоциаций;

  III развитие программ, направленных на установление связей между технологическими предприятиями малого и среднего бизнеса, программ по стимулированию международного сотрудничества предприятий.

- **Проведение урбанистической политики, направленной на развитие социального капитала:**

  I переход от «улиц для автомобилей» к «улицам для пешеходов»: стирание границы между дорогой и тротуаром, на отдельных территориях — ограничение скорости автомобилей до скорости пешеходов, посадка деревьев вдоль дорог;

  II создание «тупиковых улиц»;

  III обустройство парков и городских зеленых зон.

- **Предоставление социального жилья в благополучных районах** за счет резервирования государством части квартир у застройщика под социальное жилье.

  Данная мера, вероятнее всего, будет иметь отложенный эффект, т. к. основными выгодополучателями такой политики будут дети из малообеспеченных семей, которые через общение со средним классом будут усваивать кооперативные нормы и устанавливать сети знакомств с более обеспеченными ровесниками.

  Также важно создавать условия для развития дружеских отношений между соседями, в т. ч. за счет поддержки инициатив наподобие «Школы добрососедских отношений»[24]

[24] Школа ставит своей целью научить людей уживаться вместе, договариваться и делать что-то сообща, проводить совместные мероприятия, превращая свой двор и улицу в безопасное и комфортное место (*https://www.facebook.com/schooldobro*).

и широкой трансляции позитивного опыта в социальных сетях, районных газетах, управах и т. д.

Макроуровень

- **Введение в школах программ гражданского обучения:**

  Объяснение учащимся базовых понятий о гражданских правах, взаимодействии в обществе, кооперации с соблюдением следующих требований к подобного рода программам [Agostino, 2006]:

  I сочетание обучения в классе с практической деятельностью;

  II анализ полученных знаний и опыта (как в письменной форме, так и в формате дискуссий);

  III разнообразие людей, участвующих в программах – взаимодействие молодых людей с людьми разных национальностей и достатка;

  IV взаимодействие с местным сообществом.

  Привлечение молодых людей к общественной жизни как можно с более раннего возраста, в частности, через формирование молодежных парламентов, снижение порога голосования до 16 лет и т. д.

  Это поможет привить молодежи интерес к политике и общественной жизни, сформировать у нее кооперативные установки и способствовать расширению членства в гражданских организациях.

- **Введение бонусных программ за участие в общественной деятельности.**

Создание механизма накопления баллов за общественную деятельность, которые можно обменять на определенные услуги по фиксированному перечню. Баллы, например, могут начисляться за участие в субботниках, уход за пожилыми, а потратить их школьник может на обеды в школе, старшее поколение – на прием у врачей вне очереди, расширенную социальную помощь и пр. [Halpern, 2005].

Меры по снижению избегания неопределенности

Для снижения показателя избегания неопределенности могут быть использованы следующие механизмы:

- Активное и максимально широкое продвижение **более свободных моделей воспитания детей и отношений в семье в целом**, поскольку воспитание оказывает заметное воздействие на уровень избегания неопределенности.

  Как правило, в обществах с высоким избеганием неопределенности принято воспитывать детей с помощью строгих правил и запретов [Hofstede et al., 2010]. Альтернативой является предоставление ребенку разумной свободы выбора с обозначением рамок допустимого и объяснением потенциальных последствий различных поступков.

- **Изменения в образовательной системе,** связанные с изменением модели отношений в школе в целом и во время учебного занятия в частности.

  В обществах с высоким избеганием неопределенности ожидается, что учитель (и старшие в целом) должны знать ответы на все вопросы, а их мнение в общем непререкаемо [Hofstede et al., 2010]. Альтернативной этому является переход от исключительно вертикальных форм воспитания и обучения в рамках образовательного процесса к горизонтальным, предполагающим наличие обратной связи и возможностей для дискуссий; не управление и руководство со стороны учителя, а сотрудничество.

- **Повышение институционального доверия,** поскольку уровень избегания неопределенности связан с уверенностью людей в своем будущем и в «надежности» окружающего их мира [Fernandez et al. 1997].

  Рекомендации по повышению институционального доверия приводятся выше в данном разделе.

- **Повышение финансовой грамотности для низкодоходных групп** населения, поскольку именно эти группы, с одной стороны, характеризуются высоким уровнем избегания неопределенности, а с другой — нередко попадают в т. н. ловушку бедности, когда их общее тяжелое финансовое положение является устойчиво воспроизводимым, во многом из-за психологических/поведенческих причин.

  Среди всего разнообразия программ повышения финансовой грамотности и разумного финансового поведения выбор должен быть сделан в пользу тех, которые учитывают поведенческие особенности потребителей финансовых услуг, особенно относящихся к низкодоходной категории населения[25]. Эти программы должны создавать систему внешних положительных стимулов и условий, позволяющих разорвать порочный круг

[25] Специалисты по поведенческой экономике показывают (Dohmen et al., 2010; Mani et al., 2013), что у людей, которые сталкиваются с необходимостью постоянно думать о своих финансовых проблемах и которым постоянно не хватает денег, снижаются когнитивные способности, позволяющие принимать грамотные финансовые решения. Психологические особенности, связанные с отношением к риску, с межвременными соотношениями выгод и издержек, у них выражены сильнее, а риск ошибки выше.

принимаемых человеком неоптимальных финансовых решений, повысить уровень его благосостояния и — опосредованно — снизить уровень избегания неопределенности.

- Поддержание **гражданского мира и гармоничное развитие общества,** поскольку в целом повышение показателя избегания неопределенности связано с периодами напряженности и конфликтов (когда повышается уровень тревожности населения, неуверенности в завтрашнем дне) [Hofstede et al., 2010].

Меры по снижению дистанции власти и, как следствие, патерналистских настроений населения

Согласно исследованиям, дистанция власти — один из самых инертных показателей; в значительной степени он определяется исторически сложившимися формами отношений внутри общества, а также в чистом виде экзогенными факторами — вплоть до климатических особенностей и пространственных характеристик среды, в которой обитает конкретный социум [Hofstede et al., 2010].

Для снижения дистанции власти и патерналистских настроений должны прикладываться постоянные и длительные усилия; необходимо осознавать, что эффект они дадут лишь в долгосрочной перспективе. Эти усилия могут быть реализованы по следующим направлениям:

- **Последовательное содействие изменению системы отношений между детьми и родителями** в пользу большей независимости первых, в частности, более раннему началу самостоятельной жизни, поскольку один из основных фиксаторов высокой дистанции власти — это расширенная семья, когда в одном домохозяйстве совместно проживают несколько поколений [Hofstede et al., 2010].

  Одно из ключевых условий для такой трансформации — это развитые и доступные сфера социальных услуг и жилищная сфера. Работающие молодые женщины должны иметь возможность отдать ребенка в хороший детский сад рядом с домом. Молодые люди, начинающие самостоятельную жизнь (например, в связи с началом учебы в университете), должны иметь возможность снять подходящее доступное жилье на прозрачных условиях на конкурентном рынке. Пожилые люди должны иметь широкий спектр возможностей как по занятию интересным для них делом, так и по проживанию в удобных для них условиях со всем необходимым комплексом социальных и медицинских услуг.

- Как и в случае с избеганием неопределенности, для снижения дистанции власти необходимы **изменения в образовательной системе,** поскольку стиль преподавания и отношения между учеником (студентом) и учителем (преподавателем) во многом определяют уровень и этого показателя [Hofstede et al., 2010].

Обучение, в центре которого стоит учитель как главное лицо принятия решений, способствует увеличению дистанции власти, и наоборот. Обучение в университете способствует снижению дистанции власти у студентов и росту индивидуализма, причем направленность образования также имеет значение. Так, некоторые исследователи отмечали, что изучение общественных наук в России 1990–2000-х в целом имело больший потенциал по снижению дистанции власти. Причина, возможно, состоит в том, что, с одной стороны, советская научная школа была здесь частично дискредитирована, а с другой – формирование «нового лица» общественных наук шло «под определяющим влиянием западной культуры» [Латова и др., 2006].

- **Последовательное развитие самых разных (не фиктивных и не имитационных) каналов коммуникации** между властью и обществом [Cripps, 2015].

  Например, развитие эффективной коммуникации с помощью инструментов электронного правительства делает государственные услуги и власть в целом более доступными, что снижает дистанцию власти [Zhao, 2013].

4.3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УСИЛЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СПОСОБСТВУЮЩИХ РЕФОРМАМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

4.3.1. Усиление и распространение социокультурных характеристик, способствующих реформам, в различных сегментах российского общества[26]

Таргетированный подход, учитывающий различия в ценностных установках, позволяет обеспечить более быстрый сдвиг социокультурного профиля в сторону проинновационных и промодернизационных ценностей. При этом он снижает риски неприятия отдельными группами предлагаемых изменений и предотвращает образование «социокультурного раскола».

Таргетирование по уровню дохода

Анализ групп поддержки и групп критического отношения к институциональным преобразованиям по уровню дохода выявил потенциальное неприятие низкодоходными группами населения изменений, требующих их непосредственного участия, исходя из чего можно дать следующие рекомендации по развитию социокультурных характеристик, способствующих реформам:

- **Развитие менторских программ для малообеспеченных слоев населения.** Специализированные программы для детей из малообеспеченных семей (в т. ч. менторские программы, рассмотренные выше) могут способствовать накоплению человеческого и социального капитала, повышению уровня инициативности и снижению уровня избегания неопределенности посред-

[26] Имеются в виду социально-демографические группы российского общества, различающиеся своим отношением к реформам (подробнее см. раздел 3, а также Приложение 7) и требующие специфических мер, направленных на усиление и развитие ценностей.

ством формирования карьерной траектории и получения финансовой и консультативной поддержки во время обучения.

- **Программы повышения финансовой грамотности.** Повышение финансовой грамотности среди групп с низким уровнем дохода способствует накоплению сбережений и росту уверенности в будущем, снижает избегание неопределенности, увеличивает финансовую активность и горизонт планирования, а также приводит к росту институционального доверия к финансовым институтам, что в совокупности выражается в повышении уровня финансовой инклюзии.

- **Развитие городских общественных пространств.** Благодаря равному доступу к публичным пространствам для граждан с разным уровнем дохода, данная мера приводит к равномерному увеличению социального капитала в обществе. Спонтанное взаимодействие между разными группами населения снижает проблему социальной изоляции, а также повышает возможность вовлечения низкодоходных групп граждан в общественные проекты районного уровня.

- **Распространение историй успеха среди низкодоходных категорий граждан.** Специализированные программы по развитию предпринимательства среди малоимущих категорий населения, формирование притягательного в общественном сознании образа человека, достигшего своих целей собственным трудом и усилиями, распространение историй успеха (например, в образовательных учреждениях) будут способствовать выравниванию отношения к труду среди разных категорий граждан. Значительный вклад в изменение обозначенной социокультурной установки может быть обеспечен улучшением работы социальных лифтов, в частности, через образование.

Таргетирование по возрасту

Высокий потенциал поддержки изменений был выявлен у населения в возрасте до 30 лет, низкий — у населения в возрасте старше 60 лет. Для сбалансированного изменения социокультурного профиля россиян в возрастном разрезе предлагается использование следующих мер:

- **Привлечение населения в возрасте старше 60 лет к общественной деятельности в районе проживания.** 68% респондентов (по данным опроса «Мнения россиян о реформах») старше 60 лет готовы участвовать в общественных благотворительных проектах, организованных соседями по двору/дому/улице. Это открывает возможности по привлечению людей старшего поколения к активности «на местах» и потенциально способно повышать уровень доверия и кооперации среди групп пенсионного возраста.

- **Повышение качества оказания государственных услуг в поликлиниках и пенсионных фондах**. Регулярный позитивный опыт взаимодействия граждан (в первую очередь

пожилых) с государственными институтами способствует формированию институционального доверия, конвертируемого в поддержку реформ, предлагаемых властью.

- **Вовлечение молодежи в волонтерские организации и общественные проекты под эгидой образовательных и научных учреждений.** Высокий уровень институционального доверия научным учреждениям у людей в возрасте до 30 лет в сочетании с высокой готовностью к участию в гражданских инициативах создает потенциал для повышения уровня межличностного доверия и кооперации. Распространение таких проектов позволит молодому поколению стать драйвером для смены поведенческих паттернов общества, в частности, для снижения патерналистских настроений.

Таргетирование по типу населенного пункта

Анализ групп поддержки и групп критического отношения к реформам в зависимости от типов населенных пунктов проживания респондентов выявил следующее:

- значительный потенциал поддержки реформ, требующих активного участия граждан, наблюдается у жителей крупных городов;

- потенциал поддержки реформ «сверху» и реформ, связанных с предпринимательской деятельностью, присутствует у людей, проживающих в сельской местности.

Для корректировки социокультурного профиля предлагаются следующие меры, зависящие от типа населенного пункта:

- **Внедрение в крупных городах продвинутых форм самоуправления.** Например, создание районных советов для решения локальных проблем, требует активного вовлечения граждан. Высокая готовность жителей крупных городов к участию в общественных проектах делает внедрение описанных форм местного самоуправления наиболее перспективными в городах-миллионниках.

- **Внедрение индивидуальных траекторий и горизонтальных образовательных практик** в Москве и крупных городах. 66% москвичей (против 55% в среднем по стране, по данным опроса «Мнение россиян о реформах») согласны с тем, что ученики могут спорить с учителем. Это отражает потребность в расширении горизонтальных образовательных практик в общеобразовательных учреждениях, что будет способствовать одновременно повышению социального капитала и снижению дистанции власти. Лучшие практики московских школ могут быть впоследствии распространены на школы в других крупных городах.

4.3.2. Усиление и распространение социокультурных характеристик, способствующих реформам, в разных группах регионов[27]

Для распространения промодернизационных социокультурных характеристик в регионах критического отношения к преобразованиям и для усиления таких характеристик в регионах поддержки предлагается адаптировать рекомендации под специфику групп регионов, выделенных по факторам социокультурного разнообразия.

ГРУППА 1 (регионы, родной язык большей части населения которых русский, при этом население демонстрирует сравнительно более высокую готовность к реформам)

В части развития ценностей, способствующих реформам:

- Использование широкого спектра инструментов по развитию и усилению социокультурных характеристик с акцентом на развитие способствующих реформам ценностей у тех сегментов общества, которые были классифицированы как группы критического отношения к институциональным преобразованиям, а именно низкодоходные группы населения (подробнее см. с. 86);

- Более активное внедрение и использование прямых каналов связи общества и власти для усиления институционального доверия, с одной стороны, и для получения реакции **на преобразования**, проводимые в пилотных регионах **данной группы**, с другой стороны.

В части развития человеческого капитала:

- поощрение международной мобильности в бизнесе и образовании;

- импорт современных образовательных программ в сфере предпринимательства и инноваций в профильные региональные вузы;

- более активное вовлечение состоявшихся предпринимателей в обучение молодежи, проведение мероприятий, направленных на межпоколенческую коммуникацию.

В части развития социального капитала:

- дополнительные (региональные) льготы для НКО, расширение возможностей участия НКО в принятии локальных хозяйственных и социально-экономических решений;

[27] Предлагаемые здесь рекомендации актуальны как для 13 регионов, вошедших в короткий список регионов поддержки, и регионов критического отношения к институциональным преобразованиям с точки зрения социокультурных предпосылок, так и для тех, которые в п. 3.3 не рассматривались.

- активное проведение градостроительной политики, направленной на создание общественных пространств и перехода к «городам для людей» (см. п. 4.2).

ГРУППА 2 (регионы, родной язык большей части населения которых русский, при этом население в существенной степени демонстрирует патерналистские настроения)

В части развития ценностей, способствующих реформам:

- Использование широкого спектра инструментов по развитию и усилению социокультурных характеристик с акцентом на развитие способствующих реформам ценностей у тех сегментов общества, которые в предыдущем разделе были классифицированы как группы критического отношения к реформам (прежде всего низкодоходные) (подробнее см. с. 86).

- Акцент на сокращении дистанции власти в регионах группы для постепенного снижения патерналистских настроений.

В части развития человеческого капитала:

- проведение межрегиональных мероприятий по обмену опытом в производственной и коммерческой сфере;

- распространение историй успеха и создание позитивного образа предпринимателя для снижения уровня патерналистских настроений и веры в удачу и связи как залог успеха.

В части развития социального капитала:

- поощрение развития всех форм бриджингового социального капитала.

ГРУППА 3 (регионы, существенную долю населения которых составляют люди с одним родным языком, отличным от русского)

В части развития ценностей, способствующих реформам:

- использование инструментов по развитию ценностей с учетом национальной специфики каждого региона, но без явного акцента на этническую и религиозную составляющие, иначе попытки ценностного сдвига могут быть расценены как угроза потери самобытности населения.

В части развития человеческого капитала:

- увеличение межрегиональной мобильности как в части образования, так и в части фор-

мирования межрегиональных рынков труда, поощрение предпринимательской мобильности и мобильности профессиональных кадров.

В части развития социального капитала:

- осуществление более интенсивного межрегионального культурного обмена, поощрение выступлений творческих коллективов в других регионах, увеличение числа гастролей, выездных выставок и т. п. из Москвы, Санкт-Петербурга, центральных регионов;

- акцент на повышение бриджингового социального капитала как на мезоуровне (внутри региона), так и на макроуровне (укрепление межрегиональных связей);

- создание региональных общественных организаций и землячеств для установления и поддержания связей с выходцами из региона, переехавшими в другие части страны (например, в Москву); подобные организации могут способствовать тиражированию столичных практик в регионы и росту взаимной кооперации.

ГРУППА 4 (регионы, в которых присутствует большое число различных этнических групп, языки которых также, соответственно, различны)

В части развития ценностей, способствующих реформам:

- использование инструментов по развитию ценностей с учетом национальной специфики каждого региона и этнических групп, проживающих на территории региона, но без явного акцента на этническую и религиозную составляющие, иначе попытки ценностного сдвига могут быть расценены как угроза потери самобытности населения.

В части развития человеческого капитала:

- усиление математической и естественнонаучной компонент образования с целью постепенного снижения проявлений «архаического» контекста локальных общественных отношений; проведение специальных программ дистанционного обучения предметам естественнонаучного цикла, при необходимости разработанных на локальных языках и на бумажных носителях (в силу относительно слабого распространения современных средств коммуникации и сети Интернет в локальных поселениях), без ограничений по возрасту обучающихся.

В части развития социального капитала:

- вовлечение в межкультурную коммуникацию за счет увеличения мобильности (специальные гранты для молодежи на обучение в других регионах с условием возвращения на малую родину на 3-5 лет; аналогично — программы повышения квалификации для

старшего поколения);

- поэтапное внедрение инструментов развития ценностей: начиная с развития бриджингового социального капитала для усиления внутрирегиональной кооперации и заканчивая механизмами, связанными со спецификой межличностных отношений (в семье, между учеником и учителем и т. д.). Важно, чтобы подобного рода изменения не вызвали социального напряжения, поэтому требуется постоянный мониторинг социальных настроений и корректировка набора инструментов по его результатам;

- проведение мероприятий, направленных на развитие диалога и бриджингового социального капитала по горизонтальным (представители разных этнических групп) и вертикальным (граждане и власть) каналам: дни культуры других народов, открытые дискуссии между представителями власти и общества.

4.4. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ

Промежуточные институты

При проектировании и проведении масштабных институциональных преобразований необходимо учитывать, что выход из устойчивого, но неэффективного институционального равновесия («институциональной ловушки») затруднен тем, что точечные улучшения в отдельных сферах в долгосрочном периоде необязательно приводят к переходу к целевому, лучшему институциональному равновесию.

Одна из ключевых причин этого — **социокультурная инерция** [Полтерович, 2007], то есть ситуация, когда социокультурные особенности страны ограничивают возможности по проведению институциональных преобразований, воздействуя как на скорость, так и на саму возможность их реализации. В результате отдельные преобразования/институты, эффективные в других странах, могут не восприниматься или вовсе отторгаться населением. Другими словами, **масштабные институциональные изменения генерируют две группы рисков:**

- Риски неприятия людьми прогрессивных институтов (будь то политических, финансовых или любых других) в случае, если они не подготовлены к их внедрению. Вследствие этого могут возникать многочисленные негативные социальные внешние эффекты.

- Риски обнуления институционального доверия ко всем ключевым акторам процесса реформ. Вследствие этого существенно сужается пространство возможностей для проведения последующих преобразований.

Таким образом, попытки быстрого перехода (перехода напрямую) к целевым стандартным институтам могут оказаться безуспешными. Альтернативный путь заключается в том, что при проектировании реформ и последовательности их реализации надо предусматривать возможность «проращивания» целевых

институтов в условиях конкретной страны (региона), при котором учитываются как социокультурные особенности населения, так и специфика предшествующего развития.

Все это актуализирует поиск и проектирование **промежуточных институтов** — т. е. институтов, работоспособных при имеющихся ограничениях (в т. ч. социокультурных), способствующих их ослаблению и создающих тем самым условия для дальнейших преобразований [Полтерович, 2016].

Промежуточные институты: пояснение и примеры

При работе с понятием «промежуточный институт» следует принимать во внимание, что непосредственно под самим институтом понимается совокупность правил (формальных и/или неформальных), созданных людьми и выполняющих функцию ограничения в ситуации выбора посредством механизмов, обеспечивающих соблюдение правила [Шаститко, 2010].

Институт можно описать через систему из пяти элементов: 1) ситуацию, в которой действует правило; 2) адресата правила; 3) непосредственно правило; 4) санкцию за нарушения правила и 5) гаранта правила, наказывающего нарушителя правила. Таким образом, промежуточный институт может представлять собой специфическую комбинацию пяти элементов существующего и целевого института.

В качестве примера промежуточных институтов, оказавшихся в разное время успешными в разных странах, можно привести следующие:

- Система пожизненного найма в корпорациях Японии, Южной Кореи, Тайваня, опирающаяся на патернализм (то есть высокую дистанцию власти) и высокое межличностное доверие между людьми, позволила повысить эффективность использования человеческого капитала.

- Строительно-сберегательные кассы в Чехии и Словакии, опирающиеся на коллективизм, способствовали преодолению недоверия между людьми, накоплению положительной кредитной истории заемщиков и тем самым готовили население к более прогрессивным ипотечным институтам.

[Полтерович, 2007]

Переход от проектного подхода к институциональному: специальная система мер

Стратегия реформ, направленных на обеспечение долгосрочного инвестиционного роста, должна предусматривать корректировку принципов реализации изменений и, в частности, переход от проектного подхода и избирательного выбора приоритетных сфер развития к институциональному. Проектный подход делает акцент на нескольких приоритетных направлениях развития и сосредотачивает на них значительные человеческие и финансовые ресурсы (примеры: инновационный центр «Сколково», приоритетные национальные проекты и т. д.). Институциональный же подход сосредотачивается на создании базы, условий для развития всех социально-экономических сфер при рыночном распределении человеческих и финансовых ресурсов и наличии общих правил для всех участников взаимодействий.

Как уже отмечалось выше, в российских условиях любые программы развития, реализуемые в рамках проектного подхода, как правило, активно стартуют и дают определенные краткосрочные результаты, но через два-три года затухают, происходит откат и срыв реформ. Для преодоления этой неблагоприятной тенденции требуется разработка специальной системы мер, способствующих постепенному переходу от проектного подхода к институциональному.

Необходимо подчеркнуть, что сам по себе проектный подход не является ни хорошим, ни плохим — это один из методов осуществления изменений среди многих. Для операционализации проектного подхода можно считать его своего рода несовершенным **промежуточным институтом**, который учитывает существующие социокультурные ограничения, но не всегда способствует их ослаблению, а иногда даже закрепляет их (воспроизводит).

Отличительные черты проектного подхода	**Что могло бы обеспечить постепенный переход от проектного подхода к институциональному**
1. **АДРЕСАТЫ:** ограниченное число адресатов, которые имеют возможность принять участие в реализации проекта. Отбор адресатов нередко осуществляется в рамках нерыночной процедуры: не из всех потенциально заинтересованных стейкхолдеров, а только из числа групп специальных интересов с высокой переговорной силой	1. **АДРЕСАТЫ:** правила и критерии отбора адресатов должны быть сформулированы и публично озвучены перед запуском проекта, должна быть обеспечена добросовестная конкуренция адресатов

Отличительные черты проектного подхода	Что могло бы обеспечить постепенный переход от проектного подхода к институциональному
2. **ПРАВИЛО:** на протяжении реализации проекта действуют не заранее определенные и зафиксированные правила, одинаковые для всех, а множество различных (необязательно формально закрепленных) норм, которые могут применяться по-разному в зависимости от конкретного адресата и обстоятельств	2. **ПРАВИЛО:** перед запуском проекта должен быть разработан и опубликован набор правил, в рамках которых будут действовать адресаты, а также преференции участника проекта. На начальном этапе (первые год-два) различные комбинации норм и правил могут тестироваться для определения их жизнеспособности и эффективности. По истечении этого периода в обязательном порядке должны быть закреплены те из них, которые продемонстрировали наибольшую эффективность; именно они в последующем должны применяться ко всем адресатам
3. **САНКЦИИ:** для стимулирования адресатов в основном используются позитивные селективные стимулы (субсидии, налоговые льготы, более благоприятные условия и прочие преференции). Позитивные стимулы позволяют привлечь ограниченное число сравнительно более активных/заинтересованных адресатов. В этом случае санкцией является ограничение возможностей по доступу к такого рода преференциям (вплоть до исключения)	3. Система **санкций** за нарушение правил должна быть разработана и объявлена до старта проекта, их набор должен быть достаточно широк, гибок и не сосредотачиваться только вокруг ограничения преференций участника проекта как таковых
4. **ГАРАНТ,** как правило, персонифицирован, а функционирование структуры, осуществляющей контроль за реализацией проекта, зависит от конкретных лиц, которые занимают ту или иную должность. Это обусловливает тесную связь между личностью гаранта и качеством реализации проекта, что может иметь как позитивные, так и негативные эффекты (в частности, сложности с масштабированием, передачей функций другим исполнителям/структурам и т. д.). Однако на начальном этапе доверие общества к определенному гаранту может стать значимым фактором успеха запускаемого проекта	4. **ГАРАНТ:** управление проектом и контроль (внешний и внутренний) за его реализацией должны быть в максимально возможной степени деперсонализированы. Формализованные правила реализации проекта должны предусматривать внятные и прозрачные процедуры формирования структуры управления и аудита (текущей деятельности и результатов), которая не зависела бы от конкретных лиц, занимающих ключевые должности. Иными словами, персонализированное доверие к гаранту (руководителю проекта — внешнему или внутреннему) должно быть постепенно заменено работающими правилами и процедурами

Постепенная трансформация проектного подхода согласно предлагаемым здесь мерам неизбежно будет встречать сопротивление со стороны нынешних адресатов и гарантов данного подхода вследствие сокращения их сверхренты от эксклюзивного доступа к проектам. Для снижения сопротивления эти потенциально проигрывающие группы должны быть четко идентифицированы; им должны быть предложены разумные, т. е. адекватные их переговорной силе и ущербу, компенсации.

Поскольку непосредственными бенефициарами приводимых здесь мер по «апгрейду» проектного подхода являются многочисленные, высокодисперсные и неорганизованные *потенциальные* адресаты, которые сейчас не могут рассчитывать на участие в проектах, то субъектом компенсации должно выступить государство. Это позволит преодолеть проблему безбилетника и снизить величину трансакционных издержек в процессе преобразований.

Что касается характера компенсации, то она может быть как прямой (предоставление тех или иных благ), так и косвенной (предоставление дополнительных возможностей для повышения благосостояния). Способ компенсации также может варьироваться: это могут быть как денежные выплаты, так и предоставление каких-либо неденежных ресурсов (натуральный вид компенсации) [по материалам Коалиции для будущего, 2007].

Перед реализацией перечисленных выше мер необходимо определить препятствия (в т. ч. разногласия между ключевыми бенифициарами и/или стейкхолдерами), мешающие реализации институционального подхода в данный момент, а также целевые характеристики, которые необходимо достичь в будущем.

В случае если изменение правил оптимально в долгосрочном периоде, но сопряжено с издержками для бенефициаров и агентов изменения в краткосрочном периоде, возможное решение в данной ситуации – принятие правил, которые вступят в силу через определенный промежуток времени. Обсуждение и принятие подобных правил ограничивает оппортунистическое поведение стейкхолдеров, заставляет их отвлечься от насущных интересов и повышает стимулы принятия решений, выгодных обществу в целом. При этом заблаговременное информирование об изменении правил дает возможность всем заинтересованным участникам перестроить свою деятельность для эффективной работы по новым правилам.

Среднесрочные и долгосрочные цели России: проблема смены траектории

При проектировании промежуточных институтов ключевое значение имеет определение начальной и конечной точек институциональных преобразований: четкая констатация текущих недостатков и определение в этой связи долгосрочных целей социально-экономического развития.

Результаты экспертных опросов, проведенных Институтом национальных проектов в 2015–2017 гг.[28], позволяют констатировать, что, по мнению экспертов, наиболее вероятный образ России на горизонте до 2035 г. — это общество «закрытого доступа» в терминологии Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. «Закрытый доступ» означает низкое качество институциональной среды; блокировку перехода к траектории развития, ведущей к целевому образу; устойчиво низкие/неоптимальные социально-экономические показатели. Переход же к желаемому экспертами образу России — обществу «открытого доступа» — предполагает реализацию трех пороговых условий:

- принцип верховенства права действует для всех, в том числе для элит;
- деятельность организаций деперсонализирована (не зависит от персональных качеств личностей, их возглавляющих, и это одна из причин, по которой организации имеют возможность «переживать» своих создателей);
- политический контроль над насилием в обществе консолидирован и ограничен набором стимулов, лимитирующих нелегитимное применение насилия (ни один следственный или силовой орган не может рассматриваться как инструмент политической и экономической конкуренции).

Воплощение данных условий в жизнь — во многом взаимосвязанный процесс, но, учитывая экспертную оценку их достижимости в принципе, наиболее перспективным представляется следующий порядок реализации этих условий:

- обеспечение консолидированного контроля над насилием — на горизонте до 2024 г.;
- обеспечение верховенства права для всех (в т. ч. для элит) — на горизонте до 2030 г.;
- деперсонализация деятельности организаций — на горизонте до 2035 г.

Вместе с тем трех пороговых условий недостаточно для описания целевого долгосрочного образа будущего России. Современные общества «открытого доступа» (например, Австралия, Великобритания, Германия, Новая Зеландия, США, Финляндия, Франция, Швеция) различаются своим политическим и социально-экономическим устройством. Следовательно, при формировании целевого образа будущего крайне важно определить специфические характеристики модели такого общества.

Результаты модельных расчетов показывают, что целевой образ будущего России к 2035 г. как общества «открытого доступа» ближе всего к модели устойчивого роста, по которой развиваются социально-либеральные страны континентальной Европы (Германия, Франция и

[28] Инвестиционные сценарии экономического роста (2015); Образы будущего России: стратегические развилки (2016); Образы будущего России до 2035 г.: ключевые параметры и стратегические развилки (2017).

др.). Это также подтверждается результатами опроса «Мнения россиян о реформах». Ключевые приоритеты, которыми, с точки зрения населения, должно руководствоваться государство при проведении изменений, — соблюдение свобод граждан, а также обеспечение социальной справедливости (эффективность в этой триаде занимает последнее место).

Все это позволяет описать целевой образ России в 2035 г. как **общество «открытого доступа», развивающееся по модели устойчивого роста** и характеризующееся низким уровнем социального неравенства; значительным уровнем социальной поддержки населения; развитыми институтами общественного контроля и политической системой, опирающейся на широкое общественное представительство.

Это, в свою очередь, требует формирования набора промежуточных институтов, нацеленных на достижение среднесрочных целей развития в рамках модели устойчивого роста: активизации общества, которое должно стать участником системы сдержек и противовесов, обеспечивающей соблюдение как индивидуальных свобод, так и принципов социальной справедливости. Для этого, в частности, необходимо внедрить систему мер налоговой политики, способствующих повышению гражданской активности людей и усилению их запроса на эффективную работу власти, а также сформировать специальные механизмы вовлечения населения в работу государственных институтов, повышающие институциональное доверие к ним.

При этом, как было указано выше, промежуточные институты должны удовлетворять следующим условиям:

- учитывать существующие социокультурные характеристики;
- способствовать ослаблению социокультурных ограничений, препятствующих внедрению целевых (стандартных) институтов;
- способствовать построению целевых (стандартных) институтов.

Далее в таблице 7 в качестве примера предложены два промежуточных института, удовлетворяющие этим условиям и направленные на достижение ключевых среднесрочных целей развития страны.

Таблица 7. Примеры промежуточных институтов, направленных на достижение среднесрочных целей

Текущая ситуация	Социокультурные характеристики российского общества, ограничивающие внедрение целевого института
СРЕДНЕСРОЧНАЯ ЦЕЛЬ: Активизация политической функции налоговой системы **ЦЕЛЕВОЙ ИНСТИТУТ: Новая модель налоговой системы, обеспечивающая высокий уровень информированности населения о сумме налогов, уплачиваемых в бюджет**, что достигается за счет **1)** высокой доли налоговых доходов в бюджете; **2)** преобладания налоговой нагрузки на население, а не на бизнес; **3)** децентрализации бюджетных отношений	
Характеристики российской налоговой системы: • **Высокая доля неналоговых доходов в бюджете:** например, в 2015 г. 43% федерального бюджета составляли нефтегазовые доходы*. • **Большая доля налоговой нагрузки на бизнес** (58%), а не на граждан**, что наиболее ярко проявляется в части страховых взносов. • **Сверхцентрализация**, то есть большая дистанция между гражданами-налогоплательщиками и центром принятия решения о введении и использовании налогов (равно как и об определении их элементов)	Основные ограничения для внедрения налоговой системы с целевыми характеристиками связаны прежде всего с высокой долей нефтегазовых доходов российского бюджета. Вместе с тем существуют и социокультурные ограничения. • **Низкое институциональное доверие и высокая дистанция власти:** отсутствие доверия институтам власти на местах может существенно снижать эффективность децентрализации (доверие президенту в 1,5 раза выше, чем доверие главе области, и почти в два раза выше, чем главе города***). То, что население в большей степени доверяет «дальнему» представителю власти, может свидетельствовать об отсутствии реального институционального доверия на местах при сакрализации власти в целом (что является следствием высокой дистанции власти)

Суть данных институциональных преобразований заключается в изменении **адресата правила** и изменении самого **правила**.

Существующая налоговая система предполагает, что обязанность по исчислению и уплате НДФЛ лежит на работодателе. Т. е. ключевой адресат правила об уплате налогов — работодатель, а не отдельный гражданин.

Повышение информированности об уплачиваемых налогах вместе с предоставлением возможности принимать решение о направлении расходования части уплаченного налога означает, что адресатом правила становится также отдельный гражданин.

Изменение адресата правил будет способствовать активизации политической функции налогообложения (формированию ментальной связки между объемом уплачиваемых налогов и предоставляемыми государством общественными благами).

Промежуточные институты, направленные на достижение среднесрочной цели и способствующие целевому сдвигу социокультурной характеристики	**Социокультурные характеристики российского общества, учитываемые при внедрении промежуточного института**	**Траектория движения**
Для увеличения информированности населения о положенных к уплате налогах возможны**:** • Обеспечение прямого информирования граждан о размере уплаченных ими налогов (например, через SMS, портал «Госуслуги» и т. д.). • Перенос обязанности по уплате части (до 50%) страховых взносов во внебюджетные фонды с работодателя на работника с соответствующим единовременным повышением размера заработной платы. • Предоставление налогоплательщику по НДФЛ права выбора при заполнении декларации направления расходования части (например, 1/10) уплаченного налога на социально значимые цели, по закрытому перечню, устанавливаемому на уровне субъекта Федерации. • Переход к зачислению НДФЛ в бюджет по месту регистрации налогоплательщика (а не по месту регистрации налогового агента). • Введение во всех муниципальных образованиях возможности прямого участия граждан в распределении части муниципального бюджета	• Высокая дистанция власти. • Высокий коллективизм. • Бондинговый социальный капитал	• Появление ментальной взаимосвязи между фактом и суммой уплачиваемых налогов и получаемыми государственными услугами (снижение дистанции власти, патернализма). • Повышение политической активности граждан: желание принимать решения, брать на себя ответственность и участвовать в жизни государства (повышение индивидуализма). • Гражданский контроль за расходованием бюджетных средств (повышение институционального доверия)

* По данным Минфина России. К нефтегазовым доходам, помимо вывозных пошлин на нефть, газ и нефтепродукты, также относятся поступления от налога на доходы полезных ископаемых (НДПИ) в виде углеводородного сырья, в связи с чем формально нефтегазовые доходы бюджета нельзя называть неналоговыми. Однако фактически НДПИ призван изымать природную ренту, сверхприбыль и по своей сути является скорее доходом от использования национального богатства – природных ресурсов, – чем налоговым доходом.

** См. отчет об исполнении консолидированного бюджета РФ за 2015 год: *www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet*.

*** По данным опроса «Мнения россиян о реформах».

**** Перечень сформулированных ниже промежуточных институтов не является исчерпывающим для решения обозначенных проблем. Приведенные примеры призваны обозначить потенциальные направления институциональных преобразований, возможную траекторию реформирования.

Текущая ситуация	Социокультурные характеристики российского общества, ограничивающие внедрение целевого института

СРЕДНЕСРОЧНАЯ ЦЕЛЬ: Вовлеченность населения в государственное управление, снижающая дистанцию власти и уровень патернализма и повышающая институциональное доверие.

ЦЕЛЕВОЙ ИНСТИТУТ:

- **Конкурентная демократия с низкими барьерами входа на политические рынки. Наличие влиятельной парламентской и внепарламентской оппозиции. Подотчетность политической власти обществу;**
- **Независимая судебная система: все граждане страны имеют равный доступ к справедливому правосудию.**

Только 26% респондентов доверяют правительству и 23% — региональным органам власти*.

Крайне высокий уровень патернализма является следствием низкой вовлеченности населения в повышение качества государственного управления, а низкий уровень институционального доверия — следствием неудовлетворенности государственными услугами

- **Низкий бриджинговый социальный капитал:** доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешного сотрудничества являются необходимыми условиями для создания сильных, ответственных, представительных институтов муниципальной и федеральной власти [Патнэм, 1994].
- **Высокий коллективизм:** индивиды в странах коллективистской культуры в большей степени предпочитают переговоры и посреднические схемы по сравнению с обращением в судебные органы при возникновении конфликтной ситуации**.
- **Высокая дистанция власти:** в странах с высокой дистанцией власти отсутствует влиятельная парламентская оппозиция, как и механизмы подотчетности власти; индивиды не станут обращаться в суд при возникновении конфликтной ситуации с госслужащими, так как считают, что это бесполезно, «все куплено» и т. д.

Суть данных институциональных преобразований заключается прежде всего в увеличении **числа гарантов**, имеющих высокую мотивацию к повышению качества государственного управления и оказания государственных услуг. Число гарантов будет расширяться за счет привлечения потребителей государственных услуг к мониторингу деятельности государственных служащих.

Эффективность участия граждан в повышении качества государственного управления будет зависеть от способности к организации коллективных действий. Поэтому первое время можно опираться на бондинги (университетские или соседские сообщества, рабочие коллективы, землячества) так, чтобы в последующем число адресатов их деятельности расширялось (с внутренних членов группы до внешних по отношению к бондингу). Со временем наличие государственного финансирования и позитивный опыт организации коллективных действий на локальном уровне позволит постепенно расширять радиус доверия между различными группами и способствовать накоплению бриджингового социального капитала.

Промежуточные институты, направленные на достижение среднесрочной цели и способствующие целевому сдвигу социокультурной характеристики	**Социокультурные характеристики российского общества, учитываемые при внедрении промежуточного института**	**Траектория движения**
Для увеличения степени вовлеченности населения в повышение качества государственного управления необходимы*:** • Переход к формированию регламентов на базе стандартов государственных услуг, а стандартов — на базе исследований предпочтений граждан и бизнеса по нормативно принятой методике («Хартии граждан»). • Максимальное внедрение принципа экстерриториальности и конкуренции при предоставлении государственных услуг. • Организация мониторинга государственных и муниципальных услуг силами неправительственных организаций, с учетом необходимости: – законодательного закрепления обязанности органов исполнительной власти периодически проводить внешнюю оценку (мониторинг) стандартов государственных и муниципальных услуг и их коррекцию по результатам мониторинга; – публикации общественного доклада по результатам мониторинга, включающего рейтинги органов отраслевого и территориального управления по значимым для населения параметрам; – финансирования участников процедур общественного мониторинга за счет бюджетных средств (например, в рамках конкурса Фонда — оператора президентских грантов по развитию гражданского общества). • Введение института парламентских расследований (с неограниченными возможностями по вызову свидетелей)	• Высокие дистанция власти и уровень патернализма. • Высокий уровень избегания неопределенности. • Высокий коллективизм. • Бондинговый социальный капитал	• Учет предпочтений населения при формировании стандартов и регламентов предоставления государственных услуг (повышение институционального доверия). • Отсутствие привязки к получению услуг на определенной территории (повышение институционального доверия, снижение дистанции власти и патернализма). • Возможность оценивать и влиять на качество государственных услуг (снижение дистанции власти и патернализма). • Организация коллективных действий за счет государственного финансирования (увеличение бриджингового социального капитала и индивидуализма). • Инициация парламентских расследований событий, вызвавших общественный резонанс (повышение институционального доверия парламенту)

* Пресс-выпуск «Институциональное доверие» (2016): www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2.

** Leung, 1988, p. 125-136; Leung, Lind, 1986, p. 1134-1140; Cocroft, Ting-Toomey, 1994, p. 469–506; Gabrielidis, Stephan, 1997, p. 661-677.

*** Перечень сформулированных ниже промежуточных институтов не является исчерпывающим для решения обозначенных проблем. Приведенные примеры призваны обозначить потенциальные направления институциональных преобразований, возможную траекторию реформирования, их комплексная разработка требует существенно большего времени и плотной координации с экспертами соответствующих направлений

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Дистанция власти (power distance) – степень, в которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти [Hofstede, 2001].

Долгосрочная ориентация (long term orientation) характеризует общества, в которых ценятся действия, нацеленные на получение каких-либо наград в будущем, в частности, упорство и бережливость. **Краткосрочная ориентация** (short term orientation) характеризует общества, где важны ценности, связанные с прошлым и настоящим, в частности, уважение к традициям, «сохранение лица», выполнение социальных обязательств [Hofstede, 2001].

Избегание неопределенности (uncertainty avoidance) – степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди боятся неопределенных и незнакомых ситуаций [Hofstede, 2001].

Индивидуализм (individualism) характерен для обществ, в которых связи между людьми слабы: каждый заботится только о себе и своих ближайших родственниках. В **коллективистских** (collectivism) обществах люди с самого рождения включены в сильные и сплоченные группы, которые в течение всей их жизни предоставляют им защиту взамен на безусловную лояльность [Hofstede, 2001].

Маскулинность свойственна обществам с четким разделением гендерных ролей: предполагается, что мужчины – напористые, жесткие, сосредоточенные на материальном успехе; женщины – скромные, чуткие, заботящиеся [Hofstede, 2001].

Социальный капитал – распространенность норм честности, доверия и кооперации, принятых в обществе/группе/организации. Социальный капитал характеризуется радиусом доверия – степенью социальной «удаленности» лиц,

с которыми у индивида существуют доверительные отношения. (Наиболее «социально близкими» здесь подразумеваются члены семьи; наиболее «социально дальними» – незнакомые люди «с улицы».) В соответствии с величиной радиуса доверия социальный капитал может быть бриджинговым или бондинговым.

Бриджинговый социальный капитал (bridging social capital) отражает наличие связей между людьми, «непохожими друг на друга» [Gittell, Vidal, 1998], распространение норм честности, доверия и кооперации на всех людей, в том числе не входящих в постоянный круг общения.

Бондинговый социальный капитал (bonding social capital) отражает наличие связей между людьми, «похожими друг на друга» [Gittell, Vidal, 1998], распространение норм честности, доверия и кооперации только на членов определенного круга.

Институциональное доверие характеризует степень, в которой люди доверяют разного рода институтам, в частности, правительству, парламенту, региональным властям, судам, полиции, банкам и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ О СВЯЗИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ С ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ И ИМПЛЕМЕНТАЦИЕЙ РЕФОРМ

2.1. Влияние социокультурного разнообразия

Влияние факторов социокультурного разнообразия на экономическое развитие в современной мировой научной литературе рассматривается в различных коннотациях в зависимости от уровня анализа соответствующих экономических или социально-экономических процессов. В частности, значительная доля научных работ посвящена исследованию влияния факторов социокультурного разнообразия на экономическое поведение отдельных индивидов, т. е. анализу соответствующих процессов на микроуровне. Есть также достаточно большой пласт работ, исследующих влияние тех или иных факторов социокультурного разнообразия на мезоуровне (уровне отдельных городов или регионов). Существенную значимость имеют и научные результаты, полученные на макроуровне, когда анализируется влияние факторов социокультурного разнообразия на уровне отдельных стран или совокупности стран.

Все перечисленные направления анализа в рамках отдельных подтвержденных эмпирических результатов, с одной стороны, имеют достаточно узконаправленный характер (анализируется влияние одного-двух факторов разнообразия, контекст анализа ограничен социально-экономическими особенностями рассматриваемой страны, региона, города или временно́го периода). С другой стороны, каждое из исследований имеет прикладное значение с точки зрения представлений о корректном учете влияния разнообразия при формировании стратегий развития регионов, разработке долгосрочной политики государств, планировании и реализации реформ.

Анализируя широкую палитру существующих подходов к выявлению перечисленных взаимосвязей разнообразия и развития, прежде всего уместно

обратиться к работам, посвященным анализу значимости факторов социокультурного разнообразия при принятии экономических решений отдельными индивидами. Мысль о том, что социокультурное разнообразие само по себе является важным при формировании социально-экономической политики, на первый взгляд, лежит на поверхности. Однако научное обоснование и эмпирическое подтверждение данной мысли требуют значительного количества доказательств. Для начала обратимся к группе исследований, посвященных анализу влияния языковой, этнической, религиозной принадлежности людей на результаты их экономической деятельности.

Влияние языка

Базовой предпосылкой в понимании влияния языка на поведение индивидов является так называемая гипотеза Сепира – Уорфа [Sapir, 1949; Whorf, 1956]. В своей строгой форме гипотеза гласит, что язык определяет мышление людей, и, соответственно, лингвистические категории ограничивают и определяют категории когнитивные. В мягкой форме гипотеза говорит о том, что мышление наряду с лингвистическими категориями определяет влияние традиций и некоторые виды неязыкового поведения.

Среди работ, посвященных изучению роли языка, следует отметить статью Чена [Chen, 2013], в которой автор демонстрирует, что есть существенная зависимость между грамматической структурой языка и экономическим поведением индивидов. Было выявлено, что люди, языки которых имеют в грамматической структуре будущее время, демонстрируют большую склонность к сбережению.

Влияние происхождения

Акерлоф и Крэнтон [Akerlof, Kranton, 2000] отмечают, что чувства культурной и национальной принадлежности каждого человека часто выступают детерминантами его экономического поведения. Этот вывод был получен на основе анализа моделей теории игр при условии включения фактора национальной и культурной принадлежности в функцию полезности индивида.

Оттавиано и Пери [Ottaviano, Peri, 2006] показывают, что разнообразие, оцененное соотношением коренных жителей и приезжих в американских мегаполисах, в долгосрочном периоде оказывает положительное влияние на накопление человеческого капитала местных жителей, что отражается в том числе и на уровне производительности труда. На основе анализа вариаций заработных плат и арендных ставок между различными городами был сделан вывод о том, что при увеличении доли приезжих в городе для местных жителей растет заработная плата и стоимость аренды.

В работе Алесины с соавторами [Alesina, Harnoss, Rapoport, 2013] была найдена существенная положительная корреляция между разнообразием людей по месту рождения

и результативностью их экономической деятельности (использованы данные о людях, эмигрировавших из 195 различных стран в Соединенные Штаты с 1990 г. по 2000 г.). Авторы объясняют эту взаимосвязь возникновением эффекта взаимодополняемости навыков, который образуется при вовлечении работников из разных стран и регионов в решение общей производственной задачи. Помимо прочего, это способствует накоплению человеческого капитала каждым из работников, а также формирует основы для наращивания социального капитала и проявления соответствующих положительных внешних эффектов.

Подробный обзор существующей литературы на тему влияния этнического разнообразия на экономическую продуктивность можно найти в работе Алесины и Ла Феррары [Alesina, La Ferrara, 2005]. Авторы классифицируют исследования по трем возможным каналам влияния этого фактора.

Этническое разнообразие и экономическая продуктивность

Алесина и Ла Феррара [Alesina, La Ferrara, 2005] классифицируют исследования по трем возможным каналам влияния этого фактора.

В первой группе работ говорится о том, что этническое разнообразие воздействует на экономический выбор агентов посредством влияния на их индивидуальные предпочтения.

В частности, Тэджфел с соавторами [Tajfel et al., 1971] предлагает рассматривать межгрупповые поведенческие модели с позиций того, что индивиды с высокой вероятностью могут приносить положительную полезность членам своей группы и отрицательную полезность членам других групп, что соответствующим образом может рассматриваться как проявление бондингового социального капитала.

Во второй группе исследований говорится о том, что этническое разнообразие воздействует на индивидуальные стратегии людей и тем самым оказывает влияние на их экономические результаты.

В частности, речь идет о влиянии разнообразия на предпринимательскую активность: Авнер Грейф [Greif, 1993] приводит пример объединения средневековых торговцев в коалиции по этническому признаку с целью обмена информацией об оппортунистическом поведении их контрагентов. Такая стратегия помогала им снижать как издержки, связанные с поиском контрагента, так и издержки, связанные с ограничением потенциального оппортунистического поведения контрагента.

Подобная схема взаимодействия, основанная на определении этнической идентичности, функционирует и в условиях отсутствия асимметрии информации. Например, в работах Ла Феррары [La Ferrara, 2003], Фирона и Лейтина [Fearon, Laitin, 1996] говорится о том, что, когда контракты легко исполнимы с точки зрения существующего закона, членство в этнических группах позволяет расширить набор возможных стратегий сотрудничества. Причина заключается в одной из форм проявления социального капитала, а именно в том, что как наказание, так и выгодная сделка могут быть адресованы не только самому индивиду, но и другим членам его группы.

В третьей группе исследований факторы социокультурного разнообразия предлагается включать в производственную функцию. Это делается для того, чтобы проследить более явную связь между разнообразием и показателями экономического развития как непосредственно, в рамках соответствующих теоретических моделей, так и опосредованно, моделируя социокультурное разнообразие через разнообразие предпочтений.

Примером может служить работа Алесины, Сполаоре и Вазарг [Alesina, Spolaore, Wacziarg, 2000], в основе которой лежит модель Диксита – Стиглица. Авторы делают попытку включить в данную модель большее разнообразие «промежуточных затрат», которое в том числе подразумевает большее разнообразие индивидуальных навыков участников производства, что в итоге приводит к росту общего объема производства.

В работе Десмета, Ортуно-Ортина и Вебера [Desmet, Ortuno-Ortin, Weber, 2016] фактор разнообразия также включается в производственную функцию. Полученный результат демонстрирует, что чем выше фракционализация в обществе, тем ниже уровень производства общественных благ. Этот эффект обусловлен тем, что с ростом фракционализации становится труднее согласовать между разными группами (например, центром и периферией) производство общественных благ, поэтому чаще всего недополученные в явном виде общественные блага заменяются трансфертами.

Фуджита и Вебер [Fujita, Weber, 2010], Осанг и Вебер [Osang, Weber, 2016] вводят в производственную функцию фактор культурной нетерпимости. Полученный результат показывает, что чем выше фактор нетерпимости, тем ниже производительность труда.

В приведенном выше перечне работ рассматривается влияние факторов социокультурного разнообразия на микроуровне, то есть оценивается их влияние на экономическое поведение

человека. Среди же работ мезоуровня и макроуровня (развитие регионов и стран) анализ воздействия факторов социокультурного разнообразия во многом осуществляется в контекстной связке с проводимой государствами или их отдельными регионами социально-экономической, налоговой, трансфертной политикой.

Также существуют исследования более общего порядка, опирающиеся не столько на количественную оценку степени разнообразия, сколько на сам факт наличия разнообразия (неоднородности) социокультурного фактора, косвенно проявляющегося в различных аспектах, таких как ценности, доверие, социальный капитал. Для полноценного учета всех известных научных результатов в рассматриваемой тематике построение комплексной классификации российских регионов (см. пункт 2.3) производится в том числе с опорой на результаты, полученные в отношении перечисленных аспектов социокультурных факторов.

Влияние исторического фактора

Особенно важно отметить работы, анализирующие воздействие культурных характеристик на макроуровне в долгосрочном историческом контексте. Среди таких работ — исследование Табеллини [Tabellini, 2010], в котором автор пишет о том, что культура тесно связана с экономическим развитием страны и формированием государственных институтов. Автор измеряет культуру показателями ценностей и убеждений индивидов, таких как доверие и уважение к другим людям. Табеллини также акцентирует внимание на важной роли исторического фактора в текущей экономической деятельности. В частности, он отмечает, что формирование современных институтов в существенной мере определяется более ранними институтами, функционировавшими в предыдущие исторические периоды. Последнее является важным аргументом в пользу градуалистского подхода в планировании и имплементации реформ.

Роль исторического фактора социокультурного разнообразия раскрывается также в статье Довера и Маркевича [Dower, Markevich, 2014], где сравнивается отношение жителей российских регионов к двум историческим событиям: столыпинской реформе начала XX века и приватизации в конце того же столетия. Авторы показывают, что в одном и том же регионе отношение людей к этим событиям оказалось достаточно схожим, несмотря на почти вековой разрыв. Регионы, которые активно выступали против столыпинской реформы, позднее оказались противниками приватизации (например, Рязанская, Тульская и Калужская области). Регионы же, в которых реформа Столыпина поддерживалась, восприняли приватизацию положительно (например, Архангельская, Вологодская, Новгородская области). Эти результаты используются в пункте 2.3 при построении комплексной классификации регионов.

Факторы социокультурного разнообразия и экономическое развитие

Почему важно принимать во внимание факторы социокультурного разнообразия стран и регионов при формировании государственной политики? Одним из первых исследований, посвященных этой тематике, принято считать работу Истерли и Левина [Easterly, Levine, 1997]. В ней авторы показывают на примере этнических конфликтов в странах Африки, что этническое разнообразие может в значительной степени объяснять межстрановые различия в государственной политике и темпах экономического роста. После деколонизации африканских стран этническое, языковое и религиозное разнообразие привело к нестабильности политической системы и механизмов экономического развития, что зачастую оборачивалось замедлением или даже остановкой экономического роста. Особенно показателен пример Ганы, которая в результате этнических междоусобиц потеряла свое ведущее положение на мировом рынке производителей какао: ее доля упала с 90% почти до нуля.

В работе Мауро [Mauro, 1995] показана положительная связь между этнической фракционализацией и коррупцией. Чем больше разнообразие этнических групп, тем больше затраты на лоббирование их интересов при распределении национальных ресурсов.

Вопрос о том, положительно или отрицательно влияет разнообразие на экономический рост, до сих пор не имеет однозначного ответа. Подробный анализ работ, посвященных изучению данного вопроса, приведен в книге Гинсбурга и Вебера [Ginsburg, Weber, 2011]. Так, упоминаемое там исследование Лайона и Онила [Lian, Oneal, 1997] констатирует, что этническое, лингвистическое и религиозное разнообразие не оказывает существенного влияния на рост (на повышение ВВП на душу населения). Вместе с тем авторы подчеркивают, что влияние разнообразия на развитие может быть косвенным и осуществляться через воздействие на промежуточные факторы. К таковым факторам они относят потенциальное возникновение (при высоком уровне этнического, лингвистического и религиозного разнообразия) политической нестабильности или политической фрагментации, которые, в свою очередь, могут привести к замедлению темпов экономического роста. Об отсутствии положительного влияния этнического разнообразия на рост говорится и в работе Кампоса с соавторами [Campos, Kuzeyev, Saleh, 2011]: внимание здесь акцентируется на том, что влияние на экономическое развитие оказывает не сам фактор фракционализации, а динамика его изменения.

В современных исследованиях крайне распространенным является мнение о том, что большая степень фракционализации общества ведет к возникновению политической нестабильности (например, в работах Аннэт [Annett, 2001], Десмета и Вебера [Desmet, Weber, 2011]). В этом контексте интересным является вывод, полученный в работе Коллье [Collier, 2001]: автор пишет, что, несмотря на распространенность мнения о том, что этнически дифференцированные общества зачастую обладают более низкими экономическими показателями и высоким риском возникновения гражданских конфликтов, такая позиция оказывается не вполне обоснованной. В работе констатируется, что фракционализация общества по этническим показателям не наносит вреда в условиях демократического

общества и оказывает существенное негативное влияние в условиях диктатуры. Нэк и Кифер [Knack, Keefer, 1997] показали, что уровень доверия выше, а нормы гражданской кооперации сильнее в странах с более высокими и более равномерно распределенными доходами, с более высоким уровнем образования и с более этнически гомогенным населением.

Важно также отметить группу исследований, посвященных анализу влияния социокультурного разнообразия внутри регионов (в частности, их однородности или гетерогенности с точки зрения этнического состава) на бюджетную политику этих регионов. Особое внимание стоит уделить исследованию Хазанова [Хазанов, 2016], в котором проведена оценка возможной связи между бюджетными трансфертами и разнообразием населения в российских регионах, и исследованию Флориды [Florida, 2002], в котором описывается положительное влияние социокультурного разнообразия на технологическое и инновационное развитие городов. Используя в качестве показателя разнообразия число деятелей искусства, родившихся за пределами США, Флорида проранжировал 50 американских городов и продемонстрировал положительную связь между разнообразием населения и другими индикаторами развития городов, включая долю творческих работников, наличие высокотехнологичных производств, число патентов на душу населения. Схожим образом в работе Саксениан [Saxenian, 1999] феномен и успех Кремниевой долины объясняется разнообразием культурного наследия и профессионального опыта ученых и предпринимателей из Индии, Китая, России, Израиля, стран Европы.

Впервые мысль о том, что доля расходов бюджетов на предоставление государственных услуг находится в обратной зависимости от этнической фрагментации, была высказана в работе Алесины, Бакара и Истерли [Alesina, Baqir, Easterly, 1999]. Авторы анализировали городские округа, города и мегаполисы США. Впоследствии полученный результат был распространен на другие страны в работе Куиджса [Kuijs, 2005]. Аналогичный результат был подтвержден позднее и на российских данных в работе Лимонова и Несеной [Limonov, Nesena, 2016].

***

Представленный выше анализ накопленных в научной литературе теоретических и эмпирических результатов позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Факторы социокультурного разнообразия имеют эмпирически подтвержденное (статистически значимое) влияние на экономическое развитие, измеряемое различными экономическими параметрами, среди которых производительность труда, уровень занятости, экономический рост, инновационная и предпринимательская активность и др.

2. Факторы социокультурного разнообразия имеют влияние на разных уровнях операциональности, начиная с принятия индивидуальных решений и заканчивая сравнительным анализом социокультурных различий на уровне межстрановых и

общемировых сопоставлений. Они выступают не только детерминантами поведения отдельных индивидов, но и могут во многом определять экономическое развитие регионов и государств.

При этом исследования на микроуровне (индивидуальное поведение) и уровне отдельных городов в целом демонстрируют более позитивные эффекты социокультурного разнообразия, в том числе в части технологического и инновационного развития.

Многие исследования на макроуровне (регионов, стран), напротив, демонстрируют наличие рисков развития, связанных с высоким уровнем разнообразия, что подчеркивает важность учета факторов социокультурного разнообразия при планировании и имплементации реформ.

3. Во многих научных работах подчеркивается, что высокий уровень разнообразия несет в себе потенциал негативного влияния на экономическое развитие. Это особенно характерно при сочетании разнообразия с низким уровнем человеческого капитала. Поэтому необходимо проводить отдельный, более подробный анализ регионов России, характеризуемых высокими показателями социокультурного разнообразия.

4. Влияние факторов социокультурного разнообразия в целом является комплексным. Однако возможно — а во многих случаях необходимо — предварительно проводить раздельный анализ значимости таких факторов, как лингвистическое, этническое, религиозное разнообразие, а также принимать во внимание более сложные формы разнообразия, включая, например, историческое разнообразие регионов.

   Все перечисленные факторы разнообразия имеют эмпирически доказанное статистически значимое влияние на уровне регионов России как в контексте разработки социально-экономической политики на уровне регионов, так и для более общей задачи проведения реформ и их региональной адаптации.

5. На макроуровне анализ факторов социокультурного разнообразия достаточно тесно сопряжен с анализом влияния институтов, ценностей, социального капитала и доверия в обществе. Эти виды анализа необходимо сочетать (и взаимно дополнять) для получения полной и достоверной картины при изучении особенностей российских регионов.

6. Результаты различных исследований демонстрируют важность такого показателя, как динамика разнообразия и других социокультурных характеристик.

С одной стороны, «быстрое» увеличение разнообразия может служить драйвером роста и инновационного развития. С другой стороны, рост разнообразия увеличивает риски возникновения конфликтов, что, в свою очередь, может нести существенные негативные последствия для развития.

Кроме того, анализ динамики разнообразия и других социокультурных факторов на уровне отдельных регионов России может служить дополнительным признаком классификации регионов с точки зрения имплементации и адаптации реформ.

Таким образом, для получения наиболее полной картины социокультурного разнообразия и построения комплексной классификации регионов Российской Федерации необходимо, опираясь на уже имеющиеся результаты научных исследований, детально исследовать основные факторы социокультурного разнообразия (языкового, этнического, религиозного), дополняя их анализом исторических и культурных детерминант, а также уделяя достаточное внимание особенностям динамики соответствующих факторов разнообразия на территории России.

2.2. Влияние социокультурных характеристик

Для обеспечения системного подхода к описанию эффектов, создаваемых социокультурными особенностями общества, обзор исследований будет сфокусирован на связи социокультурных характеристик с экономическим развитием, имплементацией реформ и внедрением инноваций. Важно подчеркнуть амбивалентную по своей сути природу связей между социокультурными показателями и интересующими нас категориями. С одной стороны, сложившийся в обществе социокультурный профиль на момент старта реформы является значимым фактором, воздействующим на ход ее реализации; с другой стороны, сами реформы, инновации — в силу их масштабности, продолжительности и проникновения в разные сферы жизни человека — постепенно корректируют ценности и поведенческие установки людей.

Темпы роста и имплементация реформ

В индивидуалистических странах при прочих равных условиях чаще наблюдаются более высокие темпы экономического роста; коллективизм, напротив, в большей степени способствует консервации и сохранению текущего экономического состояния, блокированию прорывов [Gorodnichenko, Roland, 2011a; 2011b]. Высокий уровень коллективизма связан с доверием к «своим», ближнему кругу, но при этом чаще всего сопровождается дефицитом обобщенного доверия, что может существенно тормозить экономический рост из-за высоких издержек переговоров и заключения контрактов, защиты прав собственности и т. д. Шурд Бегельсдайк и Робберт Маселанд констатируют, что рост коллективистской системы без обобщенного доверия ограничен (при этом для накопления обобщенного доверия не-

обходимы хорошо работающие [формальные] институты) [Бегельсдайк, Маселанд, 2016, 234]. В свою очередь, Гирт Букерт отмечает высокий индивидуализм (и лежащую в его основе личную ответственность индивида в отношении себя самого и общества) в качестве ключевой культурной характеристики, обеспечивающей эффективность реформирования государственного управления [Bouckaert, 2015].

При этом есть и яркий пример того, как обратная индивидуализму характеристика — коллективизм — была успешно задействована в реформировании, – реформы 1960-х гг. в Южной Корее. В обществе активно насаждалась идеология чучхесон — сочетание северокорейской идеологии чучхе, основанной на коллективизме, самобытности, и идеях западной демократии. Заимствованные у идеологического противника элементы чучхе доказали свою эффективность: они послужили «моральной компенсацией за тяготы модернизации» [Прозоровский, 2016].

Столь же значимым при проведении масштабных реформ, как индивидуализм, оказывается наличие **долгосрочной ориентации**. Так, Гирт Хофстеде связывает успех «азиатских тигров», сумевших во второй половине XX века выйти на более высокую траекторию развития, именно с высокой долгосрочной ориентацией [Hofstede, 2001]. Страны с краткосрочной ориентацией сравнительно эффективны в реализации задач, приносящих быстрые, но, скорее всего, неустойчивые результаты; задач, требующих «рывка». Страны же с долгосрочной ориентацией с большей вероятностью могут преуспеть в осуществлении таких модернизационных преобразований, которые предполагают отложенные эффекты от социально-экономических и политических изменений[29]. При этом успешность преобразований будет выше, если жители страны в целом оперируют длинным горизонтом планирования. В этих условиях ниже риск срыва с модернизационной траектории: эмпирические исследования показывают, что предсказуемая, пользующаяся доверием долгосрочная экономическая политика приносит лучшие результаты, чем краткосрочная политика, преследующая цели сиюминутной оптимизации [Freytag, Renaud, 2007].

В странах с **высокой дистанцией власти** общество менее склонно принимать активное участие в процессе реформ, оно заинтересовано в сохранении статус-кво и стабильности [Bouckaert, 2007]. Кроме того, в таких обществах с большей вероятностью можно ожидать преобладания патерналистских настроений, пренебрежение которыми вызовет отторжение реформ [Полтерович, 2007]. Все это, с одной стороны, явное ограничение на пути реформатора: патернализм, инертность и зацикленность на текущем моменте не являются мотивами, стимулирующими реформы и облегчающими их естественное развитие и проникновение во все сферы общественной жизни. С другой стороны, в условиях иерархичного общества высокая дистанция власти может обеспечить сравнительную эффективность реформ, про-

[29] Не следует путать долгосрочную ориентацию по Хофстеде и длинный горизонт планирования. Первое понятие характеризует готовность людей адаптировать прошлый опыт к вызовам будущего, прикладывать долгосрочные усилия для достижения цели; в то время как второе — непосредственно период, на который такие цели ставятся.

водимых «сверху» посредством проектного подхода. Таким образом, высокая дистанция власти может содействовать старту реформ как «креационистского» проекта элит, наметивших ключевые направления «прорыва», но не может обеспечить всеохватности процесса и его естественного развития, равно как и устойчивости во времени — когда усилия реформаторов ослабнут.

Так, крайне высокая дистанция власти (равная 100 пунктам из 100, по результатам исследования Г. Хофстеде[30]), характерная для общества Малайзии, послужила важным фактором модернизации 1980-х гг. Высокая дистанция власти способствовала движению в сторону централизации власти и формированию «персоналистского режима при слабом гражданском обществе» [Свешникова, 2016].

Обратная ситуация — использование низкой дистанции власти как фактора, способствующего успешной имплементации реформ, может быть описана опытом либеральных преобразований в 1980-х гг. в Израиле. Низкая дистанция власти, выражающаяся в «высокой степени нигилизма к любым авторитетам и иерархии», дала возможность обществу «не только открыто обсуждать со всех сторон и со всеми любые вопросы, но и открыть путь к любым экспериментам, пусть даже и самым рискованным» [Марьясис, 2016][31].

Высокий показатель **избегания неопределенности** (нежелание, неприятие изменений) создает дополнительные препятствия для проведения любых (в т. ч. институциональных) изменений [Bouckaert, 2007]. При проектировании реформ в таких обществах необходимо особое внимание уделять ясности целей преобразований и четкости вводимых правил, а также проработке компенсационных сделок (материальных, статусных и др.) для групп, чьи интересы явно будут ущемлены. При отсутствии такого рода мер высока вероятность блокировки планируемого институционального изменения. И хотя артикулированность целей и четкость правил является несомненным благом в глазах населения, для реформатора это будет скорее сдерживающим фактором, сужающим пространство для маневра и удлиняющим процесс принятия решений. Другими словами, сдерживающий потенциал высокого избегания неопределенности ниже в тех случаях, когда реформы являются результатом широкого общественного консенсуса, а их реализации предшествовало публичное обсуждение.

Высокая **маскулинность** отмечается исследователями в качестве одной из значимых характеристик, влияющих на эффективность проводимых реформ [Bouckaert, 2007], поскольку напористость, нацеленность на результат, свойственные маскулинным обществам, позволяют достичь намеченных (в т. ч. отдаленных) целей. Азиатским странам, которым во

[30] См.: *https://geert-hofstede.com*.

[31] Следует учитывать тот факт, что гражданская культура, которая, можно сказать, является сопряженным понятием с термином «дистанция власти», не является экзогенно заданным и неизменным во времени фактором. Как пишет В. Полтерович, «некоторые важные параметры гражданской культуры могут претерпевать существенные изменения в течение 10–20 лет. Это обстоятельство следует принимать во внимание при изучении долгосрочных аспектов развития» [Полтерович, 2007, 41].

второй половине XX в. удалось перейти на высокую траекторию развития, были свойственны преимущественно высокие значения маскулинности.

Низкий уровень **межличностного доверия**, то есть **бриджингового социального капитала**, «оказывает непосредственное влияние на структуры управления, порождая необходимость дополнительных контрольных звеньев» [Полтерович, 2007]. Это увеличивает издержки управления и особенно реформирования, когда трансформацию претерпевает система управления как таковая. Не будет преувеличением утверждать, что высокий уровень доверия (и межличностного, и институционального) является основополагающим фактором успешного проведения реформ [Полтерович, 2016]. Это особенно важно для коллективистских обществ, «базовой единицей» которых является не индивид, а малая группа (семья, община), имеющая повышенный уровень доверия, обращенный «вовнутрь себя» (бондинговый социальный капитал), и пониженный — обращенный «вовне», к другим таким же группам (бриджинговый социальный капитал).

При этом если политика реформ соответствует ожиданиям, достигает успеха, то возможен и рост доверия [Полтерович, 2007]. Так, реформа государственного аппарата и создание электронного правительства в Эстонии, начавшиеся в конце 1990-х гг., позволили не только существенно облегчить и удешевить получение государственных услуг, но и повысить гражданскую активность [Kitsing, 2011; Kalvet, 2012], что является одним из косвенных показателей роста социального капитала (доверия) в стране. Данные World Values Survey (WVS) подтверждают: межличностное доверие в Эстонии выросло с 21,1% в 1996 г. до 39% в 2011 г., а институциональное доверие — с 48,7% в 1996 г. до 52,8% в 2011 г.

Бондинговый социальный капитал потенциально может выступать в качестве проактивного фактора экономического развития, но ресурс его позитивного воздействия ограничен. Например, именно благодаря высокому бондинговому капиталу корейского общества, стало возможным существование южнокорейских чеболей (конгломерат формально независимых фирм, контролируемых одной группой — как правило, семьей), сыгравших решающую роль в ходе индустриализации и позволивших интегрировать страну в мировую экономику [Hitt, Lee et al., 2002].

Вместе с тем высокий бондинговый социальный капитал хорошо соответствует задачам «рывка» и хуже — задачам стабильного поступательного развития и удержания достигнутых результатов. Связано это с тем, что с определенного момента логика экономической модернизации, постепенно проникающей во все сферы общественной жизни, начинает требовать все большего числа взаимодействий не внутри какой-либо консолидированной группы, пусть и очень большой, а между разными независимыми группами и акторами, не связанными друг с другом родственными или корпоративными отношениями. Те же чеболи позволили осуществить модернизационный рывок (реализованный во вполне мобилизационном режиме) и дать мощный импульс развития экономике Южной Кореи. Но при этом они были внутренне неэффективны, что показала череда кризисов 1970–1980-х гг., не до-

пускали внешнего, общественного контроля, активно содействовали развитию коррупционных отношений с органами власти и т. д.

Таким образом, бондинговый социальный капитал может быть эффективен, функционируя в основе т. н. «промежуточного» («нестандартного») института, нацеленного на решение конкретной задачи развития на определенном временно́м интервале. Но далее, до того момента, как производимые им негативные эффекты не превысят позитивные, он должен быть «подкреплен» бриджинговым социальным капиталом для постепенной трансформации в сторону стандартного института, обеспечивающего равные условия для всех участников экономических взаимодействий, а не только для узкого круга. Доверие не только внутри группы, но и вовне требуется для того, чтобы такая трансформация прошла в цивилизованном русле, чтобы проигрывающие группы не блокировали изменения и чтобы стали возможны компенсационные сделки (материальные, статусные и др.). Например, южнокорейские чеболи — на фоне собственной неэффективности и череды коррупционных скандалов — в течение 1980–1990-х гг. постепенно трансформировались в более привычные холдинги с понятной рынку и регуляторам структурой, подотчетностью обществу и репутацией, сохранив при этом ключевых собственников [Chang, 2003].

Социокультурные характеристики и пенсионная реформа

Проектирование пенсионной реформы интересно своей амбивалентной природой. С одной стороны, это крупная реформа, с другой стороны, социальная и управленческая инновация, постепенно затрагивающая практически все слои общества.

Исследования показывают, что общества с высокими показателями **долгосрочной ориентации** в большей степени заинтересованы в стабильности и устойчивости будущих пенсионных доходов [De Araujo, 2013]. А реализация пенсионной реформы в обществах, которым свойствен высокий индивидуализм, будет более результативной, если будет обеспечиваться свобода в выборе индивидуальных пенсионных планов и стратегий [Van der Lecq et al., 2011].

Пенсионная реформа должна проектироваться с учетом того обстоятельства, что общества с низкой **дистанцией власти** будут стремиться к выравниванию будущего благосостояния и потому будут готовы активно задействовать уже в настоящем механизмы перераспределения доходов [Hempel, 1998; De Araujo, 2013]. По той же причине в таких обществах будут негативно приниматься пенсионные программы, выплаты по которым зависят от статуса человека и уровня его доходов. А вот в обществах с высокой дистанцией власти такие пенсионные программы как раз вполне приемлемы.

В обществах с высоким **избеганием неопределенности** необходима централизованная и бюрократизированная пенсионная система с высоким уровнем контроля и защиты со стороны государства. Общества с низким избеганием неопределенности в большей степени приветствуют гибкие пенсионные системы, в том числе со множеством частных игроков [Hempel, 1998].

При этом внедрение инструментов накопительной пенсионной системы, пенсионных счетов и т. д. само по себе может способствовать увеличению горизонта планирования и развитию долгосрочной ориентации, столь необходимых для осуществления любых институциональных преобразований.

Инновации

Страны с высоким уровнем **индивидуализма** более успешны в производстве радикальных инноваций, коллективистские страны — в производстве инноваций инкрементных [Herbig, Miller, 1993]. Связано это с тем, что радикальные инновации, как правило, несут в себе вызов сложившимся практикам, устоям, стереотипам, который легче принимается в индивидуалистических сообществах. Инкрементные инновации, напротив, требуют согласованных действий и взаимосвязанных процессов, что более характерно для коллективистских обществ, для которых важно учитывать мнение группы.

Одновременно с этим **маскулинные общества** сравнительно более эффективны в сферах массового промышленного производства, а феминные — в сервисных видах деятельности [Hofstede, 2001]. Однако существование связи между инновациями и уровнем маскулинности не столь однозначно. В одних исследованиях значимой корреляции между ними не обнаружено [Shane, 1993]; в других найдена положительная связь с феминностью [Kaasa, Vadi, 2008]. Последнее объясняется тем, что феминные культуры характеризуются более высоким уровнем доверия, более мягким деловым климатом, меньшей конфликтностью, что создает благоприятную среду для возникновения новых идей. Вместе с тем потенциально значение маскулинности для инноваций также может быть велико, поскольку эта характеристика связывается с ориентированностью на результат, со стремлением преобразовывать мир вокруг себя, а не адаптироваться к нему [Лебедева, Татарко, 2007].

Для показателя **долгосрочной ориентации** характерна положительная связь с инновационным развитием общества [Waarts, van Everdingen, 2005]. Долгосрочная ориентация может стимулировать производительную деятельность и долгосрочные инвестиции, что имеет особое значение для производства инноваций, поскольку между осуществлением инвестиций и получением отдачи от них, как правило, проходит значительное время. Краткосрочная ориентация, напротив, характеризует ориентацию в большей степени на решение текущих задач, но при этом обеспечивает способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам.

А вот для **дистанции власти**, напротив, характерна негативная связь с инновационным развитием [Varsakelis, 2001]. Культуры с высокими показателями дистанции власти, как правило, характеризуются иерархической структурой общества и многочисленными бюрократическими процедурами. Соответственно, информация о новых идеях, даже самых прорывных и несущих значительную общественную выгоду, может не дойти до лиц, принимающих решение [Williams, McGuire, 2005; Waarts, van Everdingen, 2005], или же трансакционные издержки «прохождения импульса» и тем более внедрения инновации будут запретительно велики для тех, кто потенциально мог бы это сделать.

Отрицательная связь инновационного развития наблюдается также с **избеганием неопределенности** [Shane, 1993]. Поскольку неопределенность является неотъемлемой частью любой предпринимательской и инновационной активности, то чем более для общества характерно негативное, опасливое отношение к неопределенности, тем хуже обстоят дела с инновационным развитием. Помимо этого, такие общества характеризуются «низкой толерантностью к людям или группам, отличающимся идеями или поведением» [Лебедева, Татарко, 2007, 58], тогда как терпимость по отношению к новому и неизвестному является важной характеристикой инновационной среды [Cipolla, 1972; Goldstone, 1987].

Бриджинговый социальный капитал способствует инновационному развитию, действуя как фактор сокращения трансакционных издержек коммуникации и контроля вследствие высокого уровня доверия к окружающим. Сокращение издержек позволяет наладить эффективное взаимодействие между участниками инновационного процесса, содействующее распространению знаний и информации [Woolcock, Narayan, 2000; Tura, Harmaakorpi, 2005]. Бондинговый социальный капитал, напротив, служит барьером для инновационного развития, поскольку взаимодействие «непохожих друг на друга» людей и обмен информацией между ними блокированы низким доверием к внешним по отношению к группе агентам. А именно гетерогенность сети участников инновационного процесса крайне важна для генерирования инновационных идей [Ruef, 2002; Eklinder-Frick et al., 2012].

В таблице П2-1 обобщены результаты проведенного анализа воздействия социокультурных характеристик на развитие и внедрение реформ, а также характер инновационного развития.

Таблица П2-1. Характер воздействия социокультурных характеристик на реформы и инновации

		Поддерживают	**Ограничивают**
Развитие и внедрение реформ	**Хофстеде**	Индивидуализм (в целом). Коллективизм (при реформах «сверху» для «рывка») Долгосрочная ориентация (в целом) Краткосрочная ориентация (для «рывка») Низкая дистанция власти (в целом) Высокая дистанция власти (в иерархических обществах при реформах «сверху» и проектном подходе) Маскулинность	Краткосрочная ориентация Высокая дистанция власти (в целом) Коллективизм (в целом) Высокое избегание неопределенности
	Социальный капитал	Высокий уровень бриджингового социального капитала (в целом) Высокий уровень бондингового социального капитала (если реформы проводятся в течение ограниченного времени и заключаются в создании промежуточных институтов)	Низкий уровень бриджингового социального капитала (в целом) Высокий уровень бондингового социального капитала (если реформы проводятся в течение длительного времени)
Инновации	**Хофстеде**	Индивидуализм (в целом, особенно для радикальных инноваций) Коллективизм (для инкрементных инноваций) Низкая дистанция власти Долгосрочная ориентация Низкое избегание неопределенности	Коллективизм (в целом) Краткосрочная ориентация Высокая дистанция власти. Высокое избегание неопределенности
	Социальный капитал	Бриджинговый социальный капитал	Бондинговый социальный капитал

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ИСХОДНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ РЕГИОНОВ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ[32]

Комплексная классификация регионов в соответствии с параметрами социокультурного разнообразия была построена на основе приведенных в пункте 3.1 исходных классификаций регионов, теоретически и эмпирически обоснованных ранее проведенными научными исследованиями, а также принимая во внимание дополнительные особенности и аспекты социокультурного разнообразия, отраженные в пункте 3.2.

Процедура формирования итогового состава выделяемых групп регионов сочетает формальные (количественные) и экспертные методы:

- На первом шаге, исходя из приоритета факторов этнолингвистического разнообразия, на основании количественного анализа соответствующих индексов (п. 3.1.1) выделяются три перечня регионов, первый из которых затем подразделяется на итоговые группы 1 и 2, а второй и третий составляют базу для определения состава регионов в итоговых группах 3 и 4.

- На следующем шаге используется классификация регионов европейской части России (п. 3.1.3), на основании которой составляется базовый (частичный) перечень регионов для итоговых групп 1 и 2.

---

[32] Приведенные в этой части исходные классификации регионов по отдельным факторам социокультурного разнообразия (п. 3.1.1–3.1.3), а также вспомогательные результаты, отражающие региональное разнообразие и его динамику (п. 3.2.1–3.2.3), основаны на результатах работы научных коллективов по двум научно-исследовательским проектам, поддержанным грантом Правительства РФ (проект № 14.U04.31.0002, Лаборатория исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы [ЛИСОМО РЭШ]: на основе материалов официальных отчетов за 2013–2015 гг.) и Российским научным фондом (проект № 15-18-00098 Международная лаборатория культурного разнообразия и экономического развития: материалы официальных отчетов за 2015–2016 гг.). Научный руководитель грантов – PhD, профессор Ш. Вебер.

- Далее используется классификация из п. 3.1.2 для уточнения состава групп 3 и 4.

- Классификация из п. 3.1.4 привлекается для включения в группы 1 или 2 регионов России, не входящих в ее европейскую часть (т. е. не упомянутых в классификации п. 3.1.3) и не попавших в группы 3 и 4.

Полученные перечни регионов России, разнесенные по итоговым группам 1–4, верифицируются и уточняются с использованием дополнительных классификаций (п. 3.2), а также с привлечением типологии регионов по уровню экономического развития и освоенности территории, разработанной экспертами Независимого института социальной политики[33].

3.1. Исходные классификации регионов в соответствии с фактором социокультурного разнообразия

3.1.1. Классификация регионов на основе индексов языкового и этнического разнообразия

Стандартные подходы к построению индексов разнообразия (см., например: Акчурина и др., 2015; Вебер, Давыдов, 2015) позволяют получить количественные оценки степени разнообразия по одному из рассматриваемых факторов на основании информации о количестве различных групп и их численности в рассматриваемом сообществе.

В работе Хазанова [Хазанов, 2016] получены оценки индексов лингвистического и этнического разнообразия российских регионов, построены и проанализированы ранговые распределения соответствующих индексов и возможные способы классификации регионов России по каждому из двух индексов раздельно, а также по совокупности факторов лингвистического и этнического разнообразия. Согласно полученным результатам, регионы России по совокупному критерию этнической и языковой неоднородности населения можно разделить на три группы:

1. Регионы, где родным языком большей части населения является русский и где отсутствуют крупные группы населения, относящие себя к этносу, отличному от русского. Эти регионы находятся в центральной части России, в Сибири и на Дальнем Востоке.

2. Регионы, где существенную долю населения составляют люди с одним и тем же родным языком, отличным от русского. Такие регионы расположены преимущественно в Поволжье, например, Республика Татарстан.

3. Регионы, где проживает население, включающее множество различных этнических групп,

[33] *www.socpol.ru/atlas/typology/index.shtml*

имеющих, соответственно, множество различных родных языков. Такая ситуация наблюдается в нескольких регионах Кавказа, в первую очередь в Республике Дагестан.

Стоит отметить, что типичными примерами во второй и третьей группах в данной классификации являются регионы с высокой поляризацией (для второй группы) и фракционализацией (для третьей) общества.

Важным эмпирическим результатом здесь является значимость «республиканского статуса» (формы устройства) региона. В республиках обычно проживают несколько крупных этносов, что означает более высокую поляризацию населения. Для таких регионов относительно велико «языковое расстояние»[34], то есть национальные языки, являющиеся родными для населения республик, существенно «удалены» от русского.

При этом при формировании комплексной классификации регионов принимаются во внимание выводы Лимонова и Несеной [Limonov, Nesena, 2016] о том, что в регионах России с небольшой численностью населения и в регионах с большой его плотностью зависимость ключевых социально-экономических характеристик от этнического разнообразия проявляется по-разному. Для плотно населенных регионов этническое разнообразие выступает детерминантой ВРП на душу населения, коэффициента Джини неравенства по доходам и числа совершенных преступлений, но в малонаселенных территориях эта тенденция совсем не прослеживается. В работе Лимонова и Несеной также подчеркивается, что в случае с малонаселенными регионами чем больше этническое разнообразие их населения, тем больше региональный бюджет зависит от федерального финансирования.

3.1.2. Классификация регионов на основе прокси-данных о религиозном разнообразии

Одним из источников данных для анализа разнообразия на региональном уровне является информационная система «Яндекс». Огромное количество запросов пользователей на различные темы позволяет накапливать и обрабатывать данные о структуре и содержании этих запросов, что гарантирует достаточную статистическую «представительность» соответствующих данных и обеспечивает устойчивость выводов, сделанных по результатам анализа. Использование специальных алгоритмов обработки запросов, а также семантического анализа исходной информации позволяет изучать неоднородность запросов, отражающую предпочтения пользователей — населения регионов России.

Для оценки религиозного разнообразия на уровне регионов применяется семантиче-

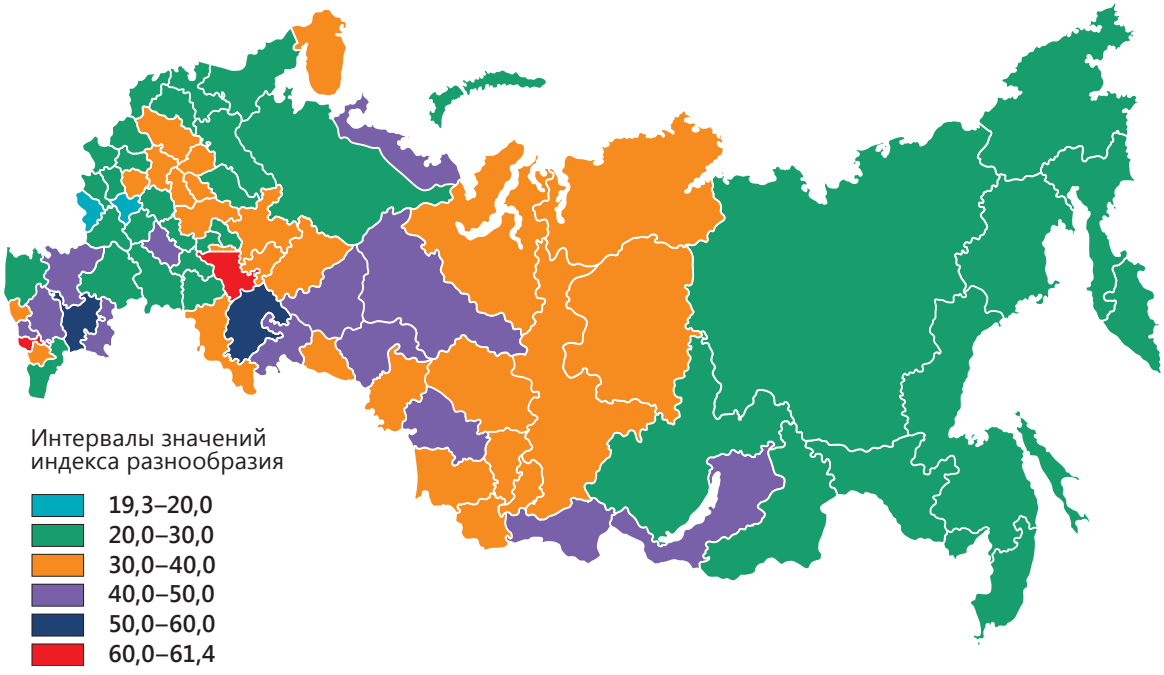
[34] Термин «расстояние между языками» подразумевает количественную характеристику, отражающую сходство/различие языков, позволяющую оценивать сложность коммуникации носителей этих языков. Формально подобное расстояние может измеряться на основе так называемых лингвистических деревьев или с использованием более сложных инструментов анализа (лексический состав языков, их грамматические и синтаксические конструкции и т. п.).

ский анализ ключевых слов и словосочетаний, которые используются пользователями для оформления поисковых запросов, содержательно связанных с представлениями о религии, сопутствующих ритуалах, религиозных праздниках, религиозных текстах и т. п. Тогда представление о неоднородности соответствующего региона России можно получить, выделяя относительные доли числа запросов по отдельным религиям среди всех запросов по религиозной тематике в целом. Соответствующие доли запросов используются далее для построения индексов религиозного разнообразия на уровне отдельных регионов России.

Описанный подход использован в работе Вебера и соавторов [Вебер и др., 2014] для построения количественной оценки индекса религиозного разнообразия российских регионов. Величина индекса (нормированного в пределах от 0 до 1) для регионов России находится в пределах от 0,193 до 0,614, при этом максимальные значения религиозного разнообразия (свыше 0,6) демонстрируют Республика Татарстан и Кабардино-Балкарская Республика. Близкие к максимальным значения (от 0,5 до 0,599) характерны для республик Башкортостан, Тыва и Калмыкия. Напротив, минимальное религиозное разнообразие (менее 0,2), согласно полученной количественной оценке, демонстрируют Белгородская и Липецкая области.

Полная классификация регионов России по фактору религиозного разнообразия приведена на рисунке П3-1 и учитывается далее при построении комплексной классификации.

Рисунок П3-1. Карта религиозного разнообразия регионов России (на основе прокси-данных поисковых запросов системы «Яндекс»)



Источник: Вебер и др., 2014

3.1.3. Классификация регионов на основании фактора исторического разнообразия

Значимые исторические события, например крупные реформы, затронувшие важнейшие социально-экономические институты, очевидным образом оказывали заметное влияние на поведение людей в тот момент, когда они происходили. Однако выяснилось, что подобные события могут иметь и более существенное, долгосрочное влияние, приводящее к переоценке ценностей индивидов, сохраняемых на протяжении нескольких поколений. В периоды реформ подобные переоценки системы ценностей могут формировать «самоподдерживающийся механизм», который либо закрепляет первичный успех реформы за счет народной поддержки, усиливая эффект от ее проведения в целом, либо, напротив, углубляет первичные трудности при проведении реформы за счет негативной реакции общества [Вебер и др., 2014].

Влияние исторической памяти в контексте разнообразия регионов можно проверить путем сравнительного анализа двух реформ, проведенных в различные периоды времени. Ярким примером таких реформ, затрагивающих одну из основ поведения индивидов — отношение к частной собственности, — служат столыпинская аграрная реформа начала XX века и приватизация, проведенная в начале 1990-х гг.

Проведенный Довером и Маркевичем [Dower, Markevich, 2014] эконометрический анализ панельных данных регионального уровня подтверждает гипотезу о значимости фактора исторического разнообразия. В регионах, где в большей степени проявлялось сопротивление столыпинской аграрной реформе, современное население охотнее поддерживает идеи о том, что производственные активы должны находиться в государственной собственности, и выражает желание пересмотреть результаты приватизации 1990-х гг., считая их несправедливыми. Таким образом, уже сформировавшееся к началу XX века неоднородное в региональном разрезе отношение к частной собственности и проведению реформ сохраняет свое значимое влияние и в современной экономической истории России.

С точки зрения построения комплексной классификации регионов на основании факторов социокультурного разнообразия, работа Довера и Маркевича важна в двух аспектах: идеологическом и техническом.

Идеологический аспект отражает общую важность учета социокультурных факторов в анализе социально-экономических процессов и при проведении реформ. При этом прямое сопоставление двух указанных реформ позволяет более полно раскрыть феномен долгосрочной устойчивости институтов. Во-первых, рассматривая современные и происходившие около века назад события с точки зрения восприятия населением процессов приватизации, можно тестировать устойчивость культурных убеждений и ценностей — наиболее часто анализируемых аспектов отложенного во времени влияния исторических событий [Grosfeld et al., 2013; Guiso et al., 2013; Voigtlander, Voth, 2012]. Во-вторых, сходная структура двух рассматриваемых реформ позволяет исследовать эффект передачи локального исторического

знания и опыта за счет подробного анализа региональных аспектов: соответствующих результатов аграрной столыпинской реформы и их последующего сопоставления с современными представлениями населения о справедливости приватизационных процессов и необходимости пересмотра их результатов.

С технической точки зрения исследование Довера и Маркевича содержит подробную классификацию регионов Центральной России. Основной компонентой классификации является готовность регионального сообщества к реформам, способствующим развитию индивидуализма, самостоятельного принятия решений и т. п. Последнее позволяет использовать результаты данного исследования для построения классификации регионов на основе выявленного фактора исторического разнообразия. Соответствующая классификация используется далее при построении комплексной классификации регионов России.

3.1.4. Классификация регионов на основе анализа политических предпочтений населения России в период 1990–2015 гг.

Рассматриваемая в предыдущем подпункте классификация регионов хорошо отражает особенности населения в части готовности к реформам, однако имеет существенный недостаток, связанный с особенностью исследования Довера и Маркевича: в силу структуры имеющихся данных она затрагивает лишь центральные регионы России. Для получения полной картины, отражающей особенности исторического разнообразия на региональном уровне, используется дополнительная классификация, основанная на анализе политических предпочтений населения России в период 1990–2015 гг.

Сопоставляя региональные данные о результатах президентских и парламентских выборов, можно выявить достаточно высокую корреляцию между так называемыми «регионами красного пояса» и теми регионами Центральной России из работы Довера и Маркевича, в которых жители проявляют наименьшую готовность к проведению реформ.

С учетом данного сопоставления формируется классификация всех российских регионов по степени глубины их вхождения в «красный пояс», согласно электоральной статистике за 1990–2015 гг. Построенная таким образом классификация, отражающая политические предпочтения населения, используется далее для формирования комплексной классификации.

3.2. Вспомогательные результаты, принимаемые во внимание при формировании комплексной классификации регионов в соответствии с факторами социокультурного разнообразия

В данном пункте приводится краткое описание дополнительных условий и факторов, которые необходимо принимать во внимание при построении комплексной классификации.

Как и выше, в пункте 3.1, анализ осуществляется на основе результатов проведенных ранее научных исследований ЛИСОМО РЭШ. Но, в отличие от пункта 3.1, здесь используется более широкая трактовка разнообразия регионов, которая включает факторы и детерминанты, формирующие различия (неоднородность) регионов по отношению к одному признаку или к выделенной группе признаков. Отдельное внимание будет уделено особенностям динамических изменений разнообразия.

3.2.1. Распространение и динамика социального капитала как фактор регионального разнообразия России

В данном подпункте кратко представлены результаты исследования [Вебер и др., 2013], посвященного влиянию уровня доходов населения на доверие в обществе в условиях региональной неоднородности в динамике. На основании статистических данных Росстата, а также репрезентативных на региональном уровне данных опросов 34 тысяч граждан России, проведенных фондом «Общественное мнение» в три этапа (во втором квартале 2008 г., в первом квартале 2009 г., а также во втором квартале 2014 г.) и содержащих вопросы об оценке уровня доверия, проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление влияния сокращения уровня доходов на уменьшение уровня доверия в обществе, а также на эффект неполного восстановления доверия при возврате уровня доходов к исходным значениям, в некотором роде сравнимый с так называемым эффектом храповика.

В работах Агийона и соавторов [Aghion et al., 2010], а также Алесины и Ла Феррары [Alesina, La Ferrara, 2002] выявлено, что и индивидуальное доверие, и средний уровень доверия в обществе положительно коррелируют с уровнем доходов. В работе Стивенсон и Вольферса [Stevenson, Wolfers, 2011] показано, что доверие институтам государства связано с экономическими изменениями (шоками, потрясениями), специфическими для этого государства. Несмотря на это, выявление причинно-следственной связи между уровнем доходов и доверием представляется затруднительным, т. к. для этого требуется анализ специфической ситуации, при которой и уровень доходов, и уровень доверия существенно изменился и при этом изменение доходов можно оценить такой инструментальной переменной, которая не является напрямую связанной с доверием.

Подобная ситуация возникла в российской экономике в период кризиса 2008–2009 гг., когда Россия испытала ощутимое сокращение ВВП (на 8% в 2009 г., что является максимальным снижением среди всех стран G20). В годовом эквиваленте снижение ВВП в четвертом квартале 2008 г. и в первом квартале 2009 г. составило соответственно 19% и 17% (с учетом сезонности и с коррекцией на инфляцию). Более того, влияние кризиса оказалось существенно неравномерным в различных регионах России. В частности, по данным за 2009 г., ВРП четверти наиболее успешных регионов вырос в среднем на 4%, при этом ВРП четверти наименее успешных по данному показателю регионов сократился в среднем на 28%.

Результаты эмпирической оценки отвергают сформулированную нулевую гипотезу во всех рассмотренных спецификациях. В модели с фиксированными эффектами на уровне регионов, включающей также прочие факторы, влияющие на уровень доверия, получена оценка снижения уровня доверия на 5% при снижении на 10% уровня доходов среди тех респондентов, кто полагает, что «большинству людей можно доверять». Если учесть, что уровень доверия в России составлял, согласно данным Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), в среднем около 25% (а по опросам ФОМ, 34% в 2008 г. и 19% в 2009 г.), то данный результат демонстрирует значительное влияние сокращения уровня доходов на соответствующее сокращение уровня доверия в обществе.

В целом по трем раундам обследования [Вебер и др., 2013], затрагивающим предкризисный, кризисный и посткризисный периоды, основные результаты состоят в следующем. Региональное разнообразие экзогенных факторов (климат, унаследованная с советских времен промышленная структура и инфраструктура и т. п.) в России имеет существенное влияние на социальные и институциональные характеристики общества. Эффект кризиса 2009 г. — в целом для России отразившийся в сокращении ВВП на 8% — имел существенно неоднородное влияние в различных регионах, что во многом связано со структурой промышленности, унаследованной от советских времен. Наибольший негативный эффект кризис 2009 г. имел для регионов, специализирующихся на производстве капитала, а также регионов, связанных с добычей нефти и газа.

Таким образом, вариативность промышленной структуры экономики может выступать инструментальной переменной для оценки изменений в уровнях доходов регионов. После применения данного инструмента выявляется статистически и экономически значимое влияние уровня региональных доходов на обобщенное доверие в обществе (в стандартном контексте — доля респондентов, согласных с утверждением, что «большинству людей можно доверять»). Контролируя прочие детерминанты доверия, можно заключить, что сокращение уровня доходов на 10% приводит в среднем к сокращению уровня доверия на 5%. Учитывая, что средний уровень доверия в России в рассматриваемый период составляет 25%, указанное соотношение имеет критическую важность с точки зрения влияния экономических факторов на социальное взаимодействие, а следовательно, и на готовность к инновационному развитию и проведению реформ.

Более того, выявленное влияние не является симметричным. По результатам оценки уровня доверия в посткризисный период, можно заключить, что восстановление экономических показателей не приводит к соответствующему восстановлению уровня доверия. Фактически первоначальный (докризисный) уровень доверия был достигнут к 2014 г. только в тех регионах, где наблюдалось небольшое сокращение уровня доверия в течение кризиса. Напротив, для регионов, где сокращение уровня доверия было существенным, доверие в 2014 г. составило в среднем 90% от исходного (предкризисного) уровня.

Таким образом, при построении комплексной классификации регионов (см. п. 2.3) учитываются следующие выводы.

- Региональная неоднородность промышленной структуры может служить дополнительным фактором разнообразия, влияющим через уровень доходов населения на уровень доверия в обществе в динамике.

- Динамика регионального неравенства доходов также может являться фактором социокультурного разнообразия регионов, поскольку положительно связана с уровнем доверия в обществе, что косвенно характеризует готовность общества к инновационному развитию и реформам.

- Наблюдается эффект асимметрии, при котором восстановление доверия в обществе может происходить не в полном объеме даже при соответствующем восстановлении уровня доходов населения.

3.2.2. Классификация регионов РФ на основе разнообразия экологической осведомленности

Одним из важных, хотя и косвенных, факторов социокультурного разнообразия на региональном уровне является интерес жителей региона к экологической проблематике, состоянию окружающей среды. Термин «экологическая осведомленность» используется в работе Вебера и соавторов [Вебер и др., 2014] при описании неоднородности регионов по степени обеспокоенности населения соответствующими экологическими проблемами и отражает всю совокупность вопросов о состоянии различных аспектов окружающей среды на рассматриваемой территории.

Важность данного фактора с точки зрения инновационного развития и проведения реформ заключается прежде всего в выявлении регионов, население которых демонстрирует более активную жизненную позицию. Исходные данные об уровне экологической осведомленности в регионах России можно почерпнуть из пользовательских запросов системы «Яндекс» (по аналогии с данными о религиозном разнообразии). Выявляя таким образом степень социокультурного разнообразия регионов в контексте экологической осведомленности, можно перейти к количественным оценкам соответствующего индекса разнообразия и получить вспомогательную классификацию российских регионов по уровню экологической осведомленности населения.

Полученная вспомогательная классификация позволяет уточнить комплексную классификацию регионов в части активного отношения населения региона к решению проблем производства общественных благ (здесь – поддержания чистой окружающей среды).

3.2.3. Анализ языкового разнообразия в республиках бывшего СССР в динамике

Индексы этнического и лингвистического разнообразия имеют прикладное значение не только как прокси-переменные, позволяющие отслеживать факторы социокультурного разнообразия и контролировать их эмпирическую значимость в оценке экономического развития стран или регионов. Построение соответствующих индексов в динамике является одним из эмпирических доказательств стабильности (малой вариативности) факторов социокультурного разнообразия.

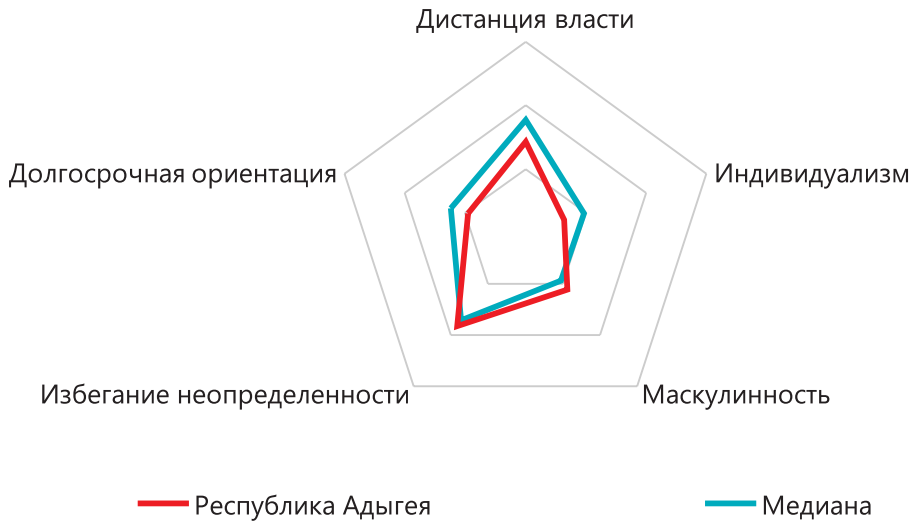
Необходимо учитывать, что одной из причин динамического изменения этнического и лингвистического состава групп в регионах России является миграция. Поэтому при построении комплексной классификации регионов в части учета факторов социокультурного разнообразия полезно учитывать потенциал влияния миграции, особенно миграционные потоки из республик бывшего СССР.

Исходя из имеющихся данных переписей населения в республиках СССР в последней трети XX века можно оценить динамику индексов лингвистического разнообразия. На их основе прослеживается степень стабильности социокультурного разнообразия при отсутствии межстрановых барьеров, возникших уже после распада СССР. Проведенные исследования [Вебер и др., 2014; Акчурина и др., 2015] позволяют получить количественные оценки индексов лингвистического разнообразия между РСФСР и 14 республиками СССР на 1970 г., 1979 г. и 1989 г., которые демонстрируют слабую изменчивость в рассматриваемый двадцатилетний период. Для большинства пар «РФ — республика бывшего СССР» изменение не превышает 10%, а для 6 из 14 пар составляет менее 5%.

Данный результат имеет для наших целей двойное значение. Во-первых, выявленная стабильность факторов социокультурного разнообразия в длительные периоды (здесь — два десятилетия) отражает необходимость долгосрочного планирования вариативности реформ и достаточной степени их региональной адаптации с учетом социокультурных факторов. Во-вторых, полученные количественные оценки (индексы лингвистического разнообразия) могут служить дополнительной прокси-переменной в исследовании текущих миграционных потоков в Россию, что является одним из факторов анализа имплементации реформ на региональном уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СХЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОФИЛЕЙ РЕГИОНОВ[35]

Рисунок П4-1. Социокультурный профиль Республики Адыгея

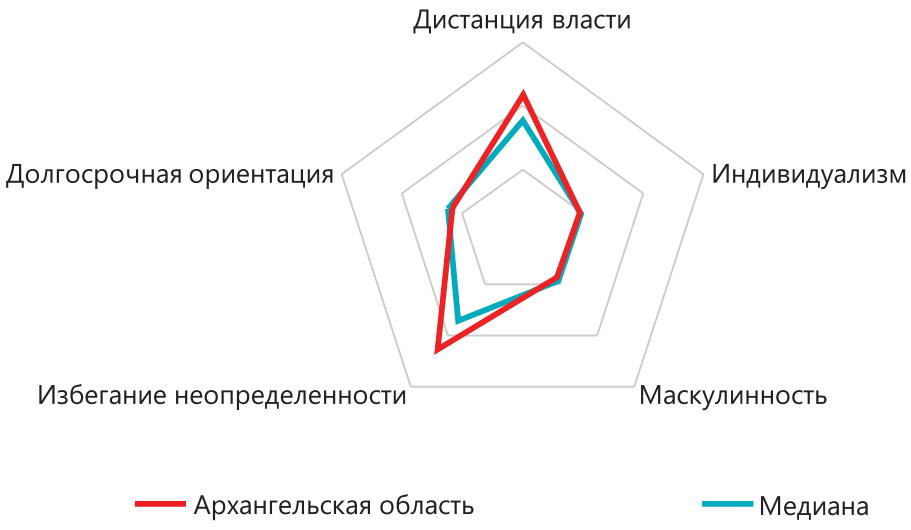


Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – ниже, чем в Республике Коми, Архангельской области, Хабаровском крае;
- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан;
- по индивидуализму – ниже, чем в Нижегородской области, Республике Коми;
- по маскулинности – выше, чем в Ленинградской области.

[35] Методика Г. Хофстеде предполагает, что ключевое значение для анализа имеют не абсолютные, а относительные значения показателей [Hofstede, 2001]. Для удобства анализа социокультурные профили отдельных регионов приведены на фоне медианы. Информация о статистически значимых различиях в выраженности показателей между отдельными регионами приведена в таблице 3.

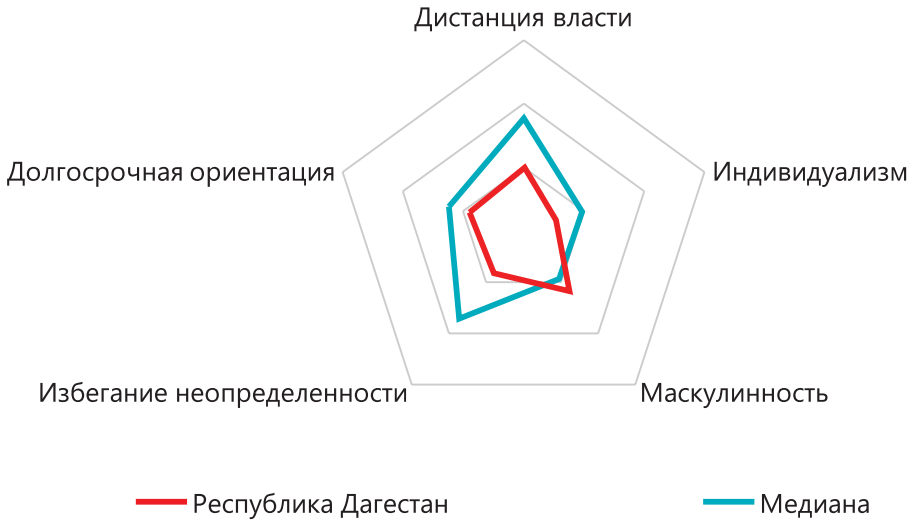
Рисунок П4-2. Социокультурный профиль Архангельской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – выше, чем в Республике Дагестан, Ленинградской области, Томской области и Республике Адыгея;
- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан, Томской области, Москве, Краснодарском крае, Ярославской области.

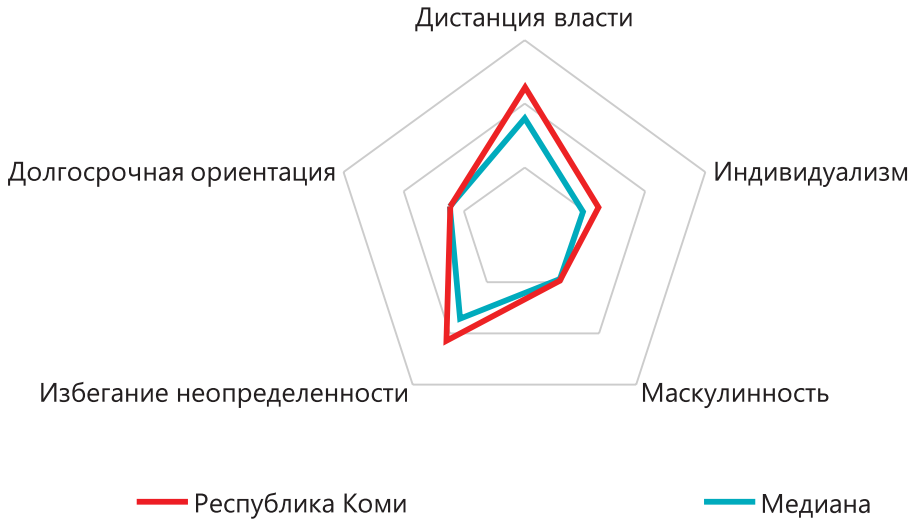
Рисунок П4-3. Социокультурный профиль Республики Дагестан



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – ниже, чем в Республике Коми, Архангельской области, Хабаровском крае, Краснодарском крае, Ярославской области;
- по избеганию неопределенности – ниже, чем в Архангельской области, Нижегородской области, Республике Коми, Ленинградской области, Республике Адыгея, Республике Татарстан;
- по индивидуализму – ниже, чем в Нижегородской области, Республике Коми, Краснодарском крае;
- по маскулинности – выше, чем в Ленинградской области, Республике Татарстан.

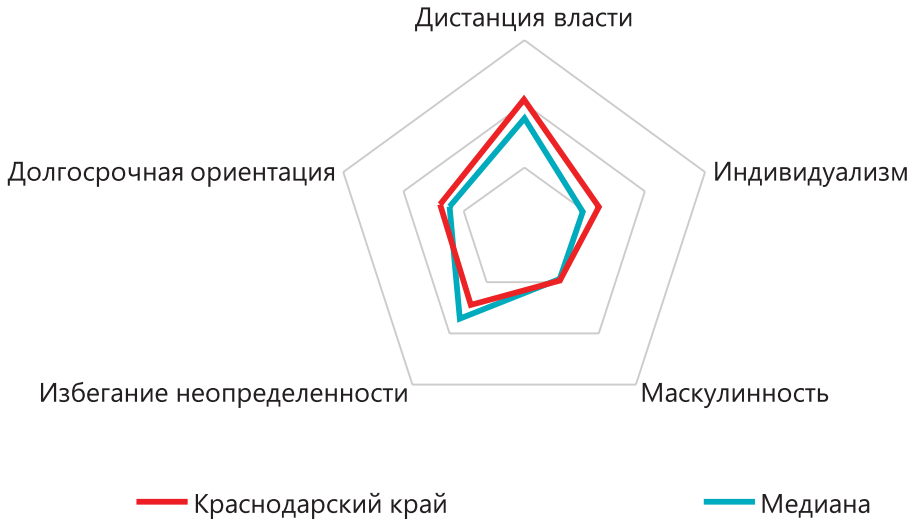
Рисунок П4-4. Социокультурный профиль Республики Коми



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – выше, чем в Республике Дагестан, Ленинградской области, Томской области, Республике Адыгея;
- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан, Томской области, Москве, Краснодарском крае;
- по индивидуализму – выше, чем в Республике Дагестан, Республике Адыгея.

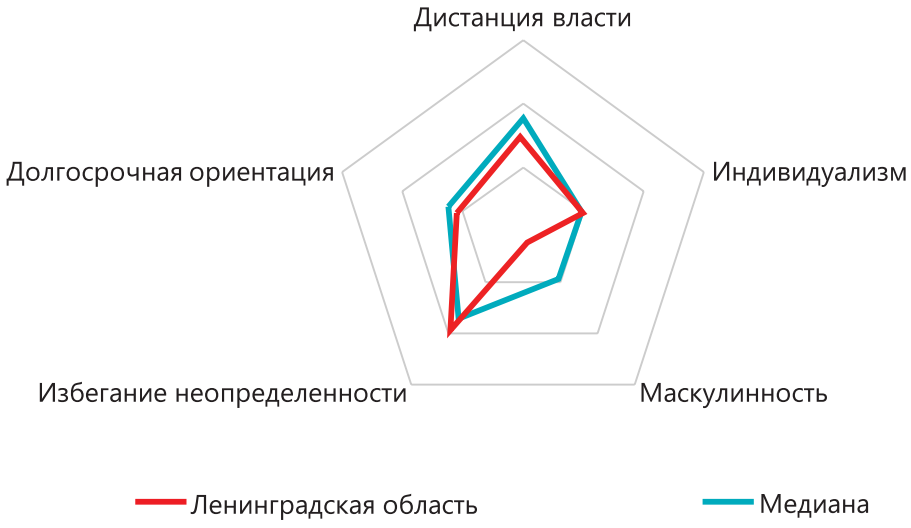
Рисунок П4-5. Социокультурный профиль Краснодарского края



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – выше, чем в Республике Дагестан;
- по избеганию неопределенности – ниже, чем в Архангельской области, Нижегородской области, Республике Коми;
- по индивидуализму – выше, чем в Республике Дагестан.

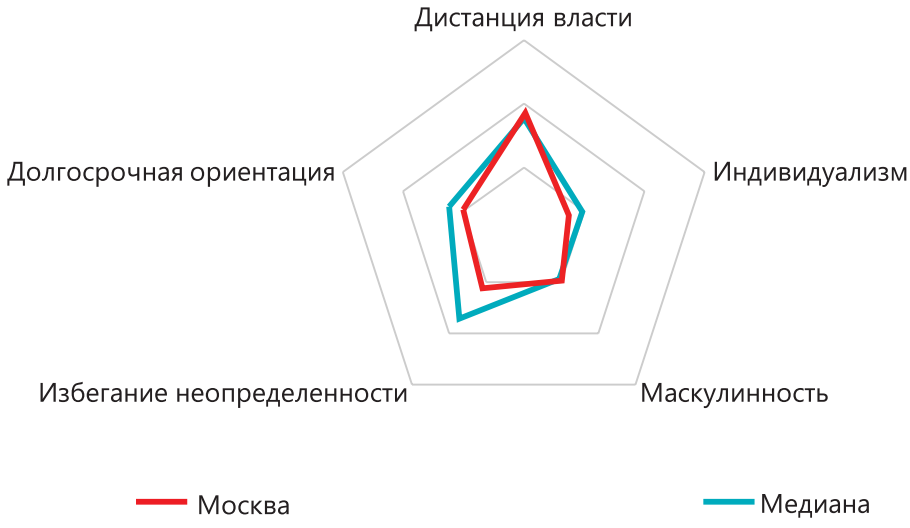
Рисунок П4-6. Социокультурный профиль Ленинградской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – ниже, чем в Республике Коми, Архангельской области, Хабаровском крае, Ярославской области;
- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан;
- по маскулинности – ниже, чем в Республике Дагестан, Свердловской области, Республике Адыгея Томской области, Ярославской области.

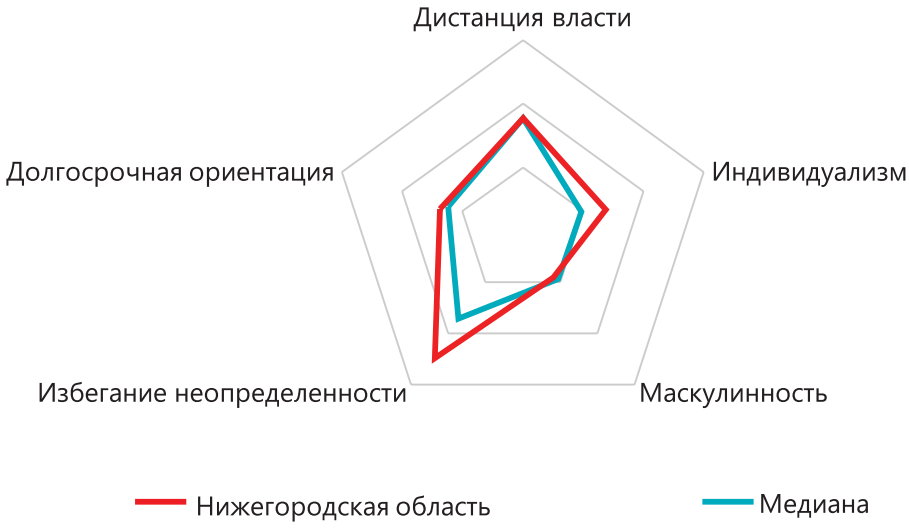
Рисунок П4-7. Социокультурный профиль Москвы



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по избеганию неопределенности – ниже, чем в Архангельской области, Нижегородской области и Республике Коми;
- по индивидуализму – ниже, чем в Нижегородской области.

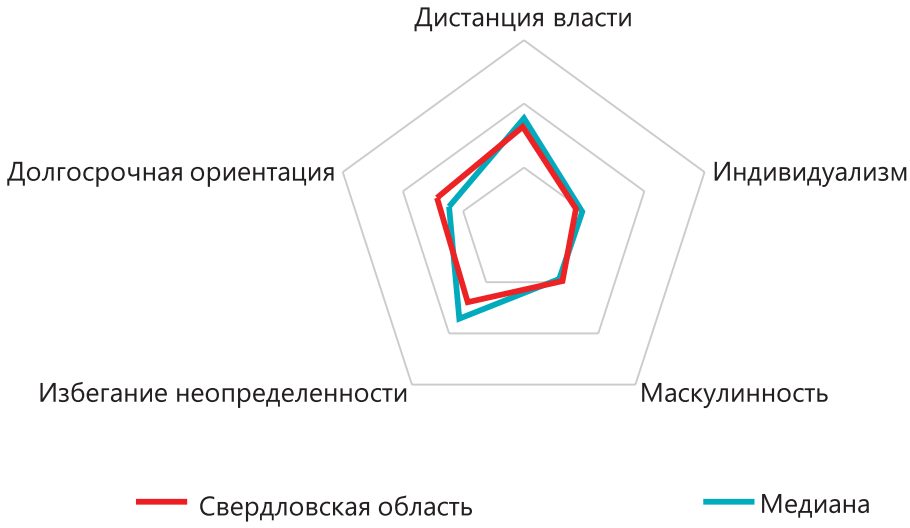
Рисунок П4-8. Социокультурный профиль Нижегородской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан, Томской области, Москве, Краснодарском крае, Ярославской области;
- по индивидуализму – выше, чем в Республике Дагестан, Республике Адыгея, Москве.

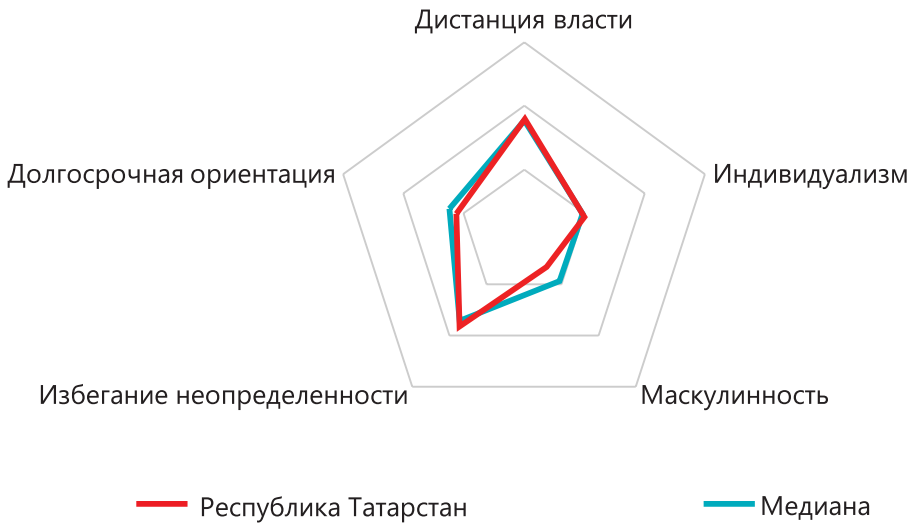
Рисунок П4-9. Социокультурный профиль Свердловской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по маскулинности – выше, чем в Ленинградской области, Республике Татарстан.

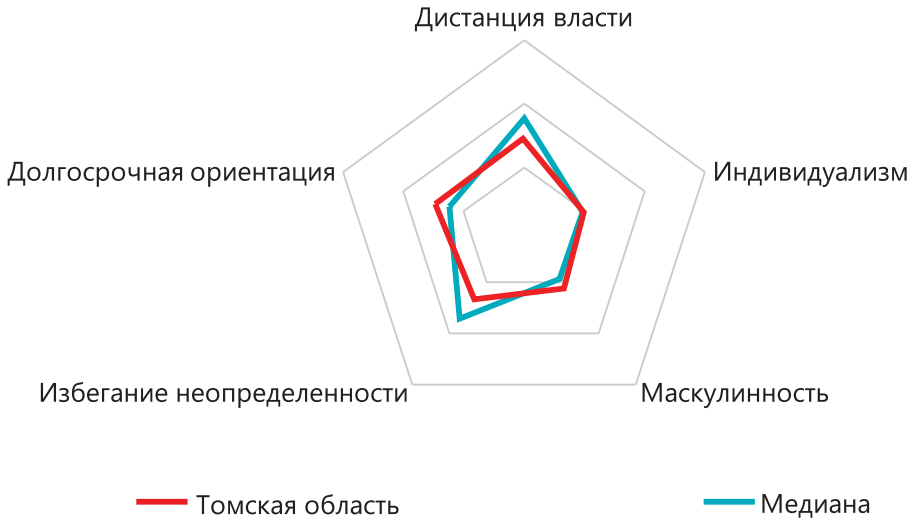
Рисунок П4-10. Социокультурный профиль Республики Татарстан



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по избеганию неопределенности – выше, чем в Республике Дагестан;
- по маскулинности – ниже, чем в Республике Дагестан, Свердловской области, Томской области.

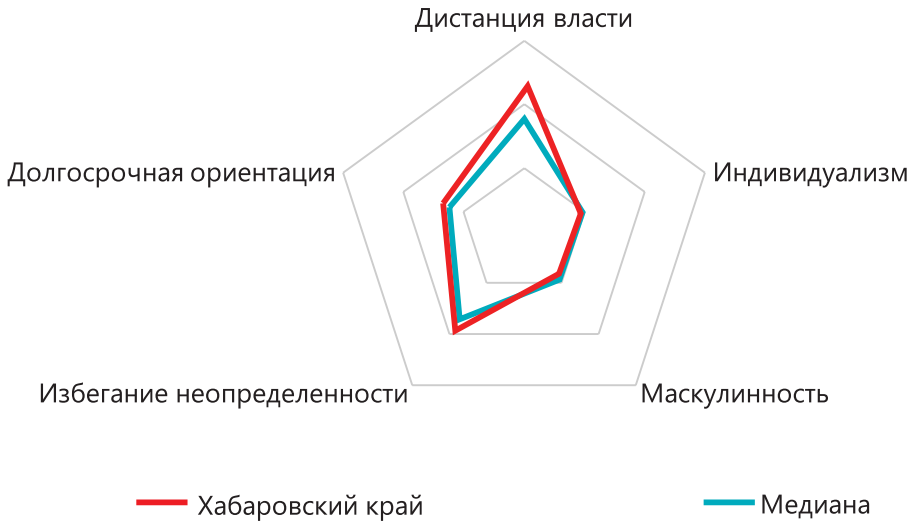
Рисунок П4-11. Социокультурный профиль Томской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – ниже, чем в Республике Коми, Архангельской области, Хабаровском крае, Ярославской области;
- по избеганию неопределенности – ниже, чем в Архангельской области, Нижегородской области, Республике Коми;
- по маскулинности – выше, чем в Ленинградской области и Республике Татарстан.

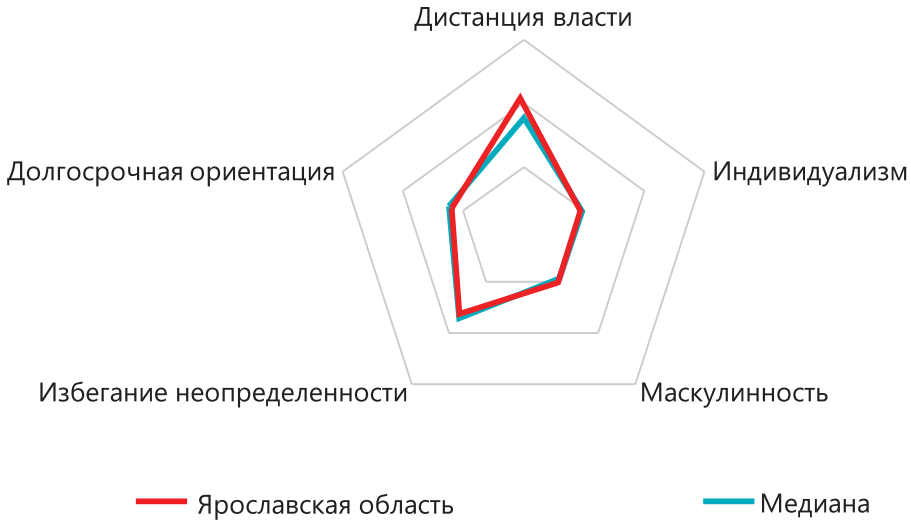
Рисунок П4-12. Социокультурный профиль Хабаровского края



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – выше, чем в Республике Дагестан, Ленинградской области, Томской области, Республике Адыгея.

Рисунок П4-13. Социокультурный профиль Ярославской области



Статистически значимые различия на 5%-ном уровне:

- по дистанции власти – выше, чем в Республике Дагестан, Ленинградской области, Томской области;
- по избеганию неопределенности – ниже, чем в Архангельской области, Нижегородской области;
- по маскулинности – выше, чем в Ленинградской области.

Опыт проведения исследований по методике Г. Хофстеде в России

Первые данные по методике Г. Хофстеде для России были получены на рубеже 1980–1990-х гг. [Hofstede, 2001, 1984; Hofstede et al. 1991]. При этом Хофстеде исходил из предпосылки, что внутри страны все люди образуют некую единую культурную общность.

Н. Латова и Ю. Латов [Латов и др., 2005], однако, указывают на необходимость учета высокой гетерогенности этих показателей на региональном уровне, поскольку Россия — страна с очень большой территорией и высокой гетерогенностью населения, а следовательно, культурные характеристики разных территориальных групп могут значимо отличаться. Исследование, охватывающее несколько регионов России, было проведено в 1995–1996 гг. в Приволжском, Центральном, Уральском, Северо-Западном и Южном федеральных округах России [Naumov, Puffer, 2000]. Авторы, используя собственную модификацию методики Хофстеде, опросили 250 студентов, преподавателей, специалистов, бизнесменов и получили следующие результаты: а) в целом отклонения показателей невелики; б) наибольшие отклонения наблюдаются по индивидуализму: относительно более индивидуалистичные регионы — в Южном федеральном округе, менее — в Уральском. Наименьшая вариация наблюдается по показателю избегания неопределенности.

В 2002 г. в рамках проекта «Региональные конфликты» Центра конфликтологии Института социологии РАН было запущено исследование в Нижегородской и Ярославской областях (557 и 545 респондентов соответственно). В дальнейшем похожие данные были собраны Институтом социологии РАН в Тюмени, Уфе и Москве. Исследование велось также по модифицированной версии опросника Г. Хофстеде, и по его результатам был сделан вывод об «относительном ментальном единстве российской нации» в силу низкой вариации показателей [Латов и др., 2005]. Наибольшая вариация была выявлена по показателю индивидуализма: относительно высокий — в Уфе и относительно низкий — в Нижнем Новгороде.

В 2002 г. В. А. Ядов собрал данные опроса 518 рабочих, мастеров, специалистов и руководителей четырех заводов в Самаре, Муроме, Волжске и Москве и, используя авторскую модификацию методики Хофстеде, выявил весьма значительные вариации показателей дистанции власти и маскулинности. Согласно результатам

исследования, Волжск отличается относительно высокими дистанцией власти и маскулинностью, в то время как в Самаре эти показатели самые низкие.

В 2003 г. В. П. Дубицкая и М.И. Тарарухина провели исследование ценностей Г. Хофстеде в 10 экономических районах России на выборке из 1 700 респондентов — сотрудников российской энергетической компании. Согласно результатам данного исследования, самый большой разброс значений наблюдается по показателю маскулинности: наибольшего значения он достигает в Уральском регионе, наименьшего — в Волго-Вятском [Дубицкая, 2015].

В 2004 г. Ю. В. Латов и Н.В. Латова провели по репрезентативной выборке анкетирование жителей Тулы (620 респондентов), Ставрополя (600 респондентов) и Тюмени (1000 респондентов). Исследование показало, что в регионах России наименьшая вариация наблюдается по показателям дистанции власти, маскулинности и долгосрочной ориентации. Показатели индивидуализма и избегания неопределенности менее однородны в регионах, при этом в Ставрополе наблюдается относительно высокое избегание неопределенности и низкий индивидуализм, а в Тюмени — относительно высокий индивидуализм и низкое избегание неопределенности.

В указанных выше исследованиях использовались различные модификации методологии Хофстеде и разные выборки респондентов. Для целей сопоставления регионов по ценностям Хофстеде агрегирование данных всех предшествующих исследований не представляется возможным [Латов и др., 2005].

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ДОВЕРИЕ И НОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ КООПЕРАЦИИ

Таблица П5-1. Ответы на вопросы, характеризующие радиус доверия респондента
(средние значения)

	СЗФО	ЦФО	ПФО	УФО	ДФО	СФО	ЮФО	Москва
Полностью доверяю своей семье	87,9%	91,5%	83,5%	90,7%	87,0%	90,4%	92,9%	81,0%
Полностью доверяю соседям	21,8%	21,0%	26,4%	13,4%	20,2%	12,9%	18,7%	11,0%
Полностью доверяю людям, которых знаю лично	17,9%	24,1%	23,6%	20,2%	17,1%	17,8%	15,8%	22,4%
Полностью доверяю людям, которых вижу в первый раз	9,8%	1,3%	1,6%	0,5%	2,1%	0,3%	0,0%	1,9%

Источник: World Values Survey, 2011

Таблица П5-2. Ответы на вопросы, характеризующие доверие большинству людей и людям, окружающим лично респондента (средние значения)

	Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?		**А если говорить о людях, которые окружают лично вас, то большинству из них можно доверять или в отношениях с ними следует быть осторожными?**	
	Большинству людей можно доверять	**В отношениях с людьми следует быть осторожными**	**Большинству можно доверять**	**В отношениях с людьми моего окружения следует быть осторожными**
Москва	25,4%	74,6%	78,4%	21,6%
Краснодарский край	19,1%	80,9%	74,1%	25,9%
Ленинградская область	20,3%	79,7%	72,9%	27,1%
Нижегородская область	18,8%	81,2%	75,6%	24,4%
Республика Дагестан	23,0%	77,0%	59,8%	40,2%
Республика Татарстан	22,8%	77,2%	70,3%	29,7%
Свердловская область	23,1%	76,9%	79,1%	20,9%
Томская область	23,3%	76,7%	77,1%	22,9%
Хабаровская область	23,0%	77,0%	73,0%	27,0%
Ярославская область	18,2%	81,8%	73,8%	26,2%

Источник: по данным исследования «Евробарометр в России» (www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra) и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов (выборка репрезентативна на уровне регионов)

Таблица П5-3. Ответы на вопросы, характеризующие нормы гражданской кооперации

Насколько, по Вашему мнению, заслуживает оправдание... (никогда не заслуживает, %)	**Получение государственных пособий, на которые человек не имеет права**	**Проезд зайцем в общественном транспорте**	**Неуплата налогов, если есть такая возможность**	**Получение взятки с использованием служебного положения**	**Уклонение от ответственности за ущерб, причиненный на автостоянке другому автомобилю**
Москва	36%	25%	41%	82%	55%
Краснодарский край	36%	32%	44%	83%	56%
Ленинградская область	43%	34%	51%	82%	59%
Нижегородская область	32%	32%	44%	80%	52%
Республика Дагестан	25%	24%	31%	70%	39%
Республика Татарстан	33%	29%	42%	77%	48%
Свердловская область	41%	33%	44%	86%	56%
Томская область	29%	25%	40%	83%	50%
Хабаровская область	34%	27%	42%	81%	49%
Ярославская область	32%	34%	39%	79%	50%

Источник: по данным исследования «Евробарометр в России» (www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra) и исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ, проведенного «РВК» при поддержке Центра стратегических разработок и Института национальных проектов (выборка репрезентативна на уровне регионов)

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

(На основе анализа социокультурного разнообразия регионов России)

На основе комплексной классификации регионов, опирающейся на совокупный анализ факторов социокультурного разнообразия, в данном пункте формулируются рекомендации для каждой выделенной группы регионов с целью стимулирования инновационного развития и предпринимательства.

Необходимо отметить, что учет региональных особенностей очевидным образом определяет эффекты второго порядка значимости по отношению к выбору основного содержания реформ. Поэтому существенной составляющей анализа и подробной детализации рекомендаций является общее представление о фундаментальном направлении (или фундаментальных направлениях) планируемых реформ в целом для всего общества, что позволяет на следующем шаге формировать подходы и способы адаптации для выделенных групп регионов. Более того, для подробной проработки специфических рекомендаций по внедрению и региональной адаптации реформ крайне необходимо отталкиваться от сути и детализированной программы каждой конкретной реформы. Таким образом, одной из базовых рекомендаций по адаптации реформ на региональном уровне является институциональное закрепление анализа и сопровождения планирующихся и внедряемых реформ с позиций региональных различий, прорабатываемых для каждой отдельно взятой реформы.

В то же время построенная комплексная классификация регионов позволяет сформулировать совокупность рекомендаций общего характера, контекстно независимых от содержания реформ. В данном пункте представлен перечень рекомендаций по развитию ценностей, ориентированных на инновационное развитие и развитие предпринимательства, а также их адаптацию для каждой выделенной группы регионов.

ГРУППА 1. В регионах данной группы родным языком большей части населения является русский, при этом население демонстрирует сравнительно более высокую готовность к реформам. Наиболее характерными представителями группы 1 являются: Республика Карелия, Республика Коми, Вологодская область, Новгородская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий АО.

В части инновационного развития:

- Поощрение всех инициативных форм предпринимательства.

- Акцентирование внимания среднего и высшего образования в части передачи «инновационных» навыков и обучения современному управлению инновациями, в том числе в рамках пилотных проектов по индивидуальным траекториям обучения.

- Активное продвижение инновационных технологий[36] в быту и в образовательных учреждениях (школах/вузах).

В среднем для регионов данной группы характерна более высокая адаптивность по отношению к реформам, более высокая мобильность населения, поэтому для более эффективного стимулирования инновационного мышления здесь необходимо существенное и всестороннее воздействие во всевозможных форматах.

Одним из наиболее ярких форматов «доведения инноваций до конечного потребителя» могло бы стать развитие рынка арендного жилья, удовлетворяющего всем современным (инновационным) стандартам качества. В частности, одним из стимулирующих факторов может стать разработка и апробация (внедрение) новых стандартов качества по инновационному оснащению жилых домов (дополнительная внутридомовая фильтрация воды, системы энергосбережения, централизованные системы кондиционирования, системы «умный дом» и т. п.). Стандарты должны иметь рекомендательный характер и отвечать новейшему мировому опыту. Для формирования соответствующего сегмента рынка арендного жилья необходимо активное продвижение таких рекомендательных стандартов через СМИ с целью разъяснения отдельных аспектов всем группам населения.

[36] Идеи «непрерывной смены технологического уклада», постоянного улучшения качества жизни в части доступности и простоты использования всевозможных технологических и информационных сервисов станут доминирующими в обществе только тогда, когда войдут в повседневную практику широких масс. Наряду с уже существующими и постепенно распространяющимися в регионах регулярными рутинами, такими как безналичная оплата проезда в общественном транспорте с использованием электронных карт или оплата коммунальных и других услуг посредством онлайн-банкинга, желательно также ввести в бытовые реалии большей части населения регулярность использования инновационных продуктов различных типов. Это позволит в некотором смысле приучить население к новым стандартам качества, а также будет способствовать формированию положительных инновационных ожиданий. Одним из действенных способов внедрения инноваций (в широком смысле) в быту и повседневной жизни является адаптация жилищных условий под современные стандарты качества. При этом в зависимости от характеристик, присущих рассматриваемым регионам в выделенной нами классификации, данная рекомендация была специфицирована для каждой группы.

Необходимо также отметить, что подобные новые микрорайоны будут служить дополнительным стимулом межрегиональной миграции, а следовательно, затронут и наиболее мобильную часть населения регионов, классифицированных в группы 2–4. Последнее может иметь дополнительный положительный синергетический эффект в силу концентрации на единых (локальных) территориях проживания наиболее активного, инновационно настроенного населения. Попутно было бы полезно создавать в таких микрорайонах и современную, инновационно оснащенную социальную инфраструктуру (школы, учреждения здравоохранения и т. п.).

Здесь, безусловно, возникают риски диспропорций в силу ограниченности объемов инвестиций в подобные «микрорайоны — ростки бытовых инноваций». Ясно также, что комплементарным фактором является и наличие потенциально инновационных по своей природе рабочих мест, что требует аккуратного территориального планирования при формировании таких микрорайонов.

В части развития предпринимательства:

- Поощрение предпринимательской коммуникации, в том числе посредством общественных организаций (НКО): расширение горизонтальных связей в предпринимательской среде как внутри регионов, так и — что более важно — между регионами и в связке «регион — центр». Поддержка различных НКО в форматах «предпринимательских клубов», «ассоциаций женского предпринимательства» и пр., снижение барьеров в создании и функционировании данного рода организаций. Предоставление грантов на создание новых организаций такого типа на конкурсной основе, особенно для малых городов и сельских районов.

- Приоритет в размещении современных крупных автоматизированных производств (со сложным менеджментом).

- Стимулирование регионов со стороны федерального центра в создании и развитии локальных зон развития.

- Вовлечение в предпринимательскую деятельность более широких слоев населения и создание специальных условий (льготы, кредиты, субсидии в дополнение к существующим) для впервые зарегистрированных предпринимателей, особенно для предприятий, функционирующих в сферах инновационной деятельности (сроком на 1-3 года; срок ранжируется в зависимости от уровня и суммарного объема предусматриваемых льгот в денежном эквиваленте).

ГРУППА 2. В регионах данной группы родным языком большей части жителей является русский, при этом население в существенной степени демонстрирует патерналистские настроения. Наиболее характерными представителями группы 2 являются: Иркутская, Новосибирская, Омская и Оренбургская области.

В части инновационного развития:

- Заимствование опыта ведущих регионов (группы 1) в части организации управления инновациями.

- Поощрение предпринимателей, готовых на «технологические сдвиги» в производстве продуктов, путем лизинговых схем на покупку капитала или патентов на производство.

- Поощрение предпринимателей, регулярно обновляющих компьютерное и программное, в т. ч. специализированное, обеспечение на своих предприятиях (налоговые льготы, субсидирование кредитов или лизинга).

- Поощрение интернет-коммерции: поддержка обучения местных предпринимателей (прежде всего — представителей малого бизнеса) по созданию бизнеса в сети Интернет с целью расширения сбыта, выхода на региональный, межрегиональный или международный уровень; создание локальной инфраструктуры, способствующей такому развитию, в том числе логистической инфраструктуры на региональном/межрегиональном уровне.

- Развитие коммунальной и инновационной инфраструктуры.

Для данной группы регионов необходимы более умеренные стимулы, чем для регионов группы 1, не провоцирующие дополнительного социального расслоения. В этом смысле соответствующие инициативы по развитию коммунальной и инновационной инфраструктуры должны быть в большей степени ориентированы на всеобщий охват, а не на выделение наиболее активных групп населения.

В части развития предпринимательства:

- Создание позитивного образа предпринимателя как «творца продукта», «кормильца», мецената (локального и регионального уровня).

- Поощрение и упрощение деятельности предпринимателей на региональном уровне; гранты на обучение предпринимательству, поддержка финансовой грамотности.

- Введение дополнительных мер правовой защиты предпринимателей, в частности, от рэкета и возможного рейдерского захвата, в некрупных поселениях (малых городах и относительно развитых сельских поселениях).

- Распространение идей предпринимательской кооперации и более активной коммуникации, в том числе в рамках НКО.

- Поддержка деятельности уже существующих малых предприятий, предоставление дополнительных стимулов для внутреннего (в т. ч. инновационного) развития этих предприятий:

  I рекомендуется предусмотреть льготы и поощрения при своевременном обновлении оборудования (в т. ч. IT), автоматизации производства, ускоренной амортизации оборудования и т. п., поощрение использования лизинговых схем для обновления оборудования;

  II для более широкого распространения «инновационного мышления» в регионах группы 2 также рекомендуется стимулировать развитие предпринимателями электронной и интернет-коммерции;

  III отдельные льготы рекомендуется предусмотреть для предпринимателей из регионов группы 1, открывающих в регионах группы 2 свои филиалы или представительства.

ГРУППА 3. В регионах данной группы существенную долю населения составляют люди с одним и тем же родным языком, отличным от русского. Вопросы имплементации и адаптации реформ здесь носят более сложный, комплексный характер. Наиболее характерным представителем группы 3 можно назвать Республику Татарстан.

В части инновационного развития:

- Важной компонентой может стать формирование республиканских (региональных) фондов инвестиций/инноваций, локализованных по управлению на региональном уровне, но получающих поддержку из федерального центра по мере выхода участников на межрегиональный и международный рынок.

  Этап развития «межрегионального» предпринимательства может позиционироваться как дополнительная социальная функция — нести знание (и специфику продукта) «в массы», т. е. в другие регионы.

- Активное внедрение инновационных технологий в быту, в том числе в сельской местности, а также широкое освещение этого процесса в СМИ.

  Особенности развития коммунально-бытовой и инновационной инфраструктуры для этой группы регионов желательно ориентировать прежде всего на группы населения, являющиеся носителями соответствующих региональных традиций. В этом смысле отдельное внимание должно быть уделено поселениям, расположенным в сельской

местности, особенно в части обеспечения инновационной IT-инфраструктурой (в первую очередь доступом к сети Интернет), способствующей формированию у населения привычки воспринимать и принимать новое.

Сочетание региональных культурных особенностей и традиций с доступом к современной информации может дать положительный синергетический эффект как в части развития инновационного мышления, так и в части развития предпринимательства, в том числе ориентированного на производство продукции региональных брендов. Как и в случае группы 1, подобные программы должны сопровождаться широким освещением в СМИ.

В части развития предпринимательства:

- Поощрение предпринимателей, выпускающих специфические региональные продукты, более активное внедрение торговых марок, ориентированных на регион, стимулирование межрегиональной торговли такими товарами.

- Поощрение и развитие предпринимательства в молодежной среде, которая, с одной стороны, является носителем региональных социокультурных традиций, но, с другой стороны, обладает более высокой степенью адаптивности и мобильности и в этом смысле могла бы послужить основным драйвером распространения инновационного мышления в деловой среде и в целом в обществе.

ГРУППА 4. В регионах данной группы присутствует большое число различных этнических групп, языки которых также, соответственно, различны. Отдельные группы населения в рассматриваемых регионах имеют традиционный (иногда – архаический) социокультурный уклад, что требует особого и аккуратного подхода к выработке, имплементации и адаптации реформ для данных регионов. Наиболее характерным представителем группы 4, демонстрирующим максимальную степень фракционализации, является Республика Дагестан.

В части инновационного развития:

- Развитие глобального (межрегионального и даже регионального) предпринимательства здесь может быть ограничено естественными (экзогенными) факторами, однако необходимо акцентировать внимание на позитивном образе предпринимателя как «творца продукта», «кормильца», мецената (локального уровня).

- Понимание ценностей, ориентированных на инновационное развитие, скорее в контексте готовности к приобретению и накоплению известных знаний.

- Активное развитие базовой коммунальной и инновационной инфраструктуры: электричества, мобильной связи, телевидения, Интернета.

В части развития предпринимательства:

- Упрощение и легализация деятельности локальных предпринимателей (действующих в рамках отдельных поселений/муниципалитетов); выдача грантов на обучение предпринимательству, поддержка финансовой грамотности.

- Акцентирование особого внимания на вопросах коррупции («нелегального налогообложения») в малых поселениях – принятие дополнительных мер защиты.

- Распространение идей предпринимательской кооперации и более активной коммуникации, в том числе в рамках НКО.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА ГРУПП ПОДДЕРЖКИ И ГРУПП КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ

Таблица П7-1. Исходные вопросы и ключевые параметры отношения к реформам, использовавшиеся при кластеризации респондентов

Параметр	Исходный вопрос	Используемая кодировка
Готовность к решительным реформам	Оцените по шкале от 1 до 10, какая позиция Вам ближе: «Нужно соблюдать осторожность при принятии решений, связанных с серьезными переменами» (1) или «При принятии решений, связанных с серьезными переменами, надо действовать смело, решительно» (10)	1, если респондент выбрал ответ 6–10; 0, если респондент выбрал ответ 1–5
Вера в собственные силы	Оцените по шкале от 1 до 10, какая позиция Вам ближе: «Усердная работа обычно не приводит к успеху, главную роль играют удача и связи» (1) или «В конечном итоге, усердная работа вознаграждается. Удача и связи играют второстепенную роль» (10)	1, если респондент выбрал ответ 6–10; 0, если респондент выбрал ответ 1–5
Гражданская активность*	Представьте, что Вас пригласили поучаствовать в нескольких общественных благотворительных проектах, например, по благоустройству парков, которые организуют разные люди и организации. В каком из перечисленных проектов Вы бы скорее приняли участие?	1, если респондент принял бы участие в благотворительном проекте; 0, если респондент не принял бы участие ни в одном из предложенных благотворительных проектов

* Интегральные переменные гражданской активности и доверия к государству были получены путем слияния соответствующих переменных в факторы с использованием факторного анализа (метод главных компонент, метод вращения – варимакс).

Гражданская активность	Представьте, что государство проводит лотерею с крупным призовым фондом на следующих условиях: 13% от суммы выигрыша получает победитель, а остальную сумму он имеет право распределить по статьям бюджета — на науку, культуру, образование или социальную сферу. Вы бы стали или не стали участвовать в такой лотерее?	1, если респондент стал бы участвовать в лотерее; 0, если респондент не стал бы участвовать в лотерее
	В мире распространена практика, когда граждане участвуют в распределении части местного бюджета. Представьте, что у Вас есть возможность влиять на распределение части бюджета вашего города, поселка (для Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя и для села — района). Вы бы стали или не стали принимать в этом участие?	1, если респондент стал бы участвовать; 0, если респондент не стал бы участвовать
	В некоторых странах граждане сами декларируют свои доходы (в том числе зарплату), ежегодно подавая налоговую декларацию. При каких из перечисленных условий Вы бы согласились самостоятельно подавать налоговую декларацию?	1, если респондент стал бы заполнять декларацию при наличии возможности направить часть уплачиваемых налогов на социально значимые цели (образование, медицина, поддержка общественных организаций и т. п.); 0 в любом ином случае (кроме варианта «затрудняюсь ответить», не учитываемого при подсчете)
Доверие государству	Скажите, пожалуйста, в какой степени Вы доверяете главе вашего города (поселка, для Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, а также для села — района)	1, если респондент ответил «Полностью доверяю» или «Скорее доверяю»; 0, если респондент ответил «Скорее не доверяю» или «Полностью не доверяю»
	Скажите, пожалуйста, в какой степени Вы доверяете главе вашей области (края, республики, для Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя — города)	1, если респондент ответил «Полностью доверяю» или Скорее доверяю»; 0, если респондент ответил «Скорее не доверяю» или «Полностью не доверяю»
	Скажите, пожалуйста, в какой степени Вы доверяете президенту РФ	1, если респондент ответил «Полностью доверяю» или «Скорее доверяю»; 0, если респондент ответил «Скорее не доверяю» или «Полностью не доверяю»

Таблица П7-2. Распределение респондентов из трех кластеров в соответствии с возрастом, материальным положением и типом населенного пункта проживания

	Возраст			
	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Группа критического отношения к реформам	20,8%	28,3%	33,5%	17,4%
Группа поддержки реформ «снизу»	32,3%	31,1%	24,9%	11,7%
Группа поддержки реформ «сверху»	25,8%	27,6%	27,1%	19,5%

	Материальное положение семьи				
	Денег не хватает на питание	На питание хватает, на одежду — нет	На одежду хватает, на крупную бытовую технику — нет	На бытовую технику хватает, на автомобиль — нет	На автомобиль хватает
Группа критического отношения к реформам	9,4%	27,6%	35,2%	17,4%	10,3%
Группа поддержки реформ «снизу»	4,5%	18,2%	35,6%	25,4%	16,4%
Группа поддержки реформ «сверху»	7,3%	20,0%	38,5%	22,9%	11,4%

	Тип населенного пункта*				
	города с количеством жителей 1 млн и более	Города с количеством жителей от 250 тыс. до 1 млн	Города с количеством жителей от 50 до 250 тыс.	Города с количеством жителей менее 50 тыс., ПГТ	Села
Группа критического отношения к реформам	13,7%	22,8%	22,8%	18,1%	22,8%
Группа поддержки реформ «снизу»	16,2%	20,0%	20,8%	17,4%	25,6%
Группа поддержки реформ «сверху»	14,2%	20,9%	15,3%	16,5%	33,2%

* Москва была исключена из анализа в силу наличия у нее значительных отличий от других представителей группы городов-миллионников, в частности, высокой численности населения, сосредоточения в ней крупных финансовых и миграционных потоков, а также более высокого уровня дохода у респондентов, чем в среднем по России.

Таблицы П7-3 — П7-5. Распределение респондентов из кластеров поддержки и критического отношения к реформам в зависимости от характеристик занятости, образования, округа проживания

	Какое у вас образование? (один ответ)						
	Неполное среднее или ниже	Среднее общее (школа)	Начальное профессиональное (ПТУ, лицей и т. п.)	Среднее специальное (ссуз, техникум, колледж, медицинское училище и т. п.)	Незаконченное высшее (обучение в вузе без получения диплома)	Высшее (диплом специалиста, бакалавра, магистра и т. п.)	Аспирантура, ученая степень, звание
Группа критического отношения к реформам	4,1%	23,7%	6,0%	37,7%	2,3%	25,6%	0,5%
Группа поддержки реформ «снизу»	3,9%	19,0%	5,3%	36,0%	3,3%	32,3%	0,2%
Группа поддержки реформ «сверху»	4,7%	24,7%	5,8%	36,8%	2,4%	24,7%	0,9%

	Занятость	
	Работающие	Неработающие
Группа критического отношения к реформам	59,8%	40,2%
Группа поддержки реформ «снизу»	67,3%	32,7%
Группа поддержки реформ «сверху»	57,7%	42,3%

	Федеральные округа							
	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Группа критического отношения к реформам	26,5%	11,4%	8,7%	6,4%	19,4%	6,9%	17,8%	2,8%
Группа поддержки реформ «снизу»	24,9%	10,2%	8,8%	5,7%	19,6%	10,2%	16,8%	3,7%
Группа поддержки реформ «сверху»	28,9%	8,6%	13,6%	7,5%	22,3%	7,9%	7,8%	3,4%

Примечание: размер выборки в Дальневосточном федеральном округе (66 респондентов) не достаточен для формулирования содержательных выводов о сходстве и различиях между данным округом и другими округами

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. ОТНОШЕНИЕ К РЕФОРМАМ РАЗНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Отношение к преобразованиям в зависимости от уровня благополучия[37]

Наибольшую степень критического отношения к реформам «снизу» демонстрируют сегменты общества с самой низкой оценкой материального положения («Денег не хватает на питание»). (Дополнительные таблицы с распределениями в зависимости от образования, занятости, округа проживания и др. приведены в Приложении 7.)

Так, для групп населения с низкой оценкой материального благополучия характерна низкая готовность к участию в разного рода инициативах:

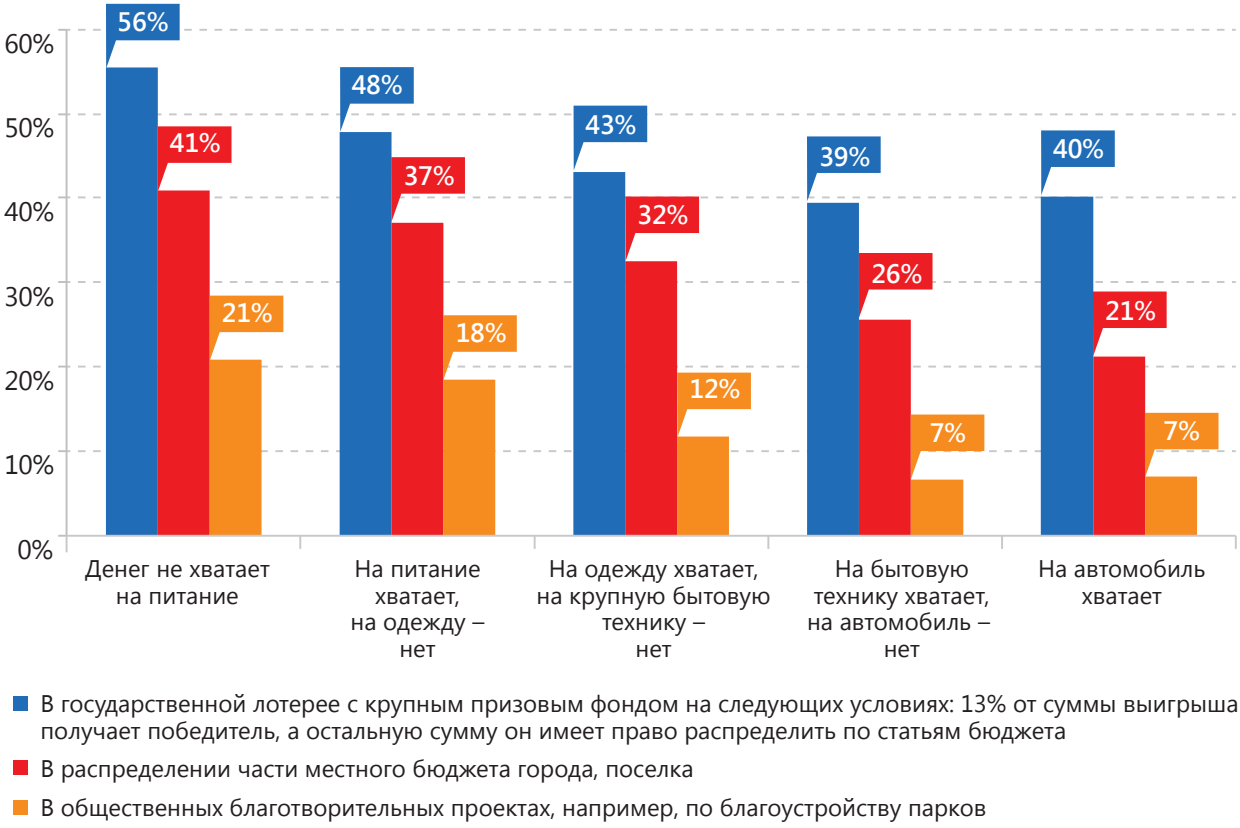
- 56% не стали бы участвовать в налоговой лотерее, условия которой позволяют распределить часть выигрыша по статьям бюджета — на развитие науки, культуры, образования или социальной сферы (в сегментах общества с уровнем благополучия выше среднего отказались от участия 40%);

- 41% не стал бы ни при каких условиях участвовать в партиципаторном бюджетировании (в сегментах общества с высоким уровнем благополучия отказались от участия лишь 21%);

- 21% не стал бы участвовать ни в каком общественном благотворительном проекте (в сегментах общества с высоким уровнем благополучия отказались от участия лишь 7%).

[37] Для анализа поддержки и критического отношения к реформам по уровню дохода российское общество сегментировано на 5 групп: группа с низкой оценкой объективного благополучия («Денег не хватает на питание») — 144 респондента (7% выборки); группа с оценкой объективного благополучия ниже среднего («На питание хватает, на одежду — нет») — 434 респондента (22% выборки); группа со средней оценкой объективного благополучия («На одежду хватает, на крупную бытовую технику — нет») — 737 респондентов (37% выборки); группа с оценкой объективного благополучия выше среднего («На бытовую технику хватает, на автомобиль — нет») — 439 респондентов (22% выборки); группа с высокой оценкой объективного благополучия («На автомобиль хватает») –246 респондентов (12% выборки).

Рисунок П8-1. Неготовность к участию в общественных инициативах и преобразованиях в разных группах населения по уровню материального благополучия

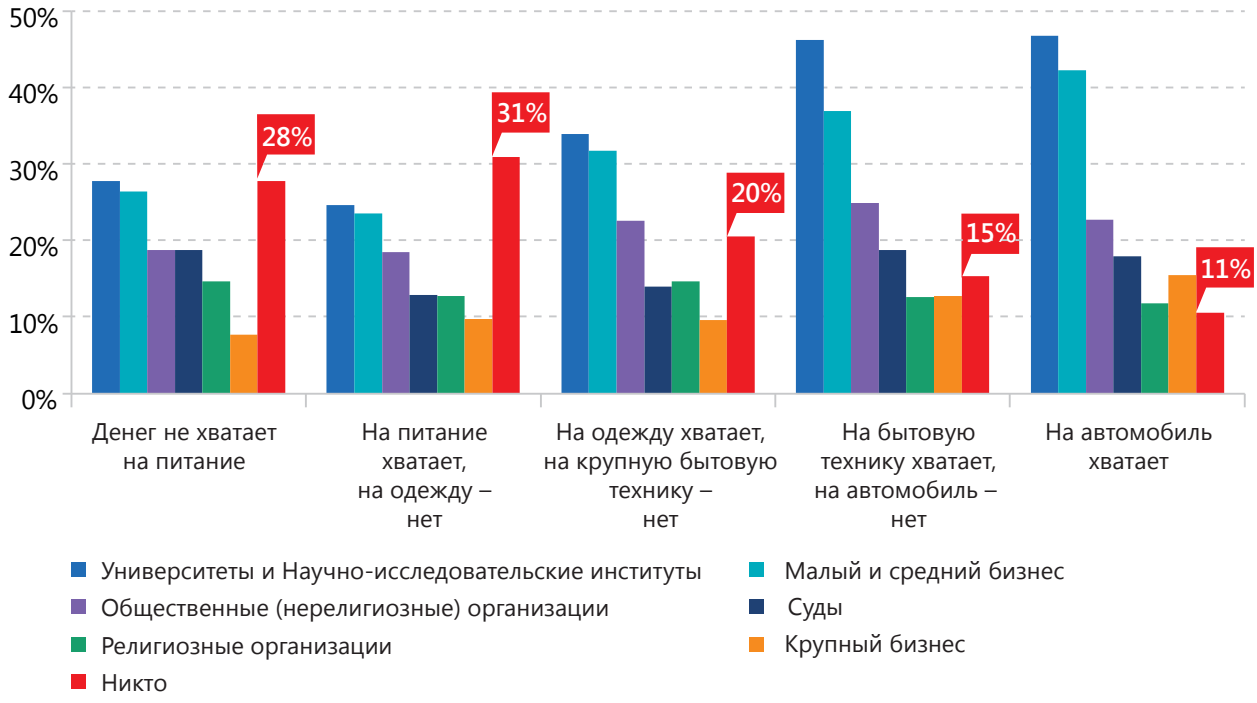


Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Критическое отношение к реформам «снизу», свойственное низкодоходным группам населения, усугубляется рядом обстоятельств: низким доверием институтам, коротким горизонтом планирования, настороженным отношением к переменам.

Так, 28% респондентов с наиболее низкими доходами считают, что никакой из неправительственных институтов (университеты и научно-исследовательские институты, бизнес, общественные [нерелигиозные] организации, суды, религиозные организации) не заслуживает доверия. Отметим, что в группе с высоким уровнем благополучия никому не доверяют только 11% респондентов. Отсутствие доверия к неправительственным институтам блокирует возможность их подключения к процессу реформирования «снизу» — как трансляторов информации о реформах или как неких центров гражданской активности, сплачивающих вокруг себя граждан с низкими доходами.

Рисунок П8-2. Институциональное доверие в разных группах населения по уровню материального благополучия

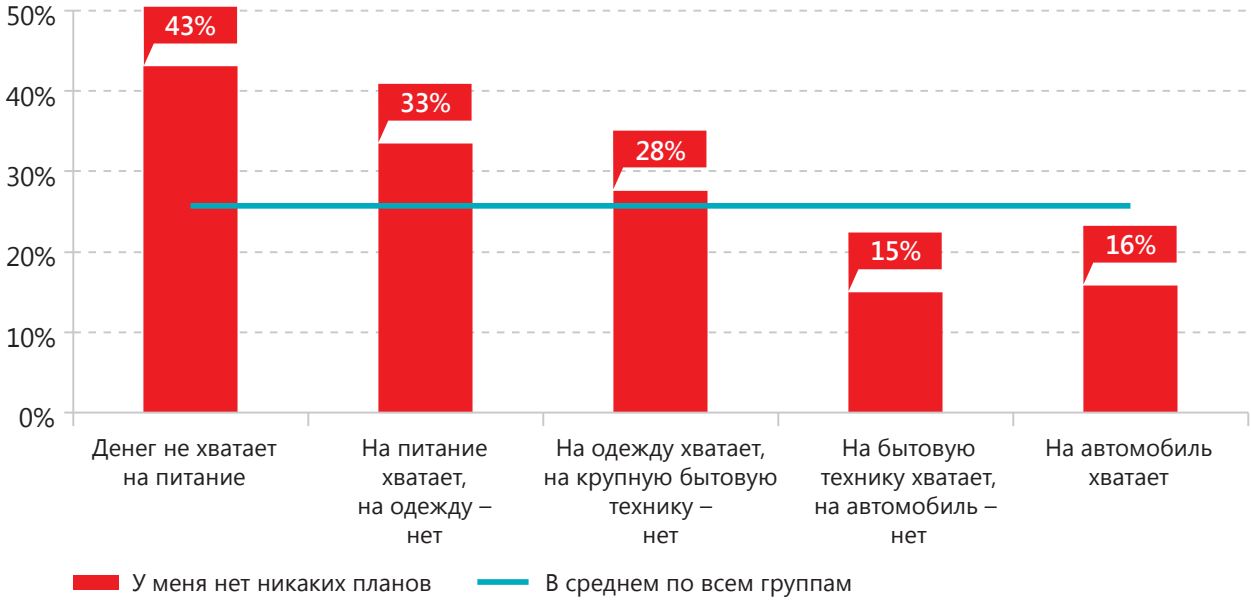


Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

43% представителей низкодоходных групп не строят никаких планов на будущее (в группе с высоким уровнем благополучия планов нет у 16%). Короткий горизонт планирования ограничивает возможности по вовлечению низкодоходных групп населения в процесс преобразований, особенно, предполагающих наличие отложенных эффектов.

42% респондентов с самой низкой оценкой благополучия уверены, что нужно соблюдать осторожность при принятии решений, связанных с серьезными переменами (в группе с высоким уровнем благополучия с таким мнением согласны 25%). Относительно высокая осторожность в отношении перемен может послужить препятствием для участия в общественных инициативах и реформах «снизу», поскольку люди в большей степени склонны к сохранению статус-кво.

Рисунок П8-3. Склонность к планированию в разных группах населения по уровню благополучия



Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

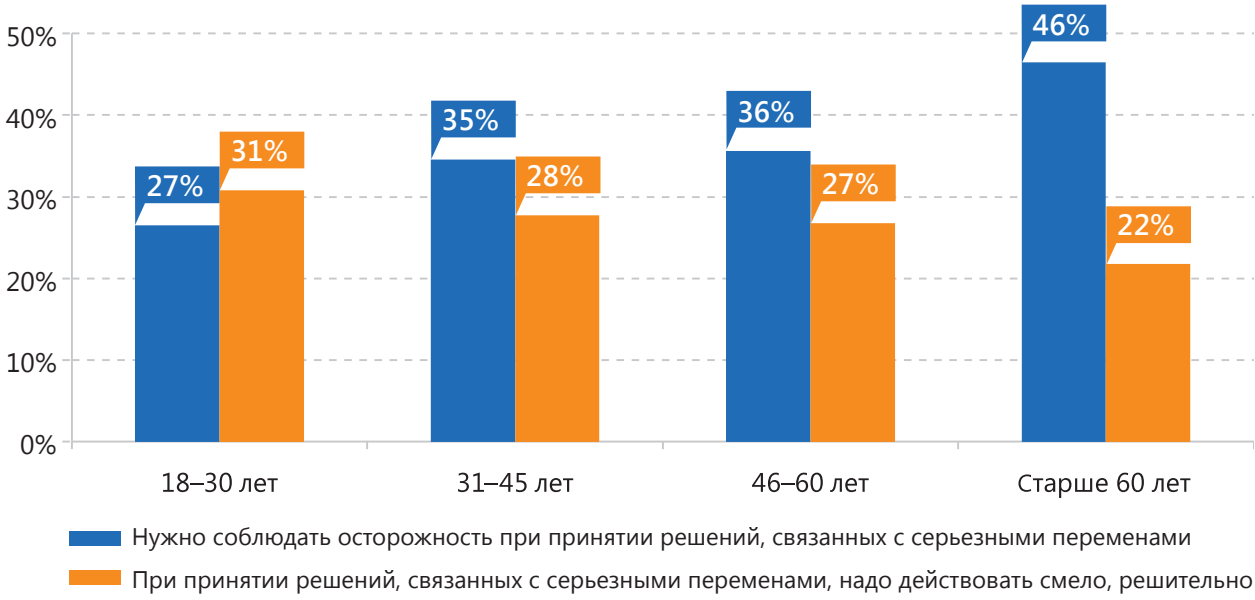
Рисунок П8-4. Отношение к переменам в разных группах населения по уровню благополучия

Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Отношение к преобразованиям в зависимости от возраста[38]

В качестве группы поддержки реформ могут выступать люди в возрасте от 18 до 30 лет: только 27% представителей этой группы считают, что при принятии решений, связанных с серьезными переменами, действовать нужно осторожно. У респондентов более старшего возраста настороженность по отношению к переменам перевешивает проактивное отношение: в возрастной группе старше 60 лет эту позицию разделяют 46%.

Рисунок П8-5. Отношение к переменам в разных возрастных группах



Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Помимо этого, представители возрастной группы до 30 лет открыты к преобразованиям в налоговой сфере. 71% готовы самостоятельно подавать налоговую декларацию (в среднем по всем группам готовность проявили 57% респондентов); 61% готовы к переходу на накопительную пенсионную систему (в среднем по всем группам аналогичную готовность проявили 51%).

Представители других возрастных групп в меньшей степени готовы к проведению преобразований. Однако группы старше 60 лет нельзя назвать группами критического отношения к реформам, поскольку и в этих сегментах общества относительно велика доля людей, проявляющих поддержку потенциальным преобразованиям, но другого типа – направленным прежде всего на снижение социального неравенства. Различия в степени

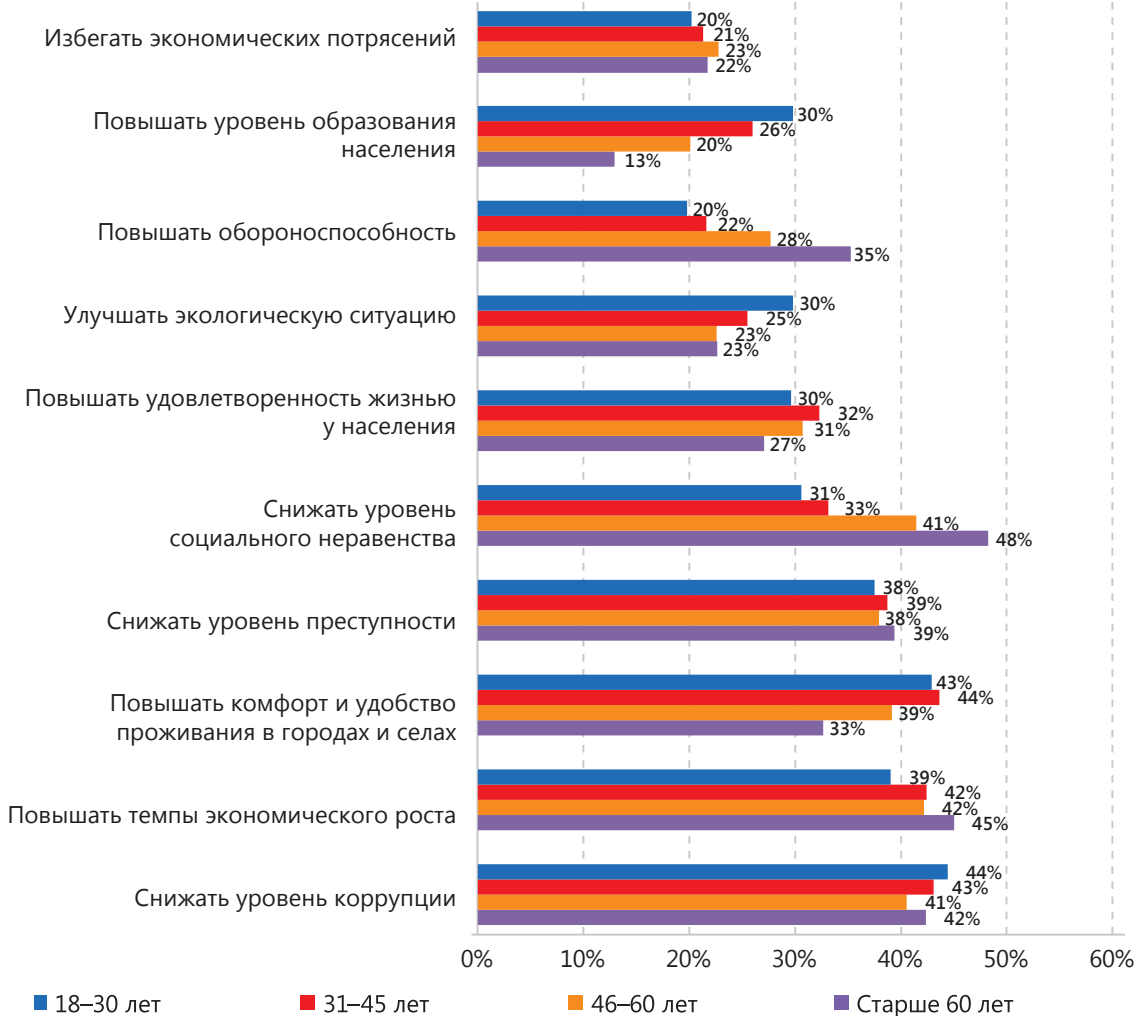
[38] Для анализа групп поддержки и групп критического отношения к реформам российское общество было сегментировано на четыре группы: население в возрасте 18–30 лет – 520 респондентов (26% выборки); население в возрасте 30–45 лет – 573 респондента (29% выборки); население в возрасте 45–60 лет – 567 респондентов (28% выборки); население старше 60 лет – 340 респондентов (17% выборки).

поддержки преобразований в разных сегментах общества могут быть обусловлены различиями во взглядах на приоритетные цели развития страны:

- в группе моложе 30 лет значительно бóльшая доля респондентов (чем в других группах) считает одной из первоочередных задач развития страны повышение качества образования;

- для группы населения старше 60 лет значительно бóльшая доля респондентов (чем в других группах) считает первоочередными задачами снижение социального неравенства населения и обеспечение обороноспособности страны.

Рисунок П8-6. Приоритетные цели развития страны у разных возрастных групп (представлены 10 наиболее приоритетных целей)



Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Различия во взглядах на развитие страны у разных возрастных групп проявляются в разнице приоритетов при определении необходимых условий проведения преобразований:

- для большинства респондентов моложе 30 лет важно, чтобы при проведении изменений, направленных на повышение уровня жизни, не ограничивались права и свободы граждан;

- для большинства респондентов старше 60 лет важно, чтобы не нарушались принципы справедливости.

Перечисленные различия во взглядах на курс развития страны обусловливают разную степень поддержки возрастными группами реформ, ориентированных на процесс индивидуализации, развитие самостоятельности и снижение патернализма граждан, с одной стороны, и реформ, ориентированных на социальное выравнивание, с другой.

Рисунок П8-7. Необходимые условия проведения преобразований для разных возрастных групп

Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Отношение к преобразованиям в зависимости от типа населенного пункта[39]

Анализ отношения к реформам населения в зависимости от типа населенного пункта вывил следующее:

- сельское население выступает группой поддержки реформ «сверху»;
- города-миллионники выступают основной группой поддержки реформ, связанных с гражданской активностью (введение партиципаторного бюджетирования).

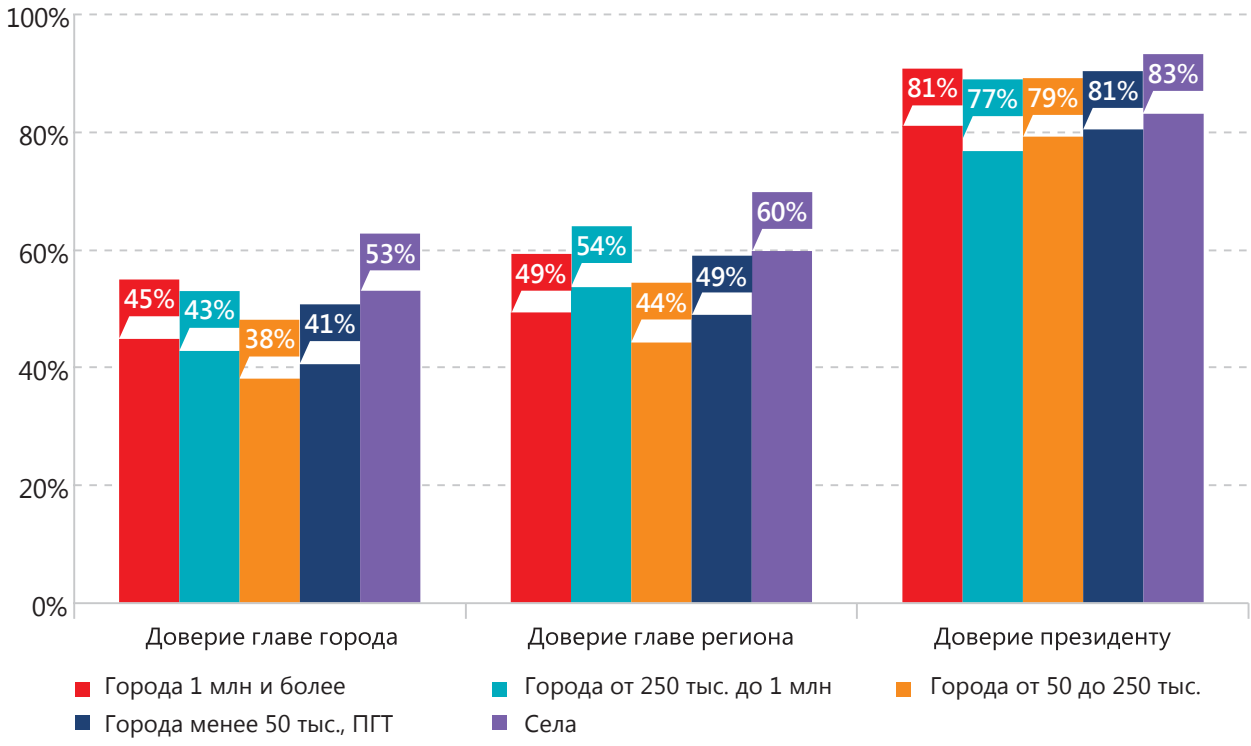
Сельское население характеризуется более высоким уровнем институционального доверия к местным, региональным и федеральным властям: 53% жителей сел доверяют главе района, 60% — главе региона и 83% — президенту (в среднем по всем группам главе города/района доверяют 44%, главе региона — 52%, президенту — 80%). При этом жители сельской местности чаще, чем жители других населенных пунктов, отмечают доверие команде реформаторов как условие, способное примирить их с неудобствами при проведении реформ: для 18% опрошенных в сельской местности доверие реформаторам оказалось важно при 13% в среднем по всем группам.

Жители сел чаще считают, что успеха можно достичь упорным трудом, а не удачей и связями. 41% респондентов в сельской местности уверены, что успех — результат труда, в городах-миллионниках так считают 22% респондентов. То, что успеха в жизни можно достичь благодаря удаче и связям, считают 19% опрошенных в селах, в крупных городах подобного мнения придерживаются 25%.

Основной группой поддержки реформ, направленных на использование гражданской активности, являются крупные города.

[39] Для анализа групп поддержки и групп критического отношения к реформам в исследуемой выборке (за исключением Москвы) было выделено пять категорий населения по типам населенного пункта: сельское население — 519 респондентов (28% выборки); население городов с числом жителей менее 50 тыс., ПГТ — 313 респондентов (17% выборки); население городов с числом жителей от 50 до 250 тыс. — 343 респондента (19% выборки); население городов с числом жителей от 250 тыс. до 1 млн — 387 респондентов (21% выборки); население городов с числом жителей 1 млн и более (за исключением Москвы) — 265 респондентов (15% выборки). Москва была исключена из анализа в силу наличия у нее значительных отличий от других представителей группы городов-миллионников, в частности, высокой численности населения, сосредоточения в ней крупных финансовых и миграционных потоков, а также более высокого уровня дохода у респондентов, чем в среднем по России.

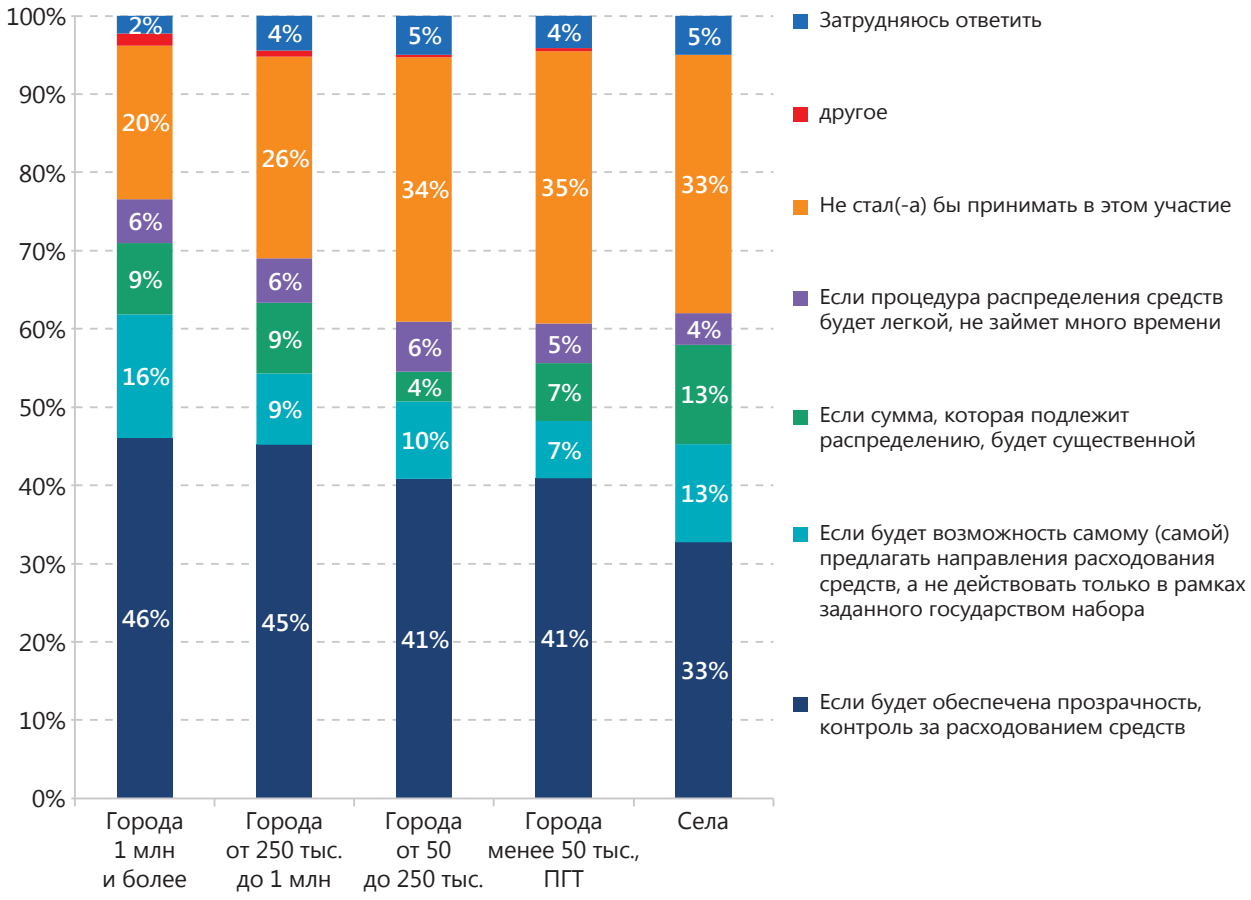
Рисунок П8-8. Институциональное доверие в группах по типу населенного пункта



Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

Таким образом, сельские территории оказываются группой поддержки реформ, инициированных «сверху». Жители крупных городов являются основной группой поддержки реформ, требующих гражданского участия.

Рисунок П8-9. Готовность участвовать в партиципаторном бюджетировании



Источник: по данным опроса «Мнения россиян о реформах»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акчурина, Д. Д., Давыдов Д. В., Вебер Ш., Крутиков Д. В., Хазанов А. А. (2015). Измерение разнообразия: теория и социально-экономические приложения. // Современная экономика: проблемы и решения. № 2.

Аузан, А. А., Архангельский, А. Н., Лунгин, П. С., Найшуль, В. А. (2011). Культурные факторы модернизации: доклад. СПб.: Фонд «Стратегия 2020». [kulturnye_faktory_modernizacii, 2011].

Бегельсдейк, Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности, М.: Издательство Института Гайдара.

Вебер, Ш. и др. (2013). Отчет о проводимом научном исследовании по направлению «Изучение разнообразия и социальных взаимодействий с фокусом на экономике и обществе России». Этап 1 (промежуточный). ЛИСОМО РЭШ. 228 стр.

Вебер, Ш. и др. (2014). Отчет о проводимом научном исследовании по направлению «Изучение разнообразия и социальных взаимодействий с фокусом на экономике и обществе России». Этап 2 (промежуточный). ЛИСОМО РЭШ. 87 стр.

Вебер, Ш., Давыдов Д.В. (2015). Экономика разнообразия: подходы, методы, результаты // Экономика и математические методы. № 4.

Грэхэм, Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. — М.: Манн, Иванов и Фербер.

Дубицкая, В. (2015). Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров. — М.: Альпина Паблишер.

Инглхарт, Р. (1997). Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис, 4, 6-32.

Инглхарт, Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития, М.: Новое издательство.

Коалиции для будущего. Стратегии развития России (2007). Коллектив экономистов «СИГМА». — М.: ООО «Издательство «Промышленник России», 112 с.

Латов, Ю. В., Латова, Н. В., & Николаева, С. И. (2005). Повседневная теневая экономика и национальная экономическая ментальность в современной России: взаимосвязь индексов Г. Хофстеда и индикаторов теневой экономической деятельности. М.: Директмедиа Паблишинг.

Латова, Н. В., Эргенели, А., Латов, Ю. В., Темирбекова, Ж. (2006). Ментальность молодежи модернизирующихся стран как отражение изменений надконституционных правил институциональной среды (этнометрический подход на основе индексов Г. Хофстеда).

Лебедева, Н. М. (2013). Ценности культуры и отношение к инновациям. Исследование проведено при поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ (№ проекта 07-01-140). *https://www.hse.ru/data/2010/03/26/1217636836/Lebedeva_CultValues&Innovations.pdf.*

Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2009). Культура как фактор общественного прогресса. — М.: ЗАО «Юстицинформ». — 408 с.

Марьясис, Д.А. (2016). Израиль. Модель догоняющего развития. Материалы семинара ЦСР.

Никитин, К. М. [при участии Щедриной А. М.] (2016). Налоговые технологии самоорганизации / Позитивная реинтеграция: Новый подход к государственному управлению в постсоветских экономиках. Под общ. ред. А. А. Аузана, К. Н. Келимбетова, М.: Альпина Паблишер.

Пансков, В.Г. (2011). Налоги и налогообложение: теория и практика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 24.

Патнэм, Р. (1996). Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.

Полтерович, В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика, 447.

Полтерович, В. М. (2016). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ. Власть, (5), 146–150.

Полтерович, В. М. (2016). Институциональные реформы и гражданская культура. Историческая и социально-образовательная мысль, 8 (2-2).

Прозоровский, А. С. (2016). «Догоняющее» развитие и модернизаторский авторитаризм в Южной Корее. Материалы семинара ЦСР.

Свешникова, Ю. В. (2016). Политическая стабильность и модернизация в Малайзии в 1981–2003 гг. Материалы семинара ЦСР.

Стародубровская, И. В. (2015). Северный Кавказ: истоки нестабильности [Лекция, прочитанная в рамках цикла «Публичные лекции „Полит.ру“» 12 февраля 2015 года]. — Полит.ру *http://polit.ru/article/2015/04/05/caucasus/*

Тамбовцев, В. (2008). Основы институционального проектирования. Учебное пособие, М.: ИНФРА-М.

Хазанов, А. А. (2016). Нежесткие бюджетные ограничения и разнообразие населения в российских регионах. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Экономика и управление. № 3. С. 125-131.

Харрисон, Л. (2014). Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.

Шаститко, А. Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. — М.:ТЕИС.

Ядов, В. А. (2002). Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества. Россия реформирующаяся, (2), 349-363.

Acemoglu, D., Robinson, J.A., & Verdier, T. (2012). Can't We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric growth and institutions in an interdependent world (No. w18441). National Bureau of Economic Research.

Aghion, P., Algan, Y., & Cahuc, P. (2007). Can Policy influence culture? Minimum wage and the Quality of Labor Relations. NBER Working Paper, (January), 1–55.

Aghion, P., Algan, Y., Cahuc, P., & Schleifer, A. (2010). Regulation and Distrust. Quarterly Journal of Economics, 125(3), 1015-1049.

Agostino, M.J.D. (2006). Social Capital : Lessons from a Service-Learning Program. Park University International Center For Civic Engagement, (August).

Akerlof, G.A., & Kranton, R.E. (2000). Economics and identity. Quarterly journal of Economics, pp. 715-753.

Alesina A., Harnoss J., Rapoport H. (2013). Birthplace Diversity and Economic Prosperity. NBER Working Paper Series: 18699.

Alesina, A., & Ferrara, E.L. (2005). Ethnic diversity and economic performance. Journal of economic literature, 43(3), 762-800.

Alesina, A., & Giuliano, P. (2013). Family ties (No. w18966). National Bureau of Economic Research.

Alesina, A., & Giuliano, P. (2015). Culture and institutions. Journal of Economic Literature, 53(4), 898-944.

Alesina, A., & La Ferrara, E. (2002). Who trusts others?. Journal of public economics, 85(2), 207-234.

Alesina, A., Baqir, R., & Easterly, W. (1999). Public Goods and Ethnic Divisions. Quarterly Journal of Economics, 1243-1284.

Alesina, A., Spolaore, E. and Wacziarg, R. (2000). Economic Integration and Political Disintegration, American Economic Review, 90.

Algan, Y., Cahuc, P., & Shleifer, A. (2013). Teaching practices and social capital. American Economic Journal: Applied Economics, 5(3), 189–210.

Annett, A. (2001). Social fractionalization, political instability, and the size of government. International Monetary Fund Staff Papers 48.3: 561-593.

Avvisati, F., Gurgand, M., Guyon, N., & Maurin, E. (2014). Getting parents involved: A field experiment in deprived schools. Review of Economic Studies, 81(1), 57–83.

Barro, R.J., & McCleary, R. (2003). Religion and economic growth (No. w9682). National Bureau of Economic Research.

Bauer, M., Cassar, A., & Chytilová, J. (2011). Warfare and social preferences in children. Discussion Paper, University of San Francisco.

Beblawi, H., & Luciani, G. (Eds.). (2015). The Rentier State. Routledge.

Bénabou, R., Tirole, J. (2006). Incentives and prosocial behavior. American Economic Review, 96(5), 1652–1678.

Berger, P.L., Hsiao, H.H.M. (1988). In Search Of An East Asian Development Model.

Beugelsdijk, S., & Van Schaik, T. (2001). Social capital and regional economic growth. Tilburg: Tilburg University.

Bisin, A., & Verdier, T. (2001). The Economics of Cultural Transmission and the Dynamics of Preferences. Journal of Economic Theory, 97(2), 298–319.

Bollinger, D. (1994). The four cornerstones and three pillars in the "House of Russia" management system. Journal of Management Development, 13(2), 49-54.

Bouckaert, G. (2007). Chapter 2. Cultural Characteristics from Public Management Reforms Worldwide. Cultural Aspects of Public Management Reform (Research in Public Policy Analysis and Management, Volume 16) Emerald Group Publishing Limited, 16, 29-64.

Bouckaert, G. (2015). Governance: a typology and some challenges. The International Handbook of Public Administration and Governance, 35.

Bouckaert, G., Van de Walle, S. (2003). Comparing measures of citizen trust and user satisfaction as indicators of 'good governance': difficulties in linking trust and satisfaction indicators. International Review of Administrative Sciences, 69(3), 329-343.

Campos, N. F., Saleh, A., & Kuzeyev, V. (2011). Dynamic ethnic fractionalization and economic growth. The Journal of International Trade & Economic Development, 20(2), 129-152.

Cantoni, D., & Yuchtman, N. (2014). Medieval universities, legal institutions, and the commercial revolution. The Quarterly Journal of Economics, 129(2), 823-887.

Chang, S.J. (2003). Financial crisis and transformation of Korean business groups: The rise and fall of chaebols. Cambridge university press.

Chen, K. (2013). The effect of language on economic behavior: Evidence from saving rates, health behaviors, and retirement assets, American Economic Review 103, 690-731.

Cipolla, C.M. (1972). The Diffusion of Innovations in Early Modern Europe / Comparative Studies in Society and History, 14 (1): 46–52.

Cohen, A., & Caspary, L. (2011). Individual values, organizational commitment, and participation in a change: Israeli teachers' approach to an optional educational reform. Journal of Business and Psychology, 26(3), 385-396.

Collier, P. (2001). Implications of ethnic diversity. Economic policy, 16(32), 128-166.

Cooke, P., & Wills, D. (1999). Small Firms, Social Capital and the Enhancement of Business

Performance Through Innovation Programmes. Small Business Economics, 13, 219–234.

Cripps, J. (2015). Celebrating European Diversity: Interpretations in Religion, Language, Culture, and Education. European integration, 21.

De Araujo, R.S. (2013). Pension system design Cultural determinants of civil-service pension scheme separation from the general scheme. Erasmus school of economics.

DeMello, L. (2004). Can fiscal decentralization strengthen social capital? Public Finance Review.

Desmet, K., Le Breton, M., Ortuno-Ortin, I., Weber, S. (2011). Break-up of Countries and Unions: Simple Theory and Quantitative Analysis, Journal of Economic Growth (16), 183-213.

Desmet, K., Ortuno-Ortin, I., Weber, S. (forthcoming). Peripheral Diversity: Transfers versus Public Goods, Social Choice and Welfare.

Devarajan, S., Raballand, G., & Le, T. M. (2011). Direct Redistribution, Taxation, and Accountability in Oil-Rich Economies: A Proposal. Center for Global Development working paper, (281).

Dias, N. (2014). Hope for Democracy: 25 Years of Participatory Budgeting Worldwide. Nelson Dias (org). *http://www.portugalparticipa.pt/upload_folder/table_data/4502b693-3a6c-46b6-95d8-a8705d6dde17/files/OP25Anos-EN-20maio2014.pdf*

Dohmen, T. et al. (2010). Are Risk Aversion and Impatience Related to Cognitive Ability? // The American Economic Review. Vol. 100. — №. 3. — С. 1238-1260.

Dollinger, S. J., Burke, P. A., & Gump, N. W. (2007). Creativity and values. Creativity Research Journal, 19(2-3), 91-103.

Dower, P.C., & Markevich, A. (2014). A history of resistance to privatization in Russia. Journal of Comparative Economics, 42(4), 855-873.

Dyck, J.J. (2009). Initiated distrust: Direct democracy and trust in government. American Politics Research, 37(4), 539-568.

Easterly, W., & Levine, R. (1997). Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. The Quarterly Journal of Economics, 1203-1250.

Egri, C.P., & Ralston, D.A. (2004). Generation cohorts and personal values: A comparison of China and the United States. Organization Science, 15(2), 210-220.

Eklinder-Frick, J., Eriksson, L.T., & Hallén, L. (2012). Multidimensional Social Capital as a Boost or a

Bar to Innovation. In 28th Industrial Marketing and Purchasing Conference.

Fearon, J.D., & Laitin, D.D. (1996). Explaining interethnic cooperation. American political science review, 90(04), 715-735.

Fernandez, D.R., Carlson, D.S., Stepina, L. P., & Nicholson, J. D. (1997). Hofstede's country classification 25 years later. The Journal of social psychology, 137(1), 43-54.

Florida, R. (2002). The Rise of the Creative Class. N.Y.: Basic Books.

Florida, R., Gates, G. (2001). Technology and tolerance: The importance of diversity to High-Tech Growth. Research in Urban Policy 9:199-219 • December 2003.

Freytag, A., & Renaud, S. (2007). From short-term to long-term orientation – political economy of the policy reform process. Journal of Evolutionary Economics, 17(4), 433-449.

Fujita, M., & Weber, S. (2010). Immigration quotas in the globalized economy. Journal of the New Economic Association, 7, 10-23.

Gadenne, L. (2013). Tax me, but spend wisely: sources of public finance and government accountability. Work. Pap., Univ. Coll. London.

Gehlbach, S. (2008). Representation through Taxation. New York: Cambridge University Press.

Gemmell, N., Morrissey, O., & Pinar, A. (1998). Taxation, Fiscal Illusion and the Demand for Government Expenditures in the UK: a Time-Series Analysis. Univ., Department of Economics.

Ghemawat, P. (2001). Distance still matters. Harvard business review, 79(8), 137-147.

Ginsburgh, V., & Weber, S. (2011). How many languages do we need?: The economics of linguistic diversity. Princeton University Press.

Gittell, R., & Vidal, A. (1998). Community organizing: Building social capital as a development strategy. Sage publications.

Giuliano, P., & Spilimbergo, A. (2014). Growing up in a Recession. The Review of Economic Studies, 81(2), 787-817.

Goldstone, J. A. (1987). Cultural orthodoxy, risk, and innovation: the divergence of East and West in the early modern world. Sociological Theory, 5(2), 119-135.

Gorodnichenko, Y., Roland, G. (2011). Which dimensions of culture matter for long-run growth?

The American Economic Review, 101(3), 492-498. (b)

Granovetter, M. (1973). The strength of weak ties. The strength of weak ties.

Greif, A. (1993). Contract enforceability and economic institutions in early trade: The Maghribi traders' coalition. The American economic review, 525-548.

Grosfeld, I., Rodnyansky, A., & Zhuravskaya, E. (2013). Persistent antimarket culture: a legacy of the pale of settlement after the holocaust. American economic journal: economic policy, 5(3), 189-226.

Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2006). Does culture affect economic outcome. Journal of economic prospective, Vol. 20, N.2.

Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2013). Long term persistence. IEF Working Paper N.23/13.

Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2004). The role of social capital in financial development. The American Economic Review, 94(3), 526-556.

Halpern, D. (2005). Social capital (First Edit). Cambridge: Polity Press.

Hempel, P.S. (1998). Designing multinational benefits programs: The role of national culture. Journal of World Business, 33(3), 277-294.

Herb, M. (2005). No representation without taxation? Rents, development, and democracy. Comparative Politics, 297-316.

Herbig, P.A., & Miller, J.C. (1993). Culture and technology: Does the traffic move in both directions?. Journal of Global Marketing, 6(3), 75-104.

Hitt, M.A., Lee, H.U., & Yucel, E. (2002). The importance of social capital to the management of multinational enterprises: Relational networks among Asian and Western firms. Asia Pacific Journal of Management, 19(2-3), 353-372.

Hoffman, B.D., & Gibson, C.C. (2005). Fiscal governance and public services: evidence from Tanzania and Zambia. San Diego: Department of Political Science, University of California, San Diego.

Hofstede, G. (1984). Culture's consequences: International differences in work-related values (Vol. 5). Sage.

Hofstede, G. (2001). Culture's Consequenses: Comparing values, behaviors, institutions, and

organizations across nations, 2nd ed., Sage Publications, Thousand Oaks, CA.

Hofstede, G., Hofstede, G.J., & Minkov, M. (1991). Cultures and organizations: Software of the mind (Vol. 2). London: McGraw-Hill.

Hofstede, G., Hofstede, G.J., & Minkov, M. (2010). Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded. McGraw-Hill, New York.

Jennings, M.K., & Stoker, L. (2004). Social trust and civic engagement across time and generations. Acta politica, 39(4), 342-379.

Kaasa, A., Vadi, M. (2008). How Does Culture Contribute To Innovation? Evidence from European Countries / Tartu University Press.

Kalvet, T. (2012). Innovation: a factor explaining E-Government success in Estonia. Electronic Government, an International Journal, 9(2), 142-157.

Kampen, J.K., De Walle, S.V., & Bouckaert, G. (2006). Assessing the relation between satisfaction with public service delivery and trust in Government. The impact of the predisposition of citizens toward Government on evaluations of its performance. Public Performance & Management Review, 29(4), 387-404.

Kitsing, M. (2011). Success Without Strategy: E-Government Development in Estonia. Policy & Internet 3.1: 1-21.

Knack, S., & Keefer, P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. The Quarterly journal of economics, 1251-1288.

Kuijs, L. (2005). The Impact of Ethnic Heterogeneity on the Quantity and Quality of Public Spending. No 00/49, IMF Working Papers from International Monetary Fund.

La Ferrara, E. (2003). Kin groups and reciprocity: A model of credit transactions in Ghana. The American Economic Review, 93(5), 1730-1751.

Levi, M. (1998). A state of trust. Trust and governance, 1, 77-101.

Leyden, K.M. (2003). Social Capital and the Built Environment: The Importance of Walkable Neighborhoods. American Journal of Public Health, 93(9), 1546–1551.

Lian, B., & Oneal, J. R. (1997). Cultural Diversity and Economic Development: A Cross-National Study of 98 Countries, 1960–1985. Economic Development and Cultural Change, 46(1), 61-77.

Licht, A.N., Goldschmidt, C., & Schwartz, S.H. (2007). Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance. Journal of comparative economics, 35(4), 659-688.

Limonov, L., & Nesena, M. (2016). Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance?. Area Development and Policy, 1(1), 63-93.

Mani, A. et al. (2013). Poverty Impedes Cognitive Function. Science. Vol. 341. №. 6149. 976-980.

Mauro, P. (1995). Corruption and Growth, Quarterly Journal of Economics, 110, 681-712.

Meltzer, A.H., & Richard, S.F. (1981). A rational theory of the size of government. The Journal of Political Economy, 914-927.

Minkov, M. (2011). Cultural differences in a globalizing world. Emerald Group Publishing.

Moore, M. (2008). Between coercion and contract: competing narratives on taxation and governance. Taxation and state-building in developing countries, 34-63.

Naumov, A., & Puffer, S. (2000). Measuring Russian culture using Hofstede's dimensions. Applied psychology, 49(4), 709-718.

North, D.C. (1990). Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge university press.

Osang T., Weber S. (2016). Immigration Policies, Labor Complementarities, Population Size and Cultural Frictions: Theory and Evidence, International Journal of Economic Theory, forthcoming.

Ottaviano, G.I., & Peri, G. (2006). The economic value of cultural diversity: evidence from US cities. Journal of Economic geography, 6(1), 9-44.

Parent, M., Vandebeek, C.A., & Gemino, A. C. (2005). Building citizen trust through e-government. Government Information Quarterly, 22(4), 720-736.

Park People. (2017). Sparking Change: Catalyzing the Social Impacts of Parks in Underserved Neighbourhoods. Toronto. *http://parkpeople.ca/sparkingchange/*

Park, C.M., & Chull Shin, D. (2006). Popular support for democracy and its institutions in Korea: the dynamics and sources of regime support and institutional trust. International Review of Sociology—Revue Internationale de Sociologie, 16(3), 665-681.

Prichard, W. (2010). Taxation and state building: Towards a governance focused tax reform agenda. IDS Working Papers, 2010(341), 1-55.

Putnam, R.D. (1995). Bowling alone: America´s declining social capital. Journal of Democracy, 6, 65–78.

Putnam, R.D. (2000). Bowling alone: America's declining social capital. In Culture and Politics (pp. 223-234). Palgrave Macmillan US.

Pyle, W., & Solanko, L. (2013). The composition and interests of Russia's business lobbies: Testing Olson's hypothesis of the "encompassing organization." Public Choice, 155(1–2), 19–41.

Ravallion, M. (2012). Why don't we see poverty convergence? American Economic Review.

Rohner, D., Thoenig, M., & Zilibotti, F. (2013). Seeds of distrust: Conflict in Uganda. Journal of Economic Growth, 18(3), 217-252.

Ross, M.L. (2001). Does oil hinder democracy?. World politics, 53(3), 325-361.

Ruef, M. (2002). Strong ties, weak ties and islands: structural and cultural predictors of organizational innovation. Industrial and Corporate Change, 11(3), 427-449.

Sapir, E. (1949). Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality, Berkley, CA: University of California Press.

Saxenian, A.L. (1999). Silicon Valley's New Immigrant Entrepreneurs. San Francisco: Public Policy Institute of California.

Schwartz, S.H., Caprara, G. V., & Vecchione, M. (2010). Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis. Political Psychology, 31(3), 421-452.

Schwartz, S.H., Verkasalo, M., Antonovsky, A., & Sagiv, L. (1997). Value priorities and social desirability: Much substance, some style. British journal of social psychology, 36(1), 3-18.

Shane, S. (1993). Cultural influences on national rates of innovation. Journal of Business Venturing, 8(1), 59-73.

Shane, S. (1995). Uncertainty avoidance and the preference for innovation championing roles. Journal of International Business Studies, 26(1), 47-68.

Shane, S.A. (1992). Why do some societies invent more than others?. Journal of Business Venturing, 7(1), 29-46.

Stevenson, B., & Wolfers, J. (2011). Trust in public institutions over the business cycle. The American Economic Review, 101(3), 281-287.

Tabellini, G. (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. Journal of the European Economic Association, 8(4), 677-716.

Tadesse, B., & White, R. (2010). Does cultural distance hinder trade in goods? A comparative study of nine OECD member nations. Open Economies Review, 21(2), 237-261.

Tajfel, H., Billig, M., Bundy, R.P., and Flament, C. (1971). Social Categorization and Intergroup Behavior, European Journal of Social Psychology, 1, 149-178.

Tang, L. (2012). The direction of cultural distance on FDI: attractiveness or incongruity?. Cross Cultural Management: An International Journal, 19(2), 233-256.

Todd, E. (1985). The explanation of ideology: Family structures and social systems. Oxford: Blackwell

Trompenaars, F., & Hampden-Turner, C. (2011). Riding the waves of culture: Understanding diversity in global business. Nicholas Brealey Publishing.

Tura, T., & Harmaakorpi, V. (2005). Social capital in building regional innovative capability. Regional Studies, 39(8), 1111-1125.

Van der Lecq, F., Rivera-Rozo, J., & Steenbeek, O. (2011). Cultural determinants of pension supervision and regulation.

Varsakelis, N.C. (2001). The impact of patent protection, economy openness and national culture on R&D investment: a cross-country empirical investigation. Research policy, 30(7), 1059-1068.

Voigtländer, N., & Voth, H.J. (2012). Persecution perpetuated: the medieval origins of anti-Semitic violence in Nazi Germany. Quarterly Journal of Economics, 127(3), 1339-1392.

Waarts, E., & Van Everdingen, Y. (2005). The Influence of National Culture on the Adoption Status of Innovations: An Empirical Study of Firms Across Europe. European Management Journal, 23(6), 601-610.

Welch, E.W., Hinnant, C.C., & Moon, M.J. (2005). Linking citizen satisfaction with e-government and trust in government. Journal of public administration research and theory, 15(3), 371-391.

Whitt, S., & Wilson, R.K. (2007). The dictator game, fairness and ethnicity in postwar Bosnia. American Journal of Political Science, 51(3), 655-668.

Whorf, B. (1956). Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf, Cambridge, MA: MIT Press.

Williams, L.K. & McGuire, S.J.J. (2005). Effects of National Culture on Economic Creativity and Innovation Implementation. The Institution of Market Exchange 2005. Conference proceedings, Barcelona, International Society for the New Institutional Economics.

Wood, L., Shannon, T., Bulsara, M., Pikora, T., McCormack, G., & Giles-Corti, B. (2008). The anatomy of the safe and social suburb: An exploratory study of the built environment, social capital and residents' perceptions of safety. Health and Place, 14(1), 15–31.

Woolcock, M., & Narayan, D. (2000). Social capital: Implications for development theory, research, and policy. The world bank research observer, 15(2), 225-249.

Yamamura, J. H., Satoh, M., & Stedham, Y. (2003). Changing Dimensions of National Culture in Japan: Applying the Hofstede Framework.

Yang, P. (2007). Government behavior and trust: The case of China. Cato J., 27, 359.

Yesuf, M., & Bluffstone, R.A. (2009). Poverty, risk aversion, and path dependence in low-income countries: Experimental evidence from Ethiopia. American Journal of Agricultural Economics, 91(4), 1022-1037.

Zhao, F. (2013). An empirical study of cultural dimensions and e-government development: implications of the findings and strategies.

World Value Survey (2011) *http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp*

АНО «Левада-Центр»: *http://www.levada.ru/*

Большецильнинское сельское поселение: *http://bcel-drogganoe.tatarstan.ru/*

Ведомости *https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/03/31/683528-aktivnee-protestovali*

Евробарометр в России *http://www.ranepa.ru/nauka-i-konsalting/strategii-i-doklady/evrobarometr/metodologiya-evrobarometra/*

Институт проблем правоприменения: *http://enforce.spb.ru/*

Информационное агентство «Татар-информ»: *http://www.tatar-inform.ru/*

Комитет гражданских инициатив: *https://komitetgi.ru/*

Коммерсантъ: *http://kommersant.ru/*

Научно-исследовательский финансовый институт: *http://www.nifi.ru/*

Открытое правительство: *http://open.gov.ru/*

РБК: *http://www.rbc.ru/*

Российская газета: *https://rg.ru/*

Федеральная служба государственной статистики *http://www.gks.ru/*

Федеральное казначейство: *http://www.roskazna.ru/*

ЦЕНТР
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
РАЗРАБОТОК

125009, Москва, ул. Воздвиженка, дом 10
тел.: (495) 725 78 06, 725 78 50
e-mail: info@csr.ru
web: csr.ru